ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

№ 5

[1] 2010

НАМ — ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ!

В НОМЕРЕ: ЛАУРЕАТЫ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ
ГЕРТА МЮЛЛЕР, ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ, ЭУДЖЕНИО МОНТАЛЕ,
А ТАКЖЕ ВЛАДИМИР НАБОКОВ В ПЕРЕПИСКЕ С ЭДМУНДОМ УИЛСОНОМ

SHOUT
SHARE
IT

- Владимир Набоков
  - Николай Мельников
  - Из переписки Владимира Набокова и Эдмонда Уилсона[45]
    -
    - 1940
    - 1941
    - 1942
    - 1943
    - 1944
    - 1945
    - 1946
    - 1947
    - 1948
    - 1949
    - 1950
    - 1951
    - 1952
    - 1953
    - 1954
    - 1955
    - 1956
    - 1957
    - 1958
    - 1959
    - 1960
    - 1971
  - Эдмунд Уилсон
  - Владимир Набоков
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145

- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189

- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122

- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166

- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207

Владимир Набоков
ПЕРЕПИСКА С ЭДМУНДОМ УИЛСОНОМ

Николай Мельников
Вступительная статья

Владимир Набоков — один из тех писателей, чей литературный канон в значительной мере состоит из посмертно изданных произведений. Помимо стихотворений и пьес, полностью собранных и изданных лишь после смерти автора, здесь можно вспомнить и новеллу «Волшебник», миниатюрную прото-«Лолиту», написанную по-русски осенью 1939 года и впервые опубликованную по-английски в 1989-м; три тома лекций по литературе, относительно которых в апреле 1972 года, после ревизии материалов, оставшихся от его преподавательской поденщины в американских университетах, Набоков дал категорическое распоряжение: «Мои университетские лекции (Толстой, Кафка, Флобер, Сервантес) слишком сыры и хаотичны и не должны быть опубликованы. Ни одна из них!»; наконец, черновик незаконченного романа «Лаура и ее оригинал», недавно изданный вопреки воле Мастера — после изощренной рекламной кампании, в ходе которой предприимчивый наследник около года держал в напряжении набокофилов, поливая их контрастным душем противоречивых заявлений, будто бы не решаясь расставить точки в тексте нехитрой арии: СЖЕЧЬ НЕЛЬЗЯ ИЗДАТЬ СЖЕЧЬ НЕЛЬЗЯ ИЗДАТЬ СЖЕЧЬ НЕЛЬЗЯ ИЗДАТЬ СЖЕЧЬ НЕЛЬЗЯ ИЗДАТЬ СЖЕЧЬ НЕЛЬЗЯ ИЗДАТЬ…

Среди этих замогильных публикаций, во многом обязанных своим появлением на книжном рынке желанию лишний раз заработать на громком имени, особое место занимает переписка Набокова с американским критиком Эдмундом Уилсоном (1895–1972). Замысел этого издания возник у Набокова еще в шестидесятые годы, когда отношения между корреспондентами уже разладились. Впервые он упомянул о нем в письме представителю издательства «Боллинген-пресс» (27 августа 1964 года). Сообщив о нежелании видеть Уилсона в роли рецензента готовящегося издания «Евгения Онегина», Набоков; тем не менее, выразил надежду, что их переписка «когда-нибудь будет опубликована»[1]. Как опытный художник Набоков осознавал, что она таит в себе потенциальные качества интригующего эпистолярного романа — с двумя яркими протагонистами, четкой композицией и драматичной историей о многолетней дружбе-вражде, в которой причудливо переплелись искренняя душевная приязнь и взаимное непонимание, благородный альтруизм и жгучая зависть, общность интересов и принципиальные

разногласия едва ли не по всем основным аспектам политики, эстетики, художественного перевода, стиховедения, лингвистики…

***

История эта началась в августе 1940 года, когда русский литератор, только что прибывший в США и нуждавшийся в заработке, послал одному из ведущих американских критиков письмо с просьбой о встрече. Во время встречи, состоявшейся 8 октября, влиятельный критик, временно занимавший пост литературного редактора журнала «Нью рипаблик», заказал незнакомцу несколько рецензий на книги, так или иначе связанные с русской темой, — предложение, за которое тот с радостью ухватился (эти рецензии стали его первыми публикациями в Америке). Незнакомцем, как вы уже догадались, был Владимир Набоков (подозреваю, читатели «ИЛ» знают, кто это такой и почему в мае 1940 года он вместе с семьей бежал из Европы в Америку); заказчиком, естественно, — Эдмунд Уилсон: критик, публицист, драматург, поэт, прозаик, короче говоря, стопроцентный the man of letters, «литератор до мозга костей» (Б. Эпстайн), о котором хотелось бы рассказать чуть более подробно, поскольку без этого не будет ясна прихотливая интрига эпистолярного романа о дружбе-вражде.

Родился он, как и Набоков, в богатой и просвещенной семье. Отец его был преуспевающим адвокатом, он занимал ряд государственных должностей в Нью-Джерси при тогдашнем губернаторе Вудро Вильсоне (будущем президенте США) и рассчитывал со временем стать членом Верховного Суда. Замыслам этим не суждено было сбыться, отчего Эдмунд Уилсон-старший, и без того склонный к меланхолии, впал в депрессию, отгородившись от других членов семьи, которая, увы, не была столь безоблачно счастлива, как набоковская. Той душевной гармонии между сыном и родителями, о которой вспоминал Набоков в «Других берегах», здесь не было и в помине. Мать Уилсона, судя по его воспоминаниям, была особой недалекой и приземленной. Именно ей он был обязан дурацким прозвищем — приторно сюсюкающим словечком «Bunny»[2]: она называла его так не только дома, но и в школе, что не могли не взять на вооружение ехидные одноклассники. С той поры кличка намертво прилипла к несчастному, и, как он ни боролся с ней, все его близкие знакомые — и в школе, и в Принстонском университете, и позже, когда он был признан «Плутархом Америки» (А. Кейзин),

«самым умным и проницательным критиком нашей эпохи» (К. Госс), — величали его Bunny[3].

Как это часто бывает с ранимыми и одинокими детьми, маленький Эдмунд нашел единственную отдушину в запойном чтении и сделался страстным книголюбом, благо отец собрал огромную библиотеку. Вот вам, кстати, еще одна общая черта между будущими корреспондентами. Правда, в отличие от своего русского друга-врага, Эдмунд Уилсон никогда не увлекался спортом. «Рассказывают (это, возможно, апокриф, но весьма правдоподобный), что миссис Уилсон, обеспокоенная чрезмерной любовью сына к книгам, купила ему форму бейсболиста, надеясь, что игра со сверстниками отвлечет мальчика от книг. Эдмунд послушно облекся в бейсбольные доспехи, но через час мать обнаружила его сидящим под деревом — в полной форме и с книгой в руках»[4].

По окончании школы Уилсон, как и было положено молодому человеку его круга, совершил путешествие по Европе и продолжил образование в престижном университете. В Принстоне, где его однокашником был знаменитый в будущем писатель Фрэнсис Скотт Фицджеральд, на Эдмунда Уилсона большое влияние оказал преподаватель французской и итальянской литературы (впоследствии — декан университета) Кристиан Госс, с которым он поддерживал дружеские отношения вплоть до смерти последнего. Своему принстонскому наставнику, приобщившему его к европейской литературе, Уилсон во многом обязан широтой литературных вкусов и впечатляющим диапазоном культурных интересов (от психоанализа и марксизма до русской литературы и Кумранских рукописей), который так поражал собратьев-литераторов, сравнивавших его с гигантской, не перестающей расти секвойей, величественно возвышающейся над ландшафтом американской литературы. Именно от Госса, поклонника Тэна и Ренана, Уилсон, по собственному признанию, воспринял «понимание того, чем должна быть литературная критика — историей человеческих понятий и представлений на фоне условий, определяющих их становление».

Однако окончательно сформировали характер и мировоззрение будущего «генерального секретаря американской литературы» (так шутливо стали называть Уилсона в шестидесятые) не просторные аудитории и тихие библиотечные залы Принстона, а больничные палаты и операционные американского госпиталя в Лотарингии. В 1917 году, после вступления США в Первую мировую войну, Банни, несмотря на отвращение к армейской службе, записался санитаром в воинскую часть, сражавшуюся во Франции. Он находился далеко

от передовой и не подвергался непосредственной опасности, однако, ухаживая за ранеными и перетаскивая тела умерших, на всю жизнь проникся отвращением к войне и причинам, ее породившим. Позже он напишет рассказ, в котором передаст свои впечатления от увиденного главному герою и вложит в его уста клятву: посвятить себя служению «великим человеческим ценностям: Литературе, Истории, созданию Красоты, поискам Истины».

Этой «аннибаловой клятве» Эдмунд Уилсон старался следовать всю жизнь, полную духовных поисков и метаний, заблуждений и прозрений, пылких увлечений и тягостных разочарований.

После демобилизации Уилсон поселился в нью-йоркском районе Гринич-виллидж, в ту пору считавшемся центром интеллектуальной жизни Америки. Он стал сначала сотрудником, а вскоре и редактором самого модного тогда журнала «Vanity Fair», в котором печатались его друзья: прозаики Фрэнсис Скотт Фицджеральд и Джон Дос Пассос, поэты Джон Пил Бишоп и Стивен Винсент Бенэ, — и вскоре занял видное место среди нью-йоркских интеллектуалов. Отличаясь независимостью суждений и свободолюбием, в литературных джунглях Америки он держался «волком-одиночкой», в стороне от группировок и школ: «никогда не был прочно связан ни с одним из университетов, никогда не подчинял свое творчество каким бы то ни было методам и направлениям»[5] (хотя периодически отдавал дань то фрейдизму, то культурно-исторической школе) и благодаря твердому характеру «поставил себя в такое положение, что мог зарабатывать на жизнь, оставаясь свободным критиком и не идя при этом на интеллектуальный компромисс»[6].

Всеобщее признание ему принес сборник эссе «Замок Акселя» (1931), посвященный малоизвестным в тогдашней Америке авторам, которые ныне считаются классиками XX века: Полю Валери, Джойсу, Прусту, Йейтсу, Т.С. Элиоту, Гертруде Стайн и др. В книге, утвердившей за Уилсоном репутацию первоклассного критика, был дан глубокий анализ новейших течений европейской словесности и рассмотрены «проклятые» вопросы — о смысле литературного творчества и роли писателя в современном обществе. По твердому убеждению Уилсона, главное качество, присущее настоящему художнику, — «сила, опирающаяся на глубокое знакомство с жизнью, интерес и сочувствие к людям, тесная связь с общественным мнением и участие в общественной жизни через литературу». Выводы, которые предлагались читателям «Замка Акселя», не только помогли сформулировать эстетическое кредо Уилсона и

определили характер всей его дальнейшей литературно-критической деятельности, но и заложили фундамент для будущих споров и конфликтов с Владимиром Набоковым, который, как мы помним, вставал на дыбы при малейшем упоминании об общественной жизни и неустанно повторял, что «к писанью прозы и стихов не имеют *никакого* отношения добрые человеческие чувства, или турбины, или религии, или духовные запросы, или „отзыв на современность“».

Будь они знакомы в середине тридцатых, Набоков еще более резко отнесся бы к очередному увлечению Уилсона: марксизму.

Отгремел, отблистал суматошный и беспечный «век джаза», наступили «новые времена». Нагрянувшая Великая депрессия, установление в Европе фашистских (Италия, Германия) и авторитарных (Польша времен Пилсудского) режимов, а еще раньше — скандальное дело Сакко и Ванцетти, — всё это заставило изрядно «полеветь» многих американских интеллектуалов, усомнившихся в ценностях буржуазной демократии. Позитивным противовесом «загнивающему Западу» им виделся Советский Союз, в котором под мудрым руководством коммунистической партии созидался «дивный новый мир», где «так вольно дышит человек».

В «красные тридцатые» модное поветрие не минуло и Уилсона. Он сблизился с американскими коммунистами, начал активно штудировать работы Маркса и так увлекся красивой теорией, что решил проверить, как она воплотилась на практике в стране победившего сталинизма. В мае 1935 года, получив субсидию от фонда Гуггенхайма, с рекомендательным письмом Дос Пассоса, тогдашнего друга Советского Союза, Уилсон отправился за правдой и идеалами в страну большевиков, где пробыл несколько месяцев: осмотрел стандартный набор достопримечательностей Питера и Москвы, насладился мейерхольдовской постановкой «Пиковой дамы», поглазел на парад физкультурников и совершил хадж в Ульяновск, к дому-музею В. И. Ленина. Конечно, Уилсон был слишком здравомыслящим человеком, чтобы во время своего паломничества не обратить внимания на уродства сталинского режима. Общаясь с аборигенами, он не мог не почувствовать, что они словно окутаны плотным облаком страха и подозрительности. Едва ли не единственным исключением оказался Дмитрий Святополк-Мирский, потомок Рюриковичей, белоэмигрант, ставший коммунистом и при посредничестве Максима Горького вернувшийся в Советскую Россию. Именно «товарищ князь» (ему оставалось гулять на свободе всего лишь два года) по-настоящему заинтересовал заморского гостя русской

литературой и особенно творчеством Пушкина, что, кстати, и предопределило знакомство и многолетнюю дружбу Уилсона и Набокова.

Пожалуй, встреча с Мирским оказалась главнейшим событием в советской эпопее Уилсона[7]. Заниматься в Институте марксизма-ленинизма и изучать по первоисточникам историю русского революционного движения ему, несмотря на рекомендательные письма Дос Пассоса, не разрешили. Зато с той поры Америка получила одного из самых пылких исследователей и пропагандистов русской литературы (роль, которую до него, как правило, играли иммигранты-евреи, еще до революции покинувшие Россию в детском или юношеском возрасте: Александр Каун, Джон Курнос (Коршун), Авраам Ярмолинский).

Всерьез взявшись за изучение русского языка (которым, судя по его письмам Набокову и язвительным шуткам последнего, он овладел лишь пассивно, то есть мог читать, но не умел свободно на нем изъясняться), Уилсон, как никто другой из тогдашних американских интеллектуалов, углубился в русскую литературу и культуру. Уже через год после своего паломничества в СССР он написал прочувствованное эссе о Пушкине, в котором попытался «объяснить англоязычным читателям его роль и значение». Позже из-под его пера выйдут интересные эссе о Гоголе, Тургеневе и Чехове, а также статьи о неведомых даже культурному американскому читателю русских драматургах: Грибоедове и Сухово-Кобылине. К сожалению, в своем постижении богатств русской литературы он ограничился исследованием ее Золотого века и совершенно пренебрег веком Серебряным — возможно, под влиянием модного среди американских «большевизанов» Льва Троцкого, автора книги «Литература и революция», едва ли не всю русскую литературу после 1905 года объявившего «упадочной». Не без влияния работ опального наркомвоенмора Уилсон написал нашумевшую в свое время книгу «К Финляндскому вокзалу» (1940), в которой проследил развитие социалистических идей от их зарождения в трудах итальянского философа Джамбаттисты Вико до их «торжества», ознаменованного приездом Ленина на Финляндский вокзал и победой Октябрьской революции. В год издания книги жизнь Уилсона была отмечена двумя событиями: в декабре от сердечного приступа умер его давний приятель Скотт Фицджеральд; а еще раньше, в августе, к нему с просьбой о встрече обратился никому неведомый в Америке русский писатель, с которым ему суждено было подружиться, для которого он на многие годы стал наперсником, корреспондентом, соавтором, проводником в журнально-издательском лабиринте и

конечно же вызывающим полемический задор оппонентом.

***

Обаятельный экспатриант с труднопроизносимой фамилией «Na-bo-kov» при первой же встрече произвел на Уилсона чарующее впечатление, которое еще больше усилилось, когда он прислал свои остроумные рецензии. В письме к старому другу и наставнику Кристиану Госсу (от 4 ноября 1940 года) Уилсон с восторгом отозвался о новом знакомом: «…Хочу также напомнить тебе о Владимире Набокове, про которого я рассказывал, когда был в Принстоне… Его английский превосходен (он учился в Кембридже). Я поражен великолепным качеством его рецензий. Он отличный малый и считается русскими самым значительным талантом среди эмигрантских писателей после Бунина, который старше его. Некоторые из его романов переведены и изданы у нас. Он хочет прочесть лекцию „Искусство и пропаганда в России“ — его уже пригласили в Корнелл и Уэллсли. Его воззрения — ни белоэмигрантские, ни коммунистические. Он из семьи либеральных помещиков, представлявших интеллектуальную вершину своего класса. Отец его был знаменитым лидером кадетской партии. Владимир сейчас в довольно сложном положении. У него жена, кажется, полуеврейка; он бежал из Франции, когда туда пришли немцы»[8].

Дальнейшие встречи еще больше усилили взаимную симпатию. За ужином у их общего знакомого, предпринимателя Романа Гринберга, будущего редактора «Опытов» и «Воздушных путей», лучших послевоенных изданий первой эмиграции, Уилсон предложил Набокову перевести на английский «Моцарта и Сальери», на что тот с энтузиазмом согласился. К тому времени, когда был опубликован их совместный перевод пушкинского шедевра[9], оба, по свидетельству наблюдавшей за ними Мэри Маккарти, тогдашней жены Уилсона, «просто души не чаяли друг в друге».

Они сошлись: волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень / Не столь различны… Впрочем, на различия, не замедлившие проявиться при более близком общении, в медовые месяцы их знакомства они почти не обращали внимания — упиваясь интеллектуальной близостью и сходством литературных пристрастий, среди которых первое место занимали идолы европейского модернизма (Кафка, Джойс, Пруст) и классики русской литературы: Пушкин, Гоголь, Толстой, которых только-только открыл для себя любознательный Банни.

Уилсон нашел в Набокове не только остроумного и интересного собеседника, не только знатока русской литературы и талантливого переводчика, но и самобытного писателя, по масштабу равного Джозефу Конраду или Вирджинии Вулф (сравнения, от которых Volodya, наверное, передергивался). Он пришел в восторг от первого англоязычного романа Набокова «Истинная жизнь Себастьяна Найта» и написал к нему хвалебную рекламную аннотацию, что стало лучшей рекомендацией если не для широкого читателя, то для литературной элиты; а в 1944 году откликнулся доброжелательной рецензией на эксцентричную литературоведческую книгу «Николай Гоголь».

Напомню: по той роли, которую Уилсон играл в американской культуре тридцатых-сороковых годов прошлого века, его смело можно сопоставить с нашим «неистовым Виссарионом». Писатели с трепетом ждали его критических приговоров, которые могли создать или, наоборот, погубить их репутацию. Для новичков хвалебный отзыв Уилсона был равнозначен признанию в литературных кругах, разносная рецензия — равносильна черной метке. Например, литературные акции Сола Беллоу резко пошли вверх, после того как Уилсон одобрительно отозвался о его дебютном романе «Между небом и землей»[10]. А вот с писательницей Карсон Маккалерс, по воспоминаниям очевидцев, прямо посреди улицы случилась настоящая истерика, когда она купила номер «Нью-Йоркера» и прочла там разгромную рецензию Уилсона на ее роман «Гостья на свадьбе»[11].

«Генеральный секретарь американской литературы» был не только губителем, но и делателем репутаций, открывателем новых имен в отечественной литературе (своим успехом у публики ему во многом были обязаны такие писатели, как Хемингуэй, Дос Пассос и Скотт Фицджеральд); благодаря его советам, его хлопотам, его связям в издательствах и журналах перед никому не известным русским автором открылась дорога в мир большой литературы: художественные произведения и переводы Набокова стали печатать в ведущих американских журналах: «Атлантик», «Нью рипаблик», «Нью-Йоркер». Уилсон выступил не только в качестве внутреннего рецензента и редактора, тактично исправлявшего стилистические погрешности в первых англоязычных творениях Набокова (которые тот поначалу охотно представлял ему на суд), но и в роли своеобразного литературного импресарио: пристраивал рукописи, знакомил с издателями, защищал от мелочных придирок редакторов «Нью-Йоркера», пекущихся об интеллектуальном комфорте «среднего читателя» и оправдывающих свое

существование топорной правкой набоковских текстов. Так, например, 12 ноября 1947 года он послал сердитое письмо литературному редактору «Нью-Йоркера» Кэтрин Уайт, в котором возмущался тем, как ее коллеги обошлись с набоковским рассказом «Знаки и символы»: «Ума не приложу, как кто-то может не понять рассказа, подобно вашим редакторам, или возражать против отдельных подробностей; а тот факт, что по их поводу возникли сомнения, наводит на мысль о поистине тревожном состоянии: редакторском ступоре. Если редакция „Нью-Йоркера“ будет утверждать, что рассказ написан как пародия, я рассержусь точно так же, как, по твоим словам, рассердился Набоков (удивляюсь, что он до сих пор никого не вызвал на дуэль). <…> Ужасно, что рассказ Набокова, такой тонкий и ясный, в глазах редакторов „Нью-Йоркера“ превратился в заумный психиатрический опус. (Как могут они заявлять о том, что рассказ грешит литературщиной?) Он может показаться таким по сравнению с теми бессмысленными и пустоватыми анекдотами, которые выходят из-под механического пресса „Нью-Йоркера“ и о которых читатель забывает две минуты спустя после прочтения»[12].

Разумеется, не стоит закрывать глаза и на серьезные расхождения между новыми друзьями, которые выявились почти сразу же после знакомства и постепенно, исподволь стали подтачивать их дружескую идиллию.

«Большевизан» Уилсон, несмотря на антипатию к Сталину, еще не изживший многие розовые иллюзии[13], и стойкий антикоммунист Набоков не могли не разойтись на политической почве. Поводом стала уилсоновская книга «К Финляндскому вокзалу», не свободная от сентиментальной идеализации Ленина и «старых большевиков». Одолев ее, Набоков отправил автору пространное письмо (по сути, отповедь), в котором попытался разрушить розовый «Замок Эдмунда» и покусился на святая святых всех западных «левых»: светлый лик вождя мирового пролетариата и его учение: «…Чудовищный парадокс ленинизма заключается в том, что эти материалисты считали возможным пожертвовать жизнью миллионов конкретных людей ради гипотетических миллионов, которые когда-нибудь будут счастливы»[14].

Вежливые возражения и оправдания Уилсона (в письме от 19 декабря 1940 года): мол, к Ленину Набоков пристрастен, поскольку видит в нем только чудовище, а не человека; в изображении Ленина «я пытался уйти от официальных стереотипов» и опирался на надежные источники: семейные мемуары, сочинения Троцкого, воспоминания Горького и Клары

Цеткин — и вообще, «я не верю, что Горький, столь серьезно расходясь во мнениях с Лениным, мог бы дружить с человеком, которого Вы себе воображаете»[15], — эти и другие, по выражению Бориса Парамонова, «благоглупости высокопросвещенного западного интеллектуала» (например, уверенность в том, что Ленин был «великодушным гуманистом, свободолюбивым демократом и чутким критиком литературы и искусства») еще больше раззадоривали «аполитичного» Набокова и провоцировали его на новые публицистические атаки и разоблачения.

Помимо расхождений в политических вопросах, у корреспондентов все чаще стали выявляться противоположные взгляды на литературу и искусство. Уилсону, видевшему в литературе прежде всего «наиболее важное свидетельство человеческих дерзаний и борьбы», претил догматичный эстетизм Набокова, твердо убежденного в том, «что значимо в литературе только одно: (более или менее иррациональное) shamanstvo книги», что «хороший писатель — это в первую очередь шаман, волшебник». Постепенно выяснилось, что добровольному импресарио и литературному агенту, так помогавшему «дорогому Володе» освоиться в литературном мире Америки, не пришлись по душе многие его творения. Да, ему понравились «Истинная жизнь Себастьяна Найта», и, с оговорками, «Николай Гоголь», и англоязычная версия «Камеры обскуры» «Смех во тьме» (как позже — «Пнин» и «Убедительное доказательство»); однако он не оценил по достоинству один из лучших русскоязычных романов Набокова «Отчаяние» и не осилил «Приглашение на казнь», как и другой набоковский шедевр: «Дар». Первый американский роман Набокова «Под знаком незаконнорожденных» его и вовсе разочаровал, о чем он честно написал в пространном письме, представляющем собой въедливую рецензию (надо полагать, она уязвила самолюбие автора).

Со своей стороны, Набоков, известный чудовищным эгоцентризмом[16] и нелюбовью едва ли не к большинству общепризнанных литературных авторитетов (как классиков, так современников), не раз и не два расхолаживал «дорогого Банни» язвительными отзывами о его любимых писателях. Человек увлекающийся, привыкший щедро делиться с друзьями литературными впечатлениями и открытиями новых имен, Уилсон пытался приобщить Набокова к творчеству Фолкнера, Мальро, Томаса Манна, Т. С. Элиота и других именитых авторов, которых тот неизменно третировал как посредственностей, «банальных баловней буржуазии», представителей ненавистной ему литературы «Больших идей». (Столь же неприязненно

отзывался Набоков и о многих классиках: Филдинге, Стендале, Достоевском, Тургеневе, Генри Джеймсе… Пожалуй, только в случае с Джейн Остин Уилсону удалось переубедить капризного приятеля, который, поворчав, все же включил ее произведения в свой университетский курс). Впрочем, восторженные эпитеты, которыми Уилсон награждал очередного фаворита (вроде того, что Мальро — «крупнейший современный писатель», или Фолкнер — «это самый замечательный современный американский прозаик»), не могли не казаться бестактными «самоупоенному виртуозу»[17], который хорошо знал, кто на самом деле «крупнейший современный писатель».

Не могли не раздражать Набокова самонадеянность и упрямство, которые его американский друг проявлял в тех вопросах, в которых был мало компетентен. Чего стоят, например, мягко говоря, странные теории Уилсона об особенностях русской версификации или трактовка пушкинского «романа в стихах», согласно которой главный герой злонамеренно убил своего юного приятеля. Поначалу Набоков, как мог, терпеливо разъяснял Уилсону его ошибки, посылая ему целые трактаты о русском стихосложении (письмо от 24 августа 1942 года) или включая в свои эпистолы мини-эссе о неписаных правилах русских поединков (письмо от 4 января 1949-го). Однако у того появлялись все новые вопросы и замечания — по поводу этимологии и произношения тех или иных слов, по поводу «нелепых отклонений от нормы, которыми так богата русская грамматика»; он даже пытался писать по-русски — «А у нея по шейку паук»[18]; «Ну, завозы боку держали дам»[19], — комично перевирая слова, коверкая грамматику, путая латиницу и кириллицу, вместо «Бог» получая «Вог», что вряд ли всегда вызывало умиление у «глубокоуважаемого Вовы». И если в посланиях «дорогому Банни» он старался воздерживаться от чересчур резкой критики, то в письмах к общим знакомым порой недвусмысленно высказывал свое отношение к нему как к специалисту по русскому языку и литературе: «Прочел Эдмундову книжицу. Есть кое-что милое; <…> но все, что касается России, так вздорно, так с кондачка, так неправильно» (из письма Роману Гринбергу от 5 октября 1952 года)[20].

Вряд ли случайно, что так и не был осуществлен проект их совместной книги о русской литературе, которую они обсуждали на протяжении нескольких лет (и за которую даже получили аванс от издательства «Даблдей»); вряд ли случайно, что после сдержанно-уважительной рецензии на «Николая Гоголя» Уилсон не откликнулся в печати ни на одну из набоковских книг, вышедших в сороковые-пятидесятые, хотя порой грозился

прочесть все сочинения приятеля и написать «эссе, которое, боюсь, разозлит его»[21].

В конце концов, даже любимый обоими Пушкин стал для них яблоком раздора: все чаще разговоры о нем выливались в ожесточенные прения относительно того, знал ли он английский язык и как правильнее перевести ту или иную строчку из «Евгения Онегина».

К середине 50-х напряжение между друзьями нарастает, в некогда прочном здании их дружбы появляется все больше трещин; письма все гуще щетинятся колкостями и упреками; за дежурными комплиментами в них то и дело сквозит холодок взаимного раздражения и непонимания.

Вероятно, по мере того, как Набоков обретал репутацию крупнейшего мастера англоязычной прозы, оставляя в тени своего друга и благодетеля и всё обиднее подтрунивая над ним в письмах, в чувства Уилсона к «дорогому Володе» стали примешиваться писательская ревность и элементарная зависть[22].

Взаимное охлаждение усилилось после того, как Уилсон, проницательный критик и, кстати, автор сборника новелл «Воспоминания об округе Геката», запрещенного за «аморальность», счел «Лолиту», любимое детище Набокова, самым слабым его романом[23]. Феноменальный успех «Лолиты», принесшей своему создателю богатство и славу, ознаменовал начало конца их многолетней дружбы. Уилсон не простил Набокову его триумфа. Тот, в свою очередь, был недоволен восторженной уилсоновской статьей о «Докторе Живаго». Уилсон имел наглость назвать «одним из величайших явлений в истории человеческой литературы и нравственности»[24] роман, который вытеснил «бедную американскую девочку» с первого места книжного хитпарада за 1959 год и по поводу которого «мистер-„Лолита“» (как окрестили Набокова журналисты) неустанно изливал желчь в письмах и интервью: «Доктор Живаго — произведение удручающее, тяжеловесное и мелодраматичное, с шаблонными ситуациями, бродячими разбойниками и тривиальными совпадениями»[25]; «неуклюжая и глупая книга, мелодраматическая дрянь, фальшивая исторически, психологически и мистически, полная пошлейших приемчиков…»[26]; «среднего качества мелодрама с троцкистской тенденцией»[27] — и т. д.

После переезда Набокова в Европу влиятельный критик и прославленный романист формально поддерживали приятельские отношения: изредка обменивались письмами и поздравительными открытками, в которых, однако, не осталось и

следа от интеллектуального блеска и сердечного тепла, согревавшего послания «ранней, светозарной эры» их отношений. Некогда бурный поток их переписки мельчает и вырождается в хилый ручеек.

В январе 1964-го Уилсон навестил Набокова в его шикарной швейцарской резиденции «Монтрё-палас», и это свидание, казалось бы, воскресило былую приязнь, однако последовавшее вскоре «L'affaire Onéguine» поставило крест на их дружбе.

***

Набоков и Уилсон уже давно ломали копья по поводу пушкинского «романа в стихах», но одно дело — приватные споры где-нибудь на крылечке загородного коттеджа, за бутылкой шампанского, другое — публикация придирчивой статьи, в которой объявлялось, что как переводчик и комментатор «Евгения Онегина» Набоков потерпел сокрушительное фиаско[28].

Разгромная рецензия Уилсона на «абсолютно буквальный» набоковский перевод «Онегина» вызвала раздраженный ответ уязвленного переводчика. Защищая «своего бедного монстра», он выразил недовольство «странным тоном статьи», назвал ее «смесью напыщенного апломба и брюзгливого невежества»[29] и с легкостью уличил рецензента в нескольких языковых ошибках, сведя дискуссию к тому, что тот плохо знал русский язык (последнее было верно, хотя и не делало менее ухабистой ту «честную дорожную прозу», в которую ради чистоты буквалистской теории был превращен поэтический шедевр Пушкина). «Охочий до журнальной драки» Кролик показал волчьи зубы и вступил в полемику, которая вскоре перекинулась со страниц «Нью-Йорк ревью оф букс» на другие англоязычные издания и чем дальше, тем больше напоминала «Шоу Щекотки и Царапки», а не те «жаркие, блещущие остроумием споры», которые лет двадцать назад «лишь вдохновляли этих двух упрямых, воинственных и яростно независимых интеллектуалов»[30].

Разгоревшаяся в англо-американской прессе литературная война (в которой многие авторитетные литературоведы встали на сторону Уилсона) Набокова явно не вдохновляла. Статью Уилсона (скажем откровенно, несмотря на ошибки в частностях, справедливую в целом) он воспринял как предательство и личное оскорбление — в то время как тот искренне «считал свою рецензию здоровой и честной критикой, а вовсе не злобным поклепом»[31]. Сказался ли тут «феноменальный эгоцентризм»[32]

Набокова, или здесь особенно ярко проявились принципиальные различия в том, как относятся к литературной критике западные и русские литераторы, — это уже не важно. Главное, что после тех оплеух, которыми противники обменялись в ходе «Онегинской» контроверзы, их дружба приказала долго жить. Вместе с перепиской…

Правда, Уилсон довольно неуклюже попытался помириться и пару раз одарил оппонента рождественскими открытками, в которых выражал сожаление по поводу завершения полемики, доставившей ему «столько наслаждения». Набоков, оказавшийся более тонкокожим, чем, вероятно, рассчитывал Уилсон, «ответил с натянутой вежливостью: „Хотя мне наша „полемика“ отнюдь не доставила того наслаждения, которое, как ты говоришь, она доставляла тебе, я хотел бы поблагодарить тебя за поздравление с Рождеством“»[33]. Когда же упрямый Банни через их общего приятеля Романа Гринберга обратил внимание обиженного пушкиниста на обстоятельную (и куда более критичную, чем уилсоновская) рецензию гарвардского профессора Александра Гершенкрона[34], развенчавшего буквалистскую теорию Набокова и раздраконившего его перевод «Онегина», тот прочитал «статейку» и ответил, отбросив всякую вежливость: «…а Уилсону, подсунувшему ее тебе, передай, что он прохвост»[35].

На несколько лет экс-друзья прекратили всякие контакты. Набоков, ставший международной знаменитостью, одно за другим издавал по-английски свои довоенные произведения и все прочнее утверждался на литературном Олимпе в статусе живого классика. Уилсон, поостывший к русской литературе, да и к изящной словесности вообще, все так же был по-кроличьи плодовит и много печатался, но обращался преимущественно к социокультурным и общественно-политическим темам. Кстати, в области политики они по-прежнему занимали прямо противоположные позиции. Уилсон, всегда питавший антипатию к американскому истеблишменту, горячо протестовал против вьетнамской авантюры США и, не стесняясь в выражениях, отказался от предложения Линдона Джонсона участвовать в официальной встрече. Напротив, Набоков, лишь два раза выбравшийся из своего монтрёйского убежища в США, исправно играл роль американского патриота в многочисленных интервью, выражая недоверие к вьетнамским репортажам Мэри Маккарти[36] и сожалея о «позиции недалеких и бесчестных людей, которые смехотворным образом сравнивают <…> Освенцим с атомной бомбой и безжалостный империализм СССР с прямой и бескорыстной помощью, оказываемой США бедствующим странам»[37]. В октябре 1965 года он даже послал

верноподданническую телеграмму заболевшему Линдону Джонсону с пожеланием «полного выздоровления и скорейшего возвращения к той восхитительной работе, которую Вы делаете» (автор послания не уточнил, имеет ли он в виду бомбежки Северного Вьетнама или интервенцию в Доминиканскую республику)[38].

***

После долгой паузы Набоков, видимо, оправившийся от болезненной перепалки по поводу «Евгения Онегина», попытался возобновить переписку и, что называется, протянул Уилсону руку дружбы: в марте 1971 года он послал ему любезное письмо, на которое тот откликнулся столь же теплым посланием. Казалось бы, согласие между двумя незаурядными личностями восстановится и после бурных перипетий сюжет их долгого эпистолярного романа разрешится благополучной развязкой. Увы, этого не произошло. «Контрастно-тематическая» фуга их переписки, в которой два голоса на равных вели свои партии, увенчалась не гармоничным синтезом, а зловещим диссонансом. Дневниковый отрывок из книги Уилсона «На севере штата Нью-Йорк. Записки и воспоминания» (1971), в котором он описал визит к Набоковым в мае 1957 года и дал нелицеприятную характеристику своему злейшему другу в терминах фрейдовского психоанализа, сделал примирение невозможным. Монтрёйский небожитель, болезненно реагировавший на любые попытки копаться в его сокровенном «я», обрушился на непрошеного психоаналитика в гневном письме, напечатанном в «Нью-Йорк таймс бук ревью». Как и в середине 60-х, в эпоху «L'affaire Onéguine», их переписка попала на всеобщее обозрение. Правда, у тяжело больного Уилсона уже не было сил для борьбы, и он ответил кратко (и, на мой взгляд, достойно), процитировав фразу, с которой Дега обратился к англоамериканскому художнику Уистлеру: «Ты ведешь себя так, как будто у тебя нет таланта»[39].

Набоков, конечно, не был лишен таланта. Не был он и настолько злопамятным и жестокосердым, чтобы бесконечно питать недоброе чувство к давнему другу и покровителю. Весной 1974 года, спустя два года после смерти Уилсона, он по просьбе вдовы, собиравшей корреспонденцию мужа, перечитал всю многолетнюю переписку, расчувствовался и предложил издать ее отдельным томом. Договорившись с Еленой Уилсон, в 1976 году Набоков обратился в издательство «Макгроу-Хилл» и даже нашел редактора будущей книги, выдающегося литературоведа Саймона

(Семена Аркадьевича) Карлинского (1924–2009), автора блистательных эссе о набоковской прозе. Занятый другими проектами, Карлинский отложил работу над изданием и смог приступить к ней лишь после того, как заказчик отступил «в ту область ночи, откуда возвращенья нет» и оба корреспондента наконец-то встретились и, возможно, примирились — хотя бы и по ту сторону «дымчатого занавеса».

Под присмотром двух вдов, вымаравших наиболее резкие замечания о современниках (в частности, пренебрежительные отзывы Набокова о Солженицыне, Василии Яновском и американском журналисте Солсбери), Карлинский подготовил к печати внушительный том из 264 писем, снабженный вдумчивым предисловием и содержательными примечаниями[40]. Впрочем, этот эпистолярный корпус оказался неполным: после смерти обеих вдов Карлинскому с помощью набоковского биографа Брайана Бойда удалось наскрести по архивным сусекам ни много ни мало еще пятьдесят девять писем, которые были включены в исправленное издание, вышедшее в 2001 году.

«Переписка Набокова — Уилсона» вызвала разноречивые отклики. Некоторые англоязычные рецензенты восприняли ее лишь как любопытную хронику противостояния двух капризных «литературных примадонн»[41], «поле битвы тщеславия, художнического самомнения и педантизма»[42]. Протоирею Александру Шмеману она показалась «неинтересной, поверхностной», отмеченной чрезмерной «одержимостью литературой»[43]. Не слишком лестно отозвался о ней известный славист Жорж Нива: «Я прочел эти письма сразу по выходе в свет первого английского издания 1979 года, и у меня осталось неприятное впечатление: к самолюбованию корреспондентов вскоре присоединяется глухое взаимное непонимание, которое постоянно усугубляется новыми недоразумениями. Особенно раздражал меня Уилсон: он идиотски пытался учить Набокова русской просодии и <…> так часто оказывался, сам того не желая, в роли высокомерного невежды, что вся переписка показалась мне чем-то на редкость негармоничным»[44].

Тем не менее «Переписка Набокова — Уилсона» прочно вошла в культурный обиход Запада. Она не только была растащена на цитаты профессиональными «набокоедами» и стала незаменимым сырьем для многочисленных диссертаций по творчеству Набокова, но и была инсценирована в нью-йоркском театре, причем роль Владимира Набокова играл его сын.

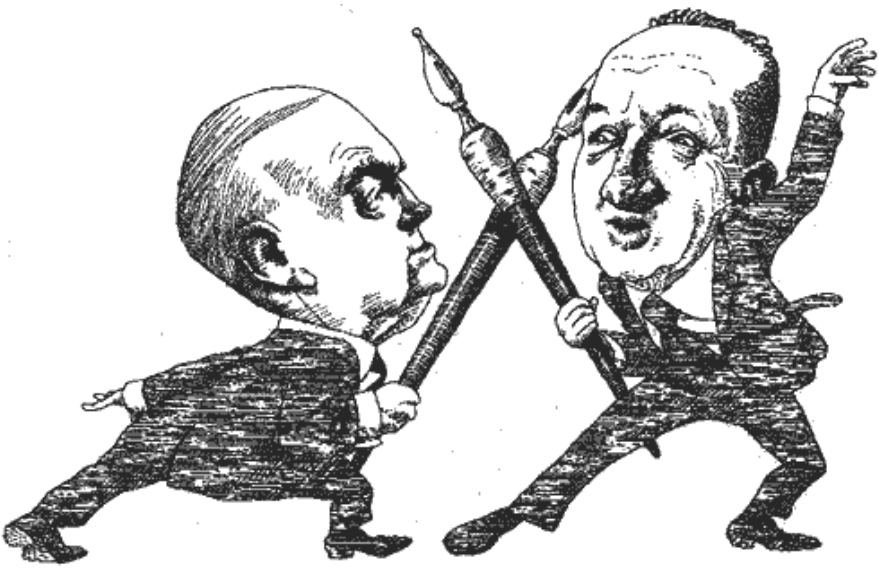
К сожалению, «Переписка» до сих пор не переведена на русский полностью. Многие годы российские читатели могли судить о ней разве что по пристрастным пересказам набоковских

биографов. Хочется верить, что наша публикация станет решающим шагом к полной русификации эпистолярного романа между знаменитыми литераторами, друзьями-антагонистами, которые, несмотря на этнокультурные стереотипы и всплески себялюбия, достаточно долго поддерживали взаимообогащающий диалог и в меру своих сил способствовали перекрестному опылению двух великих культур.

Время приглушило остроту их разногласий по политическим вопросам; их литературные симпатии и антипатии у каждого из нас могут вызвать недоумение, а споры по поводу русской просодии — скуку. Однако для любознательного читателя переписка Набокова — Уилсона представляет несомненный интерес — и как захватывающий рассказ о вживании выдающегося русского писателя в американскую культуру, и как экскурс в интеллектуальную жизнь Америки сороковых-пятидесятых годов прошлого века. К тому же запечатленная в ней драма зарождения, расцвета и угасания дружбы двух незаурядных личностей будет актуальна во все времена и привлечет не одних поклонников Набокова, но каждого, кто хоть один раз в жизни познал хрупкое счастье дружеской приязни и вкусил сладкую горечь ее увядания.

Из переписки Владимира Набокова и Эдмонда Уилсона [45]

«Хороший писатель — это в первую очередь волшебник…»

Шарж Ричарда Андерсона

1940

Профессор Карпович[1]
Уэст Уордсборо
30 августа 1940

Мой дорогой мистер Уилсон,

написать Вам мне посоветовал мой двоюродный брат Николай[2]. Сейчас я живу у друзей в Вермонте (здесь в основном лишь золотарник да ветер), но в середине сентября буду в Нью-Йорке. Мой адрес: 1326, Мэдисон-авеню, тел. At. 97186.

С искренним приветом[46]
В. Набоков.

---

40 Ист-49-я стрит
Нью-Йорк
12 ноября 1940

Дорогой Набоков,

рецензия на Руставели[3] великолепна и очень занимательна. В дальнейшем, когда будете писать рецензии в «Нью рипаблик», ставьте сверху, как у нас принято, название книги и автора. А также число страниц и стоимость издания. Вкладываю для примера рецензию. И еще одно: пожалуйста, воздержитесь от каламбуров[4], к чему, я вижу, у Вас есть некоторая склонность. В серьезной журналистике они здесь не в чести. Кроме того, выражение I for one[47] в рецензиях обычно не употребляется. Лучше просто сказать: I или, если хотите выразиться сильнее, for myself либо for my part.

Позвоните — можем опять вместе пообедать. Надеюсь, вы на меня не в обиде за то, что я пошел к Гринбергам[5], хотя Вы меня пригласили раньше. В Нью-Йорке мы обычно бываем только по средам, и я счел, что у Гринбергов увижусь одновременно и с Вами, и с Истменами[6]. Перед Гринбергами я в долгу: его мать и сестра очень тепло приняли меня в Москве.

Искренне Ваш
Эдмунд Уилсон.

40 Ист-49-я стрит
Нью-Йорк
12 декабря 1940

Дорогой Набоков,

как идут дела с «Моцартом и Сальери»? Прикладываю чек в качестве аванса за эту работу. *Ваше Приглашение на казнь* меня озадачило, и, боюсь, пока не подучу русский, лучше мне довольствоваться Толстым. Это все равно что сразу после Теккерея взяться за Вирджинию Вулф.

С наилучшими пожеланиями

Эдмунд Уилсон.

1941

Уэллсли-колледж
Уэллсли, Массачусетс
27 марта 1941

Дорогой Уилсон,

Вы — истинный чародей. Я чудесно пообедал с Уиксом{7}, он принял мой рассказ, а заодно и меня с трогательной теплотой. Я уже прочел гранки и получил предложение написать им еще несколько маленьких шедевров.

Рассчитывал лицезреть Вас под раскидистыми дубами Новой Англии. Где Вы? Здешняя атмосфера временами напоминает мой дорогой старый колледж в Англии (Уикс, кстати, тоже учился в Тринити), где я был столь несчастлив — в перерывах между светлыми промежутками.

Мои лекции пользуются обнадеживающим успехом. Я между делом разделался с Максимом Горьким, мистером Хемингуэем и еще некоторыми, изувечив их трупы до неузнаваемости. Здешние профессора очаровательны. В своих лирических мемуарах мой предшественник, князь Сергей Волконский{8}, преподававший здесь в 1894 году, вспоминает о «переливающемся девичьем смехе» и пр.

29-го отправляюсь в театр к Чехову{9} в Риджфилд, Коннектикут, и в Нью-Йорк вернусь 4-го.

В надежде где-нибудь встретиться с Вами в самом скором времени.

Дружески Ваш
В. Набоков.

---

9 апреля 1941

Дорогой Кролик,

вот теперь всё безукоризненно: Ваш Моцарт и мой Сальери — единое целое. Смущает меня только одно: почему в конце, рядом с моим именем нет Вашего? В таких переводах самое важное — окончание, последний штрих, а ведь он-то Ваш. Не поставите ли и свою подпись тоже?

Готовясь к лекциям по русской литературе, я был вынужден перевести с десяток пушкинских стихотворений, а также несколько отрывков. Не знаю, чего стоят мои переводы, но моему чувству пушкинской поэзии они отвечают больше, чем все на сегодняшний день существующие. Посылаю Вам одно стихотворение и еще три. В последней строке «Поэта» я попытался передать фонетический эффект «широкошумных дубрав».

Да, я очень досадовал, что не простился с Вашей женой, а все из-за Вашей энергии, сбившей меня с толку. На днях побывал у Найджела Денниса{10}; мы отлично поговорили, он дал мне книгу на рецензию («Шекспир и „Глобус“»). И договорились насчет статьи («Искусство перевода»).

В гранках править было нечего — разве что не хватало Вашей подписи, но как с этим быть — ума не приложу.

Искренне Ваш

Владимир.

Уэллфлит, Масс.
27 апреля 1941

Дорогой Владимир,

Ваш перевод «Анчара» — лучший перевод пушкинского стихотворения и один из лучших поэтических переводов, какие мне приходилось видеть. Единственное, с чем бы я поспорил, это His neighbours в последней строке. Не лучше ли The dwellers? «Поэт» также превосходен.

По-моему, оба эти стихотворения Вам обязательно надо напечатать. Если хотите, я пошлю их в «Партизэн ревью», да и Клаус Манн{11} с удовольствием их возьмет. Полагаю, что он заплатит Вам больше, чем «П. Р.». Есть еще «Кеньон ревью» — буду рад послать Ваши переводы и туда тоже. У Вас есть сжатость и энергия языка, чего обычно переводчикам так не хватает.

Мы купили здесь дом, но, чтобы жить в нем, его еще предстоит привести в порядок. Надеюсь, что Вы у нас обязательно побываете. Наши лучшие пожелания Вашей жене и всяческих успехов в Калифорнии. Боюсь только, что Калифорния Вас околдует и Вы больше никогда не вернетесь обратно — это худшее, что может произойти в Америке с талантливыми европейцами. Взять, к примеру, Хаксли и Ишервуда (о Хаксли,

впрочем, я никогда не был особенно высокого мнения). Это ведь все равно что очутиться в волшебной стране Йейтса или оказаться под Венусбергом{12}. Погода у нас который день стоит прекрасная, и остальной мир мнится поэтому каким-то нереальным. Так что не забывайте про Восточное побережье. Всегда Ваш

Эдмунд У.

P.S. Совсем забыл: на Вашем месте я бы, не стесняясь, попросил Уикса заплатить за Ваш рассказ, не откладывая, — я, во всяком случае, всегда так поступаю. Объясните ему, что в мае Вы уезжаете и хотели бы получить деньги до отъезда. Мне говорить ему об этом не хочется: я и без того постоянно кого-то «Атлантику» рекомендую, и Уиксу может не понравиться, если я вдобавок стану указывать ему, когда следует платить авторам.

ЭУ

---

35 w. 87
29 апреля 1941

Дорогой Кролик,

очень рад, что Вам они [переводы пушкинских стихов. — *А. Л.*] понравились. Через год-другой с такого рода вещами справляться буду гораздо лучше.

Да, журнал Клауса Манна, думаю, — мысль хорошая. Спрошу, не заинтересуют ли его мои переводы.

Уиксу я написал, и он прислал мне 150. Очень был тронут, что Вы помните про мои надобности.

Еще два рассказа (более длинные) сейчас переводятся для «Атлантик мансли», и дело вроде бы спорится. Хотите смешную историю: Рахманинов обратился ко мне с просьбой перевести на английский язык слова его кантаты «Колокола». В действительности речь идет о несуразном переводе Бальмонта «Колоколов» Эдгара По. Но поскольку стихотворение По на рахманиновскую кантату не ложится, я должен переделать оригинал в соответствии с околесицей Бальмонта. Результат будет, подозреваю, устрашающий. Я также перевел для своих лекций несколько стихотворений Лермонтова, придется в скором времени взяться и за Тютчева. Роман, который я сочинял сразу по-английски, я послал в «Нью дирекшнз», но, боюсь, он им не подойдет. В Музее я описал несколько новых видов бабочек и

бестрепетно вырвал восемь зубов — впрочем, стоило действию наркоза закончиться, как боль сделалась невыносимой. Так что, как видите, баклуши я не бью, и если столь подробно говорю о своих делах, то лишь потому, что Вы — мой великий покровитель.

Насчет Запада, думаю, Вы совершенно правы. Я, однако, обязуюсь вернуться сюда в октябре или даже раньше. Даже без постоянной работы (которой у меня никогда не было) эту зиму мне кое-как продержаться удалось. Волнует меня, собственно, только одно: за вычетом нескольких тайных визитов, я совершенно прекратил регулярные сношения со своей русской музой, а ведь я слишком стар, чтобы измениться конрадикально (неплохо, согласитесь?), да и Европу я покинул посреди огромного русского романа, который, если не выпустить его наружу, начнет вскоре из меня сочиться.

Удастся ли нам увидеться до моего отъезда? Стартую я 26 мая с женой, ребенком и тремя сачками для ловли бабочек.

Дружески жму Вашу руку.

Ваш В. Набоков.

Стэнфордский университет
Факультет славистики
Пало-Альто, Калифорния
25 мая 1941

Дорогой Кролик,

завтра утром отбываю в Калифорнию с сачками, рукописями и новенькой вставной челюстью. Вернусь в сентябре. Не завернете ли летом в Пало-Альто?

Посылаю очередной перевод: монолог Скупого рыцаря. На этот раз я постарался передать пушкинский ритм как можно точнее. Вплоть до звукоподражания. Так называемая alliteratio pushkiniana[48]. Для Манна этот монолог слишком велик, и я плохо себе представляю, куда бы его пристроить. Не могли бы Вы быть его крестным отцом — если, конечно, сочтете перевод приемлемым. И буду ужасно признателен за поправки и замечания. Вы что, выпускаете очередное литературное приложение?

Трагедия сборов достигла своего апогея; комедия же наступит, когда мы обнаружим — после того как все чемоданы и

саквояжи будут забиты до отказа и заперты, — что из угла на нас угрюмо смотрят забытые детские кубики и мой Даль.

Крепко жму Вашу руку. Наши наилучшие пожелания Вашей жене.

Ваш
В. Набоков.

Уэллфлит, Масс.
20 октября 1941

Дорогой Владимир,

только что прочел «Себастьяна Найта», которого получил от Лафлина{13} в корректуре, и он совершенно обворожителен. Просто поразительно, какая у Вас прекрасная, ни на кого не похожая, искусная английская проза. Вы и Конрад — единственные иностранцы, овладевшие литературным английским в такой степени. Вся книга сделана превосходно, но особенно мне понравилось то место, где рассказчик разыскивает русских женщин, с которыми С. Найт мог бы сойтись в санатории. Еще понравились описание книги Найта про смерть и похожая на сон одна из последних глав книги, где рассказчик едет в Париж на поезде (равно как и длинный сон рассказчика). Мне сразу же захотелось прочесть Ваши русские книги, и я возьмусь за них, как только почувствую себя немного увереннее в *русском языке*. <…>

Может, приедете всей семьей на День благодарения (третий четверг в ноябре) и останетесь еще на некоторое время? Очень рады были бы вас видеть — места у нас всем хватит. Если же на праздники вам нужно будет остаться в Уэллсли, приезжайте на выходные — в любое время после первого ноября. Впрочем, еще до праздников мы можем оказаться в Бостоне в воскресенье, и тогда нам ничто не помешает вместе пообедать. <…> Я, собственно, так и не сказал Вам, отчего мне так нравится Ваша книга. Она написана на высоком поэтическом уровне — Вы сумели стать первоклассным англоязычным поэтом. Уж не припомню, когда бы новая книга так брала меня за живое, так увлекла, как Ваша.

Наши лучшие пожелания вам обоим.

Всегда Ваш
Эдмунд Уилсон.

Уэллфлит, Масс.
3 декабря 1941

Дорогой Владимир.

(1) Было бы неплохо, если бы Ваш агент сообщил театральному агенту, что, насколько Вам известно, обычный гонорар в таких случаях составляет $100 в месяц, и поэтому Вы считаете, что должны получить за год по меньшей мере $500. Разумеется, в этом случае Вы рискуете потерять $200 — но ведь это всегда лотерея.

(2) Мои похвалы{14} едва ли способствуют тому вниманию, которое Вы, судя по всему, к себе привлекаете. Я расхваливал многих, но им это нисколько не помогало. Думаю, Ваш быстрый успех вызван исключительно Вашим литературным дарованием. Случай и в самом деле очень странный — особенно если учесть, что по своему складу Вы совершенно не вписываетесь в современную литературную моду.

(3) Объяснить, что собой представляет Генри Джеймс, очень непросто. Когда я впервые прочел его в колледже, он мне не понравился; у него есть серьезные недостатки, и все же он — я в этом убежден — великий писатель. Как ни странно, сегодняшние молодые люди читают его запоем. С другой стороны, очень трудно уговорить вновь за него взяться тех, у кого он с первого раза «не пошел». Любопытно, произведет он на Вас впечатление или нет. Я бы на Вашем месте попробовал сначала прочесть его ранние вещи: «Американца» или «Вашингтон-сквер», а уж потом что-то из поздних — скажем, «Золотую чашу». Его проза страдает некоторой вялостью, расслабленностью — исключение составляют разве что книги, написанные в середине жизни: «Что знала Мейзи», например. Все остальные романы, которые я Вам рекомендовал, относятся ко второму периоду.

Всегда Ваш
Эдмунд У.

Мне очень нравится его автобиография в стиле Пруста: «Маленький мальчик и другие. Заметки сына и брата».

1942

Уэллфлит, Масс.
3 февраля 1942

Дорогой Владимир,

не могли бы Вы переслать это письмо Алданову, если знаете его адрес? Он прислал мне кое-что из своих сочинений, а я его адрес потерял. Вы видели неглупую рецензию Кэй Бойл{15} в «Нью рипаблик» на Вашу книгу? Только что прочел «Смех во тьме»{16}. Роман мне понравился, если не считать малооправданного финала. Я подумал было, что незадачливый герой научится на слух улавливать цвет и распознает местоположение девушки, «услышав» ее красное платье или какой-то другой предмет туалета. Вы эту книгу сами переводили? Перевод очень хорош. Я заметил, кстати, что в одном месте кончик сигары вы переводите tip. Держу пари, что soulful conversation, которую ведет с девушкой в начале романа хозяйка квартиры, — это не что иное, как буквальный перевод «душевной беседы».

Всегда Ваш
Эдмунд Уилсон. <…>

---

13 мая 1942

Дорогой Кролик,

обидно, что Корнелл Вас отклонил. Моя позиция в Уэллсли, к сожалению, — явление онтогенетическое, а не филогенетическое. {17} Создана она была специально для меня. У меня было всего-то с десяток лекций, за которые мне платили 3000 долларов в год. Недавно несколькими профессорами была предпринята героическая попытка оставить меня еще на один год или, по крайней мере, учредить курс по русской литературе, но все эти усилия кончились ничем. Причина та же: отсутствие средств. Сюда я приехал, сознавая, что у моей работы будущего нет, но, как и у всякого человека, у меня зародилась тайная надежда, что дело как-нибудь да сладится. Не сладилось — и почва начинает уходить из-под ног.

Операция, которую перенес Дмитрий, оказалась серьезнее,

чем мы предполагали. Вчера он вернулся домой и должен будет теперь некоторое время полежать в постели. Вы видели в последнем «Лайфе» на редкость непристойную фотографию хорошенькой русской балерины (по-моему, Тумановой)?{18} Она стоит, опершись на голову слона, а тот продел свой хобот между ее голых ляжек и обвил их самым что ни на есть фаллическим образом.

Надеюсь Вас скоро повидать, дорогой друг.

Ваш Набоков.

Здешний преподаватель французского языка, по совместительству астролог, только что сообщил мне, что Гитлер умрет 23 мая. Ждать, стало быть, осталось десять дней.

Уэллфлит, Масс.
22 мая 1942

Дорогой Владимир,

«Весну в Фиальте» следует первым делом послать в «Нью-Йоркер». Напишите У-му Максвеллу{19}, что это я Вас надоумил. Боюсь только, им рассказ покажется слишком длинным, но, если Вы его сократите, они, может статься, его и возьмут. Если же нет — попробуйте отдать его в «Харперс-базар» (572 Мэдисон-авеню, Нью-Йорк). Напишите Мэри Луиз Эзвелл{20} и сошлитесь на Мэри и на меня. Нам с Мэри{21} рассказ понравился, но, с точки зрения журнала (пожалуй, и с нашей тоже), ему не хватает интриги. От истории, действие которой происходит в Фиальте, ждешь большего.

Отдельной бандеролью возвращаю Вам также «Отчаянье» и «Новый журнал». «Отчаянье» мне понравилось, но «Смех во тьме» — лучше. Самое удачное, мне кажется, место в романе — сразу после убийства. Прочел *Русалку* и Вашу концовку.{22} Хорошо зная Ваши приемы, я даже несколько удивился тому, сколь эта концовка сдержанна. Поначалу я было решил, что князь не поверит русалочке, сочтя все случившееся вздором, и отправит ее восвояси, нарушив тем самым коварные планы ее матери.

Очень был рад Вас повидать. Сердечный привет от меня Вашей жене и Дмитрию. Надеюсь, он уже поправился. Если надумаете перед летними разъездами к нам наведаться, мы Вам — сами знаете — всегда рады. Достаточно будет написать записку или послать телеграмму.

Всегда Ваш
Эдмунд У.

---

16 июня 1942
Дорогой Кролик,

огромное спасибо, Беннингтон звучит ужасно привлекательно.{23} Сегодня же пишу Льюису Джонсу. Забавно сознавать, что русский знаешь лучше всех— во всяком случае в Америке, да и английский — лучше любого русского в Америке, а в университет при этом устроиться не можешь. Следующий год не сулит мне ничего хорошего. Единственное, что мне удалось найти, — это место научного сотрудника сроком на один год (годовая зарплата 1200 долларов, с 1 сентября) в Музее сравнительной зоологии; рабочий день — три часа, и все бабочки в моем распоряжении. Если бы удалось сочетать работу в Музее с чтением лекций в колледже, было бы чудесно. И, конечно же, я от этой работы откажусь, если появится место более высокооплачиваемое. <…>

У меня только что побывал секретарь одного писателя{24} (имя забыл), этот писатель сочинил нечто под названием «Табачная дорога», теперь же пишет роман из советской жизни. Vous voyez ça d'ici?[49] Хотел выяснить, как писать по-английски такие слова, как «немецкий», «колхоз» (который он пишет kholholtz) и тому подобное. Его героя зовут Владимир. Проще некуда. Меня подмывало подсуропить ему набор неприличных слов, которые бы он употреблял в значении «доброе утро» и «спокойной ночи». (К примеру: *Разъеби твою душу,* — сухо сказал В.) <…>

Получил письмо от Пирса{25}, очень мил, просит прислать еще вирши, и я отправил ему стихотворение, которое сочинил по Вашему наущению и которое прикладываю. «Харперс-базар» отослал мне обратно «В в Ф.» [«Весну в Фиальте». — *А. Л.*], которая, по всей вероятности, обречена быть вечным бумерангом.

В начале следующей недели отбываем в Вермонт, где пробудем (в ветхом фермерском доме, осаждаемом огромными, неповоротливыми дикобразами, гнусно пахнущими скунсами, светлячками и вполне сносными ночными бабочками) до середины августа.

Нет, Кролик, Вы глубоко заблуждаетесь. Экономный Пушкин

никогда бы не допустил, чтобы с ума сошли сразу два персонажа — и старый мельник, и князь. Моя концовка в полной мере соответствует окончаниям всех легенд, связанных с русалками и феями в России, — возьмите, к примеру, «Русалку» Лермонтова или стихотворение «Русалка» Алексея Константиновича Толстого. Пушкин никогда не ломал хребет традиции, он лишь переставлял внутренние органы — с менее эффектными, но более жизнеспособными результатами. Уверяю Вас, было бы куда забавнее, примчись князь во дворец в состоянии буйного умопомешательства, или же, что еще лучше, прокрадись он домой и намекни княгине на ту кошмарную историю, которая с ним произошла, но в планы Пушкина это не входило.

Хорошо бы увидеться в самом скором времени. Не позвоните ли в субботу? Мой сын сочинил то, что он называет «анекдотом», про мать, которая по своей доброте, перед тем как отшлепать сына, дает ему веселящий газ.

Ваш очень *дружески*
В. Набоков.

Уэллфлит, Масс.
8 августа 1942

Дорогой Владимир,

как дела? Опять с огромным удовольствием взялся за Пушкина. Жаль, что Вас нет рядом: Нина Чавчавадзе{26} в такого рода вещах разбирается неважно. *Каменный гость* меня разочаровал; не возьму в толк, отчего это Мирский{27} считает его шедевром. Вот *Цыганы* — это шедевр, да и юмористические вещи *Граф Нулин* и *Домик в Коломне, по-моему,* совершенно прекрасны, хотя и менее популярны. В Кембридже, впрочем, я обратил внимание, что начинающим изучать русский язык в летней школе вменялось учить наизусть *Графа Нулина!* Что собой представляют теории про *Домик в Коломне,* о которых пишет Мирский? Что-то в них есть, по-моему, сомнительное. Вам известно, что это за теория про графиню, которую герой видит в церкви и которая не имеет никакой очевидной связи с сюжетом? И еще, как Вы думаете, что хотел сказать Пушкин своей *Гавриилиадой?* Что нельзя сказать наверняка, был ли Христос сыном дьявола Гавриила или Бога? Райский сад у Пушкина великолепен — по мне, он лучше, чем у Мильтона.

Мы здесь, невзирая на Клифтона Фэдимена[28] и Перл-Харбор, продолжаем заниматься насущными делами. Надеюсь, Вере на природе лучше. Обязательно дайте нам знать, когда вернетесь.

Всегда Ваш

Эдмунд У.

1943

230 Ист-15-я стрит
Нью-Йорк
11 января 1943

Дорогой Владимир,

жаль, что мне не удалось задержаться в Кембридже и пришлось ехать прямо в Нью-Йорк. Сверху — мой адрес; наш телефон: Грэмерси 7-4579.

Кажется, мне удалось наконец-то найти переводчика для Ваших книг. В Смит-колледже я познакомился с исключительно умной русской женщиной, которая безупречно говорит и пишет по-английски. Здесь она живет с одиннадцатилетнего возраста, но русский язык сохранила и к тому же изучала русскую литературу в Лондоне у Мирского. Я прочел ее диссертацию о влиянии Достоевского на английскую литературу — работа интересная и хорошо написана. У нее есть отличный материал о плохих английских переводах с русского; она напечатала несколько английских переводов отрывка из «Записок из мертвого дома» в параллельных колонках, чтобы продемонстрировать, насколько все они чудовищны. Провела у нас Рождество и очень нам понравилась. Я дал ей Ваш «Подвиг», и он произвел на нее огромное впечатление. Предупреждаю, она обожает Достоевского, но в ее любви нет ничего мистического или отталкивающего. Зовут ее Элен Мучник{29}, 69 Бельмон-авеню, Нортгемптон, Массачусетс. По-моему, Вам стоило бы встретиться с ней в Бостоне.

Известно ли Вам, что Вы сыграли со мной, причем совершенно непроизвольно, самую свою злую шутку? Я был уверен, что вы сочинили за Пушкина стихотворение о бессоннице, которое так похоже на мое. О чем я и сообщил Мэри, а также многим своим знакомым и даже процитировал это стихотворение как пример столь свойственных Вам виртуозных литературных розыгрышей. Я дал себе слово, что ни за что на свете не доставлю Вам удовольствия, раскрыв Пушкина и не найдя там этого стихотворения. Но потом, однажды вечером, я все-таки раскрыл Пушкина и обнаружил, что стихотворение-то, оказывается, существует! Я был вне себя от бешенства.

Надеюсь, Вера уже дома и поправляется. Если соберетесь в Нью-Йорк, дайте знать.

Кстати, Вы уже получили американское гражданство? Для Гуггенхайма это может иметь значение.{30}

Ваш отрывок в «Атлантике»[31] мне очень понравился. Прекрасно написан.

Лучшие пожелания от нас обоих.

Эдмунд У.

Я обнаружил формулу русской поэзии:

И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

В обоих двустишиях повторяются в другом порядке слова из предыдущих строф. В Вашем «Расстреле» ведь примерно то же самое?

---

230 E 15-я стрит
7 марта 1943

Дорогой Владимир,

как живете? Мы соскучились. Элен Мучник из Смит-колледжа написала мне очень доброжелательное и разумное письмо про Ваш *Подвиг*. Хотел Вам это письмо переслать, да куда-то его задевал. Дайте ей что-нибудь перевести из Ваших вещей. На днях познакомился с очень хорошенькой русской, Ириной Куниной[32], она сотрудничает с *Новосельем*. Вам что-то про нее известно? Вчера вечером по ее приглашению ходили на вечер *Новоселья* и ушли с ощущением, что *Новоселье* — это своего рода сталинская «агитбригада». Весь вечер звучали выступления и стихи, прославляющие оборону Ленинграда. «Установка», по всей вероятности, выполнена не была, ибо почти все речи получились одинаковыми и настолько прямолинейными, что даже Мэри из-за постоянных восклицаний и имен собственных понимала, о чем идет речь. Все как безумные цитировали *Медного всадника* — порой совершенно не к месту. На протяжении всей своей речи мадам Кунина не уставала повторять: *Петербург тире Ленинград*. Домой я вернулся в угнетенном состоянии.

Что-нибудь слышно про стипендию фонда Гуггенхайма? В

настоящее время Вы преподаете в Уэллсли? Черкните пару строк.

Читаю Тютчева. Он, безусловно, очень значителен — совершенно не похож ни на одного известного мне поэта. Но не слишком хорошо известен, так ведь? Прочел все пушкинские поэмы. Патриотическая *Полтава,* хоть и написана прекрасно, меня разочаровала. Мне показалось, что такие вещи, как *Братья разбойники* и незавершенный *Тазит,* более интересны и более пушкинские. Привет Вере.

Всегда Ваш

Эдмунд У.

---

29 марта 1943

Дорогой Кролик,

я получил гуггенхаймовскую стипендию. Спасибо, дорогой друг. *У тебя удивительно легкая рука.* Я заметил, что всякий раз, когда ты принимаешь участие в моих делах, успех мне обеспечен.

Между тем из Нью-Йорка пришла очень печальная весть; кажется, я говорил тебе о своем близком друге, одном из *соратников* отца, Иосифе Гессене[33], — ему только что удалось бежать из Франции. Так вот, он умер. Посылаю тебе небольшой очерк, который я о нем написал по-русски в «Новое русское слово».

В Нью-Йорке буду проездом в среду и четверг, 14 и 15 апреля. Позвоню в среду днем, если дашь мне свой телефон.

Уикс (под стаккато коротких «ха-ха») не без некоторого энтузиазма отзывается о «Помощнике режиссера», моем новом рассказе, который я ему предложил. Напечатан будет в майском номере. За энтузиазм, мне кажется, следует платить. Меня не устроил гонорар за «Мадемуазель О» (глухие дамы со всех концов этой трогательной страны до сих пор пишут мне письма. «Мистер Набоков, — говорят они, — если б Вы знали, что значит быть глухим, Вы бы описали „Мадемуазель О“ с куда большим сочувствием»), составивший 250 долларов. Новый рассказ примерно такого же размера, но с изюминкой покрупнее. Хочу я за него по меньшей мере 500. Что скажешь?

Ты видел последний («русский») «Лайф»?[34] *Вот говнюки!* Эта непристойная фотография Дэвиса! Подпись под портретом Пушкина! Стиль! Петр Великий «**единолично загнал** Россию в прогресс»!

Твой
В.

---

5 апреля 1943

Дорогой Кролик,

очень хочется с тобой повидаться — скажем, в среду вечером, 14-го, в 8.30. Благодарен тебе за Принстонский клуб. Думаю, однако, что остановлюсь, как всегда, в «Веллингтоне». Дай же мне свой номер телефона.

Уикс заплатил мне за рассказ 300 и добавил благоговейным шепотом: «Мы даже Кролику больше не платим!» (!)

Вот стихотворение, которое я отправил издателю «Новоселья» в ответ на их благодушную просьбу прислать что-нибудь «новенькое».

Каким бы полотном батальным ни являлась
советская сусальнейшая Русь,
какой бы жалостью душа ни наполнялась, —
не поклонюсь, не примирюсь

со всею мерзостью, жестокостью и скукой
немого рабства; нет, о нет —
еще я духом жив, еще не сыт разлукой,
— увольте, — я еще поэт!

Я потихоньку распространяю слух, что «Владимир Познер» — мой псевдоним.

С нежным приветом
В.

Уэллфлит, Масс.
1 ноября 1943

Дорогой Володя,

вот корректура моей статьи о Пушкине для «Атлантика». Первую статью из этой серии ты, скорее всего, уже видел — она вышла в одном номере с твоим рассказом.{35} Статьи эти могут показаться тебе пресноватыми, но ведь они ни на что не претендуют, это всего лишь первые впечатления иностранца, не более того. В дальнейшем собираюсь их расширить, доработать и выпустить отдельной маленькой книжкой, а потому буду тебе благодарен за любые соображения и замечания. Корректуру, пожалуйста, верни. Я предложил Уиксу, чтобы он каждой моей статье предпослал твои поэтические переводы. Идея, думаю, удачная.

Мне предложили место рецензента в «Нью-Йоркере», и я решил подписать с ними контракт на один год. (В следующем году пиши побольше, чтобы мне было что рецензировать.) Таким образом, с первых чисел декабря и до конца зимы мы будем в Нью-Йорке. Может, побываете у нас, пока мы не уехали? У нас сейчас Нина Чавчавадзе, и мы все очень хотим вас видеть. Мэри сейчас в Нью-Йорке — ищет квартиру, иначе бы тоже написала. Может быть, приедете на День благодарения (25 ноября), как три года назад (когда ты создал свое эпохальное стихотворение о холодильнике)? Были бы вам очень рады. Мы торжественно закроем сезон и постараемся создать вам массу неудобств, чтобы тебе было о чем писать в «Нью-Йоркере».

Только что прочел «Вий» Гоголя — вне всяких сомнений, один из величайших рассказов в своем роде. Маленькая деревянная церквушка на краю города, возле которой воют собаки, просто замечательна.

Всегда твой

Эдмунд У.

Уэллфлит, Масс.
10 ноября 1943

Дорогой Владимир,

в День благодарения мы на вас очень рассчитываем. Подвести нас будет с вашей стороны непростительно, ибо мы собираемся заказать гигантскую индейку в расчете и на вас тоже. Не говоря уж о том, что нам с тобой надо бы посидеть над переводами. Те, что я успел прочесть, превосходны: твой английский дает сбой в

редчайших случаях.

Боюсь, что с моими пушкинскими переводами уже ничего не поделаешь, хотя я и попросил Уикса попытаться по крайней мере исправить **честной** и *да ведь.* Совершенно согласен: мой перевод **«Ты волна моя волна»** никуда не годится.{36} Спасибо тебе за то, что ты в него вник.

У меня возникла идея, которую я бы хотел с тобой обсудить. Что, если мы вместе поучаствуем в книге о русской литературе: я — своими эссе (несколько их дополнив), ты — переводами? Поскольку контракт с Лафлином ты еще не подписал, ты вправе по своему усмотрению распоряжаться своими поэтическими переводами, к которым ты — почему бы и нет? — добавишь несколько прозаических. К примеру, «Вий», который представляется мне шедевром, был переведен много лет назад в выпущенном в Англии сборнике, и достать его, скорее всего, уже невозможно. Выручку мы бы разделили пополам и что-то бы заработали — с учетом растущего интереса к русскому языку, такая книга, подозреваю, расходилась бы неплохо. Она наверняка будет в своем роде единственной. Возможно, ты бы предпочел выпустить свою собственную книгу, но все же подумай о моей идее.

Я обнаружил два великолепных русских глагола: *примелькаться* и *приедаться.* Как бы ты их перевел?

Всегда твой

Эдмунд У.

Кембридж Бостонский
23 ноября 1943

Дорогой Кролик,

на некоторых [зубах. —*А. Л.*] выступили маленькие красные вишенки-абсцессы — и человек в белом халате остался доволен, когда не стало ни их, ни зубов, исторгнутых из малиновых десен. Мой язык ощущает себя во рту подобно человеку, вернувшемуся домой и обнаружившему, что вся его мебель куда-то запропастилась. Вставная челюсть готова будет только на следующей неделе — и я теперь оральный калека. О том, чтобы ехать на Кейп-Код (заявил дантист) не может быть и речи. Ужасно обидно.

Я лежал в постели и глухо стонал, чувствуя, как мороз

наркоза постепенно сменяется жаром боли; работать я не мог, и хотелось только одного — хорошего детектива, и в эту самую минуту в комнату вплыл «Вкус меда»{37}. Мэри была права, детектив мне тоже ужасно понравился, хотя энтомологические описания, разумеется, — сплошное вранье (в одном месте автор спутал Пурпурного императора с ночной бабочкой Император). Но написан детектив отлично. Интересно, Мэри сообразила, почему имя сыщика раскрывается в самом конце? Я сообразил.

Я был так расстроен и так мучился от зубной боли, что мои пометки на полях твоей корректуры{38} получились какие-то очень уж сварливые. Замечательно, что есть человек, который способен писать о русской литературе так, как ты. И все же твой Тютчев мне понравился меньше, чем все остальные. Ты беседовал с ним так, словно сопровождал его по дороге на почту, или сидел за чаем chez la petite princesse N-sky[50], или — под розовыми каштанами на европейском курорте, — но ты не побывал у него дома и не проговорил с ним всю ночь напролет.

У Хаусмана действительно есть с ним сходство, ты совершенно прав, — но откуда взялся этот штукатур де Виньи? У Хаусмана есть что-то про мертвеца, чей плащ — весь земной шар; совершенно буквально — гигантская роба. И это еще одно связующее звено с Тютчевым.

Старый добрый Лафлин пишет мне, что предложил тебе приписать к стихотворениям несколько слов. Я по-прежнему надеюсь, что ты справишься и со всем остальным.

Будь добр, пришли замечания к моим переводам.

Когда мое лицо отражается в какой-нибудь сферической поверхности, я часто замечаю свое странное сходство с Ангелом (воителем) — теперь этот же эффект достигается и обыкновенным зеркалом.

Самые теплые пожелания вам обоим от нас обоих. <…>

Уэллфлит, Масс.
23 ноября 1943

Дорогой Владимир,

очень были огорчены, узнав, что ты мучаешься зубной болью. Не давай им вырывать слишком много зубов — в Америке любят вырвать побольше. У меня сохранилось несколько зубов, которые отлично мне служат, а между тем дантисты уже много лет назад

настаивали, чтобы я их удалил. Ужасно жаль, что вы не приедете на День благодарения. Может, приедете на следующей неделе, перед нашим отъездом (в воскресенье)? Думаю, нам с тобой и в самом деле надо поговорить: 1) о твоих тютчевских переводах; 2) о том, как вести себя с Лафлином и 3) о задуманной нами книге.

Лафлин написал мне льстивое письмо с просьбой о предисловии. Он мне не простит, если я уговорю тебя не давать ему переводы, и может отказать в публикации книги Фицджеральда{39} — вот почему мне хочется уладить этот вопрос в первую очередь. Впрочем, он в любом случае может отказаться печатать Фицджеральда, и тогда препятствий не возникнет. Ты просто вернешь ему аванс из тех денег, которые получишь от другого издателя.

Большое тебе спасибо за твой комментарий к моей статье. Он мне очень помог, и я кое-что исправил. Уикс пишет, что хочет получить всё на этой неделе, поэтому посылаю ему твои тютчевские переводы. Говорит, что сможет дать под них две страницы, и я надеюсь, что войдут все. Есть несколько строк, которые, мне кажется, стоило бы доработать — там имеются кое-какие английские огрехи, но эту правку можно будет внести и в корректуре. В целом же переводы прекрасны, и теперь англоязычный читатель впервые сможет оценить, что собой представляет Тютчев.

Только что прочел «Шинель» и хочу теперь почитать твой перевод этой повести. <…> Прочел также маленький сборник эссе о русской поэзии твоего друга Ходасевича — превосходно. В одном из них{40} он устанавливает связь между «Домиком в Коломне», «Пиковой дамой», «Медным всадником» и историей, которую Пушкин рассказал у Карамзина, а кто-то записал и опубликовал. Это настоящий шедевр, нечто вроде литературного детектива, к чему я и сам питаю склонность.

У меня много соображений о нашей совместной книге — надеюсь обсудить их при встрече. Если ты потратился на зубных врачей, позволь мне одолжить тебе денег, чтобы ты смог к нам приехать. Я разбогател — впервые в жизни.

Всегда твой

Эдмунд У.

P.S. Не думаю, что у Гоголя *даже* следует переводить словом even, это, скорее, in fact или as a matter of fact. У Диккенса это тоже есть. *Тут же* и *словом* употребляются у него в том же тоне, не правда ли? Микобер и другие персонажи Диккенса говорят примерно так же, как человек, который рассказывает историю капитана Копейкина. Эти фразы Гоголя — авторский эквивалент *так сказать* (тому подобное) комического повествователя.

Сходным образом собственный стиль Диккенса имеет много общего со стилем Микобера. Гоголь хочет, чтобы создалось впечатление, что он и сам недалеко ушел от придурковатых и болтливых людишек, которых так любит изображать.

---

8 Крейджи-сёркл
Кембридж
10 декабря 1943

Дорогие Мэри и Кролик,

надеюсь, что сейчас вы уже в Нью-Йорке. Выходные получились на зависть, вот только контракт с Лафлином остался лежать в твоем кабинете (или в другом, более подходящем месте) — во всяком случае, я его с собой не взял и не припоминаю, чтобы ты его мне давал. Все это не столь уж важно, но на заметку взять следует. <…> Я напишу ему еще одно письмо, где будет сказано, что в конечном счете я бы предпочел не включать «Шинель» в гоголевский сборник. Тогда мы сможем поместить ее в том нашей классики. Я перечитал *Вий,* и, честно говоря, большого энтузиазма он у меня не вызвал — это одна из наиболее слабых гоголевских вещей, *поверь мне!*

По-моему, некоторые подробности Тегеранской конференции просто восхитительны, ну, например: «Сталин свободно общался со своими гостями через переводчика», или: «Сталин поднял свой бокал и трезвым взглядом оглядел собравшихся». Судя по фотографиям, совершенно очевидно, что на конференции присутствовал не настоящий Сталин, а один из его многочисленных двойников — гениальный ход со стороны Советов. Возможно даже, это был не живой человек, а экспонат из Музея восковых фигур, поскольку так называемый переводчик, некий мистер Павловск (!), который запечатлен на всех фотографиях в качестве своеобразного Puppenmeister'a[51], несомненно, руководил движениями наряженной во френч куклы. Обрати внимание на отутюженную стрелку на брюках псевдо-Дядюшки Джо на экспонате №3. Такие отутюженные брюки бывают только на восковых фигурах. Думаю описать, как в действительности обстояло дело, ведь, согласись, придумано виртуозно, особенно когда манекен передвигался с места на место и выпивал 34 тоста, резким движением поднося бокал к губам. Мистер Павловск — истинный маг и чародей.

Получил письмо из «Нью рипаблик» с просьбой отрецензировать пару книг.[41] Одна — антология русского юмора, составитель некий Курнос, я ее еще не читал. Вторая — сборник, составленный Герни. Поскольку в настроении я пребываю скверном, хочется надеяться, что обе книги никуда не годятся.

Об «Окне Иуды»[42], Мэри, я мнения невысокого. Это далеко не шедевр. Мать Гоголя пребывала в уверенности, что все книги, вышедшие при жизни ее сына, написал он и что вдобавок он является создателем пароходов, паровозов и фабрик. Его это приводило в бешенство, и гоголевские письма к матери, в которых он все ее домыслы отрицал, чрезвычайно забавны. Иначе говоря, этот меткий выстрел в глазок камеры не слишком убедителен — надо было придумать что-нибудь получше.

Вчера у нас разразилась чудовищная гроза. Надеюсь, ваш дом на Кейп-Код уцелел — ведь в противном случае контракт с Лафлином погиб бы безвозвратно.

Передайте, если увидите, мой нежный *привет* Гринбергам. Надеюсь, в Покипси вы не сели на мель?

Преданный Вам
В.

№ 25 Уэст 43-я стрит
15 декабря 1943

Дорогой Владимир,

вот он, роковой контракт. Сотрудник «Даблдей» болен, и увижу я его не раньше начала следующей недели, поэтому ничего определенного сказать пока не могу. Если — на что хочется надеяться — тебе удастся забрать у Лафлина эти две книги, ты должен будешь подписать с ним новый контракт только на книгу о Гоголе. В этом контракте, разумеется, не должно быть пункта о приобретении издателем прав. В остальном, думаю, контракт должен касаться исключительно книги о Гоголе.

Относительно нашей с тобой будущей книги, будет, мне кажется, лучше, если ты включишь в нее только поэтические переводы. «Шинель» же пускай войдет в твою книгу о Гоголе, ей там самое место, к тому же у нас у обоих найдутся дела поинтересней, чем корпеть над переводом Гоголя. (В антологии Курноса есть перевод «Шинели», на днях я просмотрел его в

книжном магазине — английский язык у него хромает, и довольно сильно.) Забыл сказать тебе в Уэллфлите, что было бы, по-моему, неплохо перевести сцену Репетилова из «Горя от ума»; но и эта работа потребует больше сил, чем она того стоит. Напишу тебе об этом подробнее, когда переговорю с «Даблдей».

Да, Тегеранская конференция была великолепна, особенно когда Рузвельт поднял меч и изрек: «Сердце и впрямь из стали!» Разумеется, кончилось все каким-то старым как мир сговором, который предпочитают держать в секрете.

Очень приятно было видеть вас у нас в Уэллфлите. С тех пор как мы переехали в Нью-Йорк и вселились в удобную, тихую, но пустоватую квартиру, мне очень не хватает моего Уэллфлита, меня не покидает ощущение, будто живу я теперь в безвоздушном пространстве. Думаю, что аэропланы, которые меняют нашу точку зрения на постоянство и значимость человеческого обиталища, наносят заодно ущерб и нашему интеллекту, и нашему воображению. Сегодня город значит для меня ничуть не больше, чем после Первой мировой, когда я приехал сюда впервые, и у себя дома на Кейп-Код мне и в самом деле лучше — там у нас по крайней мере есть иллюзия полноты жизни. И всего прочего.

Всегда твой

ЭУ.

1944

8 Крейджи-сёркл
Кембридж 38, Масс.
3 января 1944

Дорогой Кролик,

по всему судя, ты великолепно справился с продажей нашей книги. Spassibo. Вкладываю копию своего письма Лафлину. Вера провела со мной серьезный разговор относительно моего романа. {43} После того как роман был нехотя извлечен из-под вороха бумаг с описанием бабочек, обнаружились две вещи. Во-первых, что он хорош, и, во-вторых, что по крайней мере первые страниц двадцать можно смело печатать и отсылать в издательство. Что и будет незамедлительно сделано. После многочисленных измен возлег я наконец со своей русской музой и посылаю тебе большое стихотворение{44}, которое она от меня зачала. Может статься, оно отправится в «Новый журнал». Вот увидишь, читается оно куда легче, чем некоторые мои предыдущие творения. Прочти же его, будь добр. Вдобавок, я почти закончил рассказ по-английски.

Маловразумительная статья о кое-каких маловразумительных бабочках, напечатанная в маловразумительном научном журнале, явится очередным образцом набоковианы, который в скором времени попадет тебе в руки.

Когда герой оказывается в Испании в конце XV века, ему совершенно необязательно встречаться с неким генуэзским мореплавателем. Алданов же поступает прямо противоположным образом. Это мой единственный упрек близкому другу и талантливому писателю.

Я ужасно позавидовал Вере, когда она рассказала мне, что тебя видела.

Мы оба желаем тебе и Мэри безупречного года.

В.

Собирался отправить тебе это письмо, когда получил твое. *Прилагаемое письмо* уже послал Лафлину, но, боюсь, был с ним достаточно суров. *Или нет?* Спасибо, что порекомендовал меня издателю русских рассказов. Из литературной продукции, созданной за четверть века советской власти, я мог бы отобрать с десяток недурно написанных небольших вещиц (Зощенко, Каверин, Бабель, Олеша, Пришвин, Замятин, Леонов — *и обчелся).* Наибольшую неприязнь добрые старые Советы вызывают у меня потому, что сочиняют гнусную литературу, и тем не менее как человек тактичный я мог бы при желании выбрать из горы гнили

несколько съедобных слив, хотя ощущал бы себя нищим, копающимся в мусорном баке.

---

18 января 1944

Дорогой Кролик,

<…> посылаю тебе: a) стихотворение, которое некоторое время назад отправил в «Нью-Йоркер»; b) еще один отрывок из «Онегина»; первая строка первой строфы — Верина находка: best tradition соответствует *честных правил,* и c) тридцать семь (37) страниц моего романа «Человек из Порлока». Если сочтешь его приемлемым, пожалуйста, предварительно изучив, перешли в «Даблдей» (и, конечно же, Дорану). Там еще масса сорняков, которые я со временем выполю, но в целом первые главы «Человека из Порлока» останутся без изменения. В конце книги, в которой будет 315 страниц, возникнет и получит развитие идея, за которую раньше еще никто не брался.

(3) Подаю на продление гранта Гуггенхайма и посылаю Мо{45} образцы своих трудов за этот год. Последнее время меня обуял довольно утомительный порыв литературной активности, и сейчас я с облегчением переключаюсь вновь на своих Lycaenidae. Роман будет завершен к концу июня перед поездкой в округ Мендосино, Калифорния, где я хочу поискать Lycaeides scudderi lotis, которые покамест известны лишь в двух образцах — «голотип» и то, что в своей статье я назвал «неотип».

(4) Передай от меня привет Николаю и скажи ему, что он до сих пор не ответил на мое длинное письмо, которое я то ли написал ему, то ли только написать собрался.

(5) Я придумал рифму, сочетающую дактилическое и женское окончания, а также много других мелких фокусов. Жаль, что ты обсуждал мое стихотворение с другом Алдановым — уже двадцать лет он взирает на мое литературное поприще с подозрением и благоговейным страхом, полагая, что дело всей моей жизни — стереть братьев-писателей с лица земли. В моем стихотворении нет, разумеется, ничего подобного; нет в нем ничего и про Сталина — но ведь Алданов рассматривает литературу как своего рода гигантский Пен-клуб или масонскую ложу, требующую от писателей как талантливых, так и talentlos[52], взаимного расположения, предупредительности, взаимопомощи и благожелательных рецензий. Никогда не

обсуждай с ним Ходасевича. <…>

Всецело твой

В.

Не говори Алданову, о чем мой роман, — он может счесть, что я стремлюсь кому-то утереть нос. <…>

№ 25 Уэст, 43-я стрит
24 января 1944

Дорогой Владимир!

(1) Я только что видел Доналда Элдера{46} и передал ему твою рукопись. Скоро получишь договор на русскую книжку. Надеюсь, ты оценишь ее многочисленные красоты. Тебе обязательно надо побеседовать с Элдером, он говорит, что они собираются переделать (после войны) свои книги по природоведению, и твои предложения могут их заинтересовать.

(2) Роман мне очень нравится — ужасно хочется дочитать его до конца. В рукописи ты найдешь кое-какие мои замечания. Мне кажется, есть три английских глагола, которые тебе не даются; это discern, reach и shun (который ты иногда путаешь с shirk[53]). В остальном же роман написан очень хорошо. Единственно, в чем бы я тебя упрекнул, так это в том, что порой фразы у тебя получаются слишком запутанные — как в случае с iron beetle[54]; с общим стилем это сочетается плохо. Стихотворение также отличное.

(3) Насчет *Евгения Онегина.* Получается он у тебя превосходно, но тебе не кажется, что вещи более короткие подходят больше? Мы ведь не можем напечатать весь роман, который к тому же несколько раз, пусть и посредственно, уже переводился.

(4) Николай не материализовался, но грозится объявиться в конце недели.

(5) Да, я был несколько разочарован, обнаружив, что Алданов — типичный европейский литератор. Уж не парижская ли жизнь сделала его таким? Он очень нас позабавил тем, что с ужасом рассказывал, сколь опрометчиво ты, на его взгляд, критикуешь некоторых американских писателей и как он изо всех сил пытался тебя урезонить. Он полагает, что Дж. Ф. Маркуэнду{47} нет равных. Его взгляды по ряду вопросов представляются мне весьма недалекими, и вместе с тем во многих отношениях, о чем

свидетельствует «Пятая печать», человек он, судя по всему, по-настоящему умный.

(6) Мэри настаивает, чтобы я обратил твое внимание на подсчеты, которые ты делал на полях своего письма, — они неверны.

Всегда твой

ЭУ.

---

7 февраля 1944

Дорогой Кролик,

некий «Американский поэт» обратился ко мне с просьбой перевести русских поэтов («особенно солдатских, сегодняшнего дня»), а Общество Браунинга — выступить у них с докладом о русском «подвиге» «с примерами из литературы». У меня был грипп, и я написал довольно сердитое письмо «Американскому поэту», где говорилось, что солдатские стихи мне неизвестны, если не считать отдельных, взятых наудачу строк, которые еще слабее той военной поэзии, которую пишут солдаты других стран. Чувствую, что совершил gaffe[55], — впрочем, платить они, насколько я понимаю, не собирались, а потому я в любом случае ничего бы им не дал. Ты этих людей знаешь? Общество Браунинга прислало мне свою программу немецких исследований, которая кончается словами: «…в заключительных печальных звуках („Gretchen am Spinnrode“[56] Шуберта в исполнении мисс Генриетты Грин, которая с учетом ее англосаксонского имени могла бы задуматься, что она исполняет) этого свежего, юного голоса (голоса Гретхен, никак не Генриетты), в словах „Mein Hertz ist sehr“ (sic! вместо „ist schwer“![57]) ощущается жалобный крик тонущей, измученной Германии, трогательной, доброй, дружеской Германии, ищущей пути спасения. Найти ей эти пути так же важно для всего мира, как и для самой Германии. Исходя из этого, сохраним же надежду, что за столом мирных переговоров не будет духа ненависти и мести, а будут царить всепрощение, любовь — и просвещенное своекорыстие!»

Я написал им, что Гретхен утешилась летними платьицами, которые ее солдатик привез ей из польского гетто, и что ни кастрация, ни менделизм, ни хозяйская ласка не способны превратить гиену в прелестную, сладко мурлычущую кошечку. Вероятно, я совершил еще одну бестактность, но всех этих людей

я знать не знаю, к тому же они мне не нравятся. Пожалуйста, расскажи мне про них, если тебе что-нибудь известно.

Я внимательно перечел наш с тобой договор и должен сказать, что ты создал истинный шедевр. Я также получил чек (750) от Д. Д., и эта сумма решает многие мои финансовые проблемы. Хочу от души поблагодарить тебя, дорогой Кролик, за то, что ты все уладил. Ты сделал огромное дело, и меня не покидает чувство, что мой вклад меньше, чем моя доля. Может, тебе бы понравились *Египетские ночи?* Пошли мне перечень названий (но, если можно, стихи, а не прозу).

Тебе понравился мой offrande[58]? Это иллюстрация к строчке из моего стихотворения (в томе *Возвращение Чорба) К музе. Гроздь винограда, груша, пол-арбуза.*

Увидимся в марте.

Твой В.

№ 25 Уэст 43-я стрит
1 марта 1944

Дорогой Вий! Я только что видел Доналда Элдера, его беспокоит отсутствие новостей о твоем романе. У меня впечатление, что они склонны его взять. По-моему, тебе следует ковать железо, пока горячо. Когда ты будешь в Нью-Йорке? В этом месяце Николай приезжает сюда со всей семьей на неделю.

Всегда твой

ЭУ.

---

26 марта 1944

Отличная рифма:

Notebooks of night
Sebastian Knight

Дорогой друг,

посылаю тебе копию своей статьи о классификации голарктических чешуекрылых. Она вызвала большой переполох в человеко-чешуекрылом сообществе, ибо переворачивает устоявшиеся представления. Сейчас готовлю к публикации мою основную работу по этой группе, а поскольку необходимо сделать сотни рисунков, на бабочек уходит почти все время. Это будет монография страниц на 250. Таксономическая часть читается, как roman d'aventures[59], поскольку в ней описываются кровавые распри между энтомологами, а также всякого рода любопытные психологические казусы. В 1938 году во всем мире насчитывалось пять (5) человек, которые хоть что-то знали про ту группу, о которой я веду речь; одного из них уже нет в живых, а второй, эльзасец, куда-то подевался. Такие вот дела.

Твоя статья о магии{48} мне очень понравилась, хотя мне, право, кажется, ты мог бы упомянуть ведущего русского колдуна, который совершенно озадачил чародея с Кейп-Код. Кстати о мысе Код. Поскольку денег на поездку в Колорадо или в Калифорнию у нас нет, мы подумали, что было бы недурно провести июль — август на мысе. Вера с мальчиком могли бы отправиться туда уже в середине июня. Ты не подсказал бы, как снять в ваших местах коттедж? Есть ли поблизости какое-нибудь агентство или частное лицо, сдающие помещение на лето? Или же пансион (недорогой)? Этим летом хочу закончить роман. В одном из последних «Нью-Йоркеров» было *прелестное* стихотворение о снеге и Шерлоке Холмсе.{49}

В данный момент правлю корректуру «Гоголя» и послал бы ее тебе на суд, не знай я, как много тебе и без того приходится читать. Элдеру отправил краткое содержание своего романа. Старый добрый Гуггенхайм грант мне не продлил, и я нахожусь в бездонной финансовой дыре. Недели через две предложу «Нью-Йоркеру» рассказ. На прошлой неделе за 150 долларов прочел в Йейле лекцию по русской литературе. Лафлин заплатил мне доллар семьдесят за бандероль «Гоголя», а также за фотостат.

Меня умилил фаллический подтекст пистолета, которым поигрывала Джоан{50} в перерыве между «интимным актом» с «полностью обнаженным» Чарли Чаплином. По всей вероятности, «седовласому комедианту» пришлось выбирать между тем, кто «разрядится» — он сам или пистолет, и он благоразумно избрал вариант менее летальный. А может, пистолет понадобился в качестве возбуждающего средства? С этими великими любовниками ведь никогда не знаешь…

Мой скромный поэтический экспромт{51} про *советскую сусальнейшую Русь* «тайно» переписывался и расходился среди

русских социалистов круга Керенского, что позволяло им ощутить давно забытый трепет от распространения *запрещенных стихов,* как при царе, — пока наконец один из этих социалистов не опубликовал мое стихотворение анонимно в *Социалистическом вестнике,* представив его (в конце антисталинской статьи) в той особенной вкрадчивой, ритуальной манере, в какой распространялись рукописи революционных стихов полвека назад. В глаза бросаются две очаровательные вещи: 1) такие благородные гражданские стихи являются общественной собственностью и 2) имя поэта не разглашается, ибо в противном случае он будет сослан в Сибирь (или на Лабрадор) президентом Рузвельтом. Если ты знаком с обычаями, milieu[60] и стилем русской либеральной публицистики 1845–1945 годов, то оценишь изысканный юмор ситуации.

Очень хочу тебя видеть.

В.

---

8 мая 1944

Дорогой Кролик,

с Кейп-Код мы связались, но дела наши складываются так, что мы до сих пор не уверены, сможем ли поехать. <…>

Я прекрасно понимаю, что в бедственном положении моего кошелька (несколько сот долларов, которые тают в банке, плюс моя жалкая музейная зарплата и еще примерно 800 долларов, которые я заработаю в Уэллсли в следующем семестре) виноват я сам. Я слишком много времени уделяю энтомологии (до 14 часов в день), и хотя в этом отношении я делаю кое-что, имеющее серьезное научное значение, я иногда ощущаю себя пьяницей, который лишь в минуты просветления сознает, что упускает уникальные возможности.

План: сбежать от бабочек в коттедж на Атлантическом побережье по меньшей мере на пару месяцев и закончить роман (кстати, Доран из «Даблдей» сообщил, что по первым главам они решение принять не могут; я отправил им довольно невнятный пересказ остальных глав, mais ils ne marchent pas[61]). Помимо финансовых проблем нас беспокоит здоровье Дмитрия, мы решили его обследовать и, если возникнет необходимость, оперировать в здешней детской больнице у доктора Гросса, которого «очень рекомендуют». <…>

Корректуру «Гоголя» я тебе посылать не стал: она мне надоела, и я отослал ее обратно Лафлину.

25 числа этого месяца отправляюсь с речью на банкет в Корнелле («Книга и чаша»{52}) и заеду в Нью-Йорк, если удастся организовать русское *выступление* 27-го.

Небольшой рассказ, который я пишу с перерывами уже несколько месяцев, сейчас перепечатывается и в конце недели будет послан в «Нью-Йоркер».

Ужасно хочется тебя повидать, душевный привет вам обоим от нас обоих.

В.

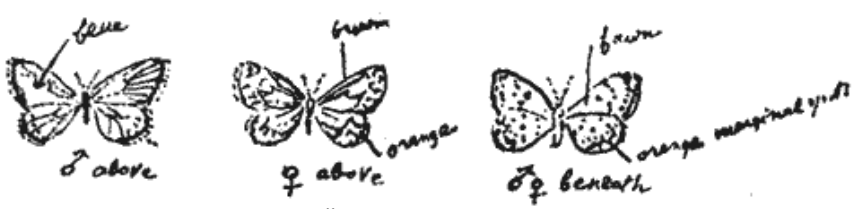
Я почему-то пропустил твою статью в последнем «Нью-Йоркере». С чего бы это?

---

29 июня 1944

Дорогой друг,

как это обычно бывает после посещения Уилсонов (Дмитрий до сих пор хихикает из-за твоей открытки — особенно ему понравилось отсутствие определенного артикля), на меня снизошло вдохновение, и я сочинил еще одну потрясающую главу своего романа. К сентябрю думаю закончить. Я также перевел три пушкинских стихотворения: 1. *Мороз и солнце — день чудесный…* 2. *Что в имени тебе моем…* 3. *Недаром вы приснились мне… (Подражание Корану.)* Последнее могло бы. быть написано сегодня — с аллюзией на партизан и некоторые маленькие европейские государства. Сильная простуда, которую я подхватил, пока мы ждали такси на Южном вокзале (и которая теперь перекинулась на Веру и Дмитрия), разлучила меня с моими жучками. Ты не пишешь, понравилась ли тебе моя статья о Lycaeides. Вот как они выглядят

Получил чек из «Нью-Йоркера» (300 + 200) и поблагодарил миссис Уайт{53}. Надеемся вскоре с вами увидеться. Теперь я почти наверняка назову свой роман «Game to Gunm». Уикс с

восторгом схватил у меня мой рассказ.{54}

Veuiller agréer, cher maître, l'expression de mes sentiments dévoués[62].

В.

Уэллфлит, Масс.
4 июля 1944

День нашего незабываемого освобождения от проклятых британцев.

Переводы из Пушкина пришли. Мне они очень понравились, хотя и есть некоторые прорехи, которые хотел бы с тобой обсудить и залатать. Только что прочел *Египетские ночи* — они меня скорее разочаровали. Не думаю, чтобы стихотворение стоило переводить, как ты когда-то мне предлагал. Здесь есть, как мы говорим, «ситуация», но развития она не получает. Твоя статья про бабочек для меня слишком специальна, и судить о ней не берусь.

Всегда твой
ЭУ.

---

28 июля 1944

Дорогой Кролик,

если удобно, мы приедем, вооружившись сачками, в пятницу. Напиши как есть, не стесняясь. Прости, что пишу так поздно. Посылаю это письмо специальной почтой.

Сегодня мне снилось, что я вместе с Ходасевичем и Уиндэмом Льюисом{55} (автором чудовищно скучной и примитивной вещи под названием «Дураки от рождения») хожу по разрушенному нормандскому городку и тут вдруг вижу тебя, ты же — одновременно и ты сам, и Черчилль.

Когда приедем, попытаемся подыскать себе пансион с отдельной ванной — хотим провести на побережье недели две. Не знаешь, есть ли такой поблизости?

Жму руку.
Твой В.

Уэллфлит, Масс.
31 августа 1944

Дорогой Владимир,

мы с удовольствием прочли твою книгу о Гоголе. Есть места просто блестящие: обличение *пошлости* — безукоризненно и очень важно. Вместе с тем мне все же кажется, что в кое в чем ты, против обыкновения, поверхностен и превратен. Я написал на твоего «Гоголя» рецензию в «Нью-Йоркер»{56}, где (коль скоро я так и не дождался от тебя корзины с цветами) как следует тебя побранил. Это, впрочем, была не настоящая рецензия — настоящих в «Нью-Йоркере» не печатают. Хочу как-нибудь пройтись с тобой по всей книге и обсудить ее во всех подробностях. В одном, по-моему, ты должен обязательно повиниться; я имею в виду твое весьма странное заявление, будто Пушкин ничем не мог помочь Гоголю потому, мол, что речь тут не может идти о **влиянии**; именно это слово — **влияние** — ты употребляешь. Даже если бы Пушкин не был — вопреки тому, что ты пишешь, — иногда очень близок к Гоголю (в *Медном всаднике, Пиковой даме* и, с чем ты и сам согласился, когда мы об этом с тобой говорили, в *Истории села Горюхина),* он отличался исключительным разнообразием и широтой своих литературных интересов. Вне всяких сомнений он был тем самым человеком, который мог подбрасывать Гоголю идеи. Его отношения с другими писателями — например, с Мицкевичем — свидетельствуют о всегдашней готовности Пушкина к сопереживанию. И потом, разве такие пьесы Мольера, как «Мизантроп» и «Дон Жуан», однозначны? Верно, Мольер — не поэт, как Гоголь, но ведь и эти пьесы — не булка с сосиской. Ты прояснил мне несколько мест, которые я не сумел оценить по достоинству: клички игральных карт, например, или историю про поручика, который беспрестанно примеривает новые сапоги. История с этим поручиком поначалу меня озадачила. Потом только я понял, что делает он это без всякой для себя выгоды; но прелесть этого эпизода я оценил, лишь прочитав твою книгу.

Мы тут общаемся с Челищевым{57}, который нам полюбился. Гоголь тоже ему очень близок, и говорит он о нем примерно то же

самое, что и ты. Он, однако, сказал мне, что считает *Вия* одним из его величайших произведений, и я с ним согласен. Ты, на мой взгляд, довольно своевольно многое в творчестве Гоголя отвергаешь. Я сейчас читаю *Вечерам* готов с тобой о них поспорить. Привет Вере. Скучаем без вас.

Всегда твой
Эдмунд У.

---

11 октября 1944

Дорогой Кролик,

убил месяц, готовя для публикации первую часть моей книги про бабочек, и очень намучился с рисунками. Сегодня рукопись уходит в типографию, а между тем деревья — вперемежку зеленые и ржаво-коричневые, как гобелены. Enfin c'est fait[63]. Лет 25 эта книга будет служить необходимым и даже незаменимым подспорьем, после чего какой-нибудь другой субъект докажет, как я был неправ. В этом вся разница между наукой и искусством. <…>

Твоя статья о детективах{58} мне очень понравилась. Разумеется, Агату читать невозможно — но вот Сэйерс{59}, которую ты не назвал, пишет хорошо. Почитай «Преступление дает о себе знать». Твое отношение к детективам поразительным образом схоже с моим отношением к советской литературе, так что в целом ты совершенно прав. Надеюсь, что в один прекрасный день ты изучишь литературу *советского молодняка* за четверть века, и тогда я буду с исключительным удовольствием наблюдать за тем, как колики и рвота придут на смену легкой тошноте, которую ты ощущал, читая нижеследующие перлы: «Лицо его было непроницаемым и чуть рассеянным, каким оно бывало всегда, когда у него пробуждался (просыпался) интерес», «С долю секунды девушка, не отрываясь, смотрела на долговязого с трубкой» (Р.Т. Скотт «Бомбейская утка»), «Высокий следователь слегка пожал плечами» (там же), «Завтра в девять у нас состоится короткое дознание, весьма, уверяю вас, неформальное… вас оно наверняка позабавит, мистер Робб», «Он откинулся на стуле, сложив кончики пальцев, чуть нахмурившись и погрузившись в мысли, о сути которых догадаться было невозможно», «Нет, — быстро сказал Робб, — убийство было совершено ровно на 22 минуты позже», «Я говорю с дядей Луисом? — без труда

догадалась она. — А я — с его племянницей, — отозвался он» (Эрнест Брамах), «Добрый вечер, мистер Келтон, — сказал капитан полиции. — Дело, увы, обстоит не лучшим образом» (Ричард Коннелл «Укус шмеля»), «А ваш второй пистолет?» — «Это самый заурядный пятизарядный автоматический пистолет американского производства. И лежит он в боковом кармане серого костюма, который висит в моем шкафу» (там же).

А вот истинные жемчужины моей коллекции — обрати внимание на прелестные совпадения:

> Я уставился на него в полном замешательстве. «Вы хотите сказать…» — начал было я. «…что ее никто и не думал убивать», — закончил за меня он.
>
> *(Дж. Д. Бирсфорд «Искусственная родинка»)*

> Он выхватил вышеозначенную фотографию и швырнул ее в лицо потрясенному инспектору. «Бирсфорд! Бирсфорд убийца своей собственной жены».
>
> *(Энтони Беркли «Шанс отомстить»)*

Я внес правку и вернул Лафлину корректуру Пушкина — Лермонтова — Тютчева{60}. «Превратности времен»{61} проданы Уиксу. Ужасно хотел бы тебя повидать.

В.

1945

36 Виста-плейс
Рэд-бэнк, Нью-Джерси
19 января 1945

Дорогой Владимир,

ты наверняка очень обрадуешься, узнав, что я принялся за твои русские сочинения и в данный момент с огромным удовольствием читаю *Машеньку*. Некоторые сцены очень хороши, например, первая, где они застряли в лифте, а также то место, где он узнает самого себя в кинематографе. Правильно ли я понял, что Людмила отдается Ганину на полу таксомотора? Не думаю, чтобы у тебя был подобный опыт, — иначе бы ты знал, что такого не бывает.

«Нью-Йоркер» посылает меня в Англию и во Францию, и через месяц я уеду. Меня только что всего искололи прививками от бессчетных болезней.

Привет Вере.

Эдмунд У.

---

20 января 1945

Мой дорогой Кролик,

бывает; и не раз бывало в берлинских таксомоторах образца 1920 года. Помнится, я задавал этот вопрос многочисленным русским таксистам, белогвардейцам и чистокровным аристократам, и все как один говорили, да, именно так дело и обстоит. Боюсь, американская техника любви в таксомоторах мне совершенно неведома. Некто Пиотровский{62}, поэт à ses heures[64], рассказывал мне, как однажды вечером он подвозил кинозвезду и ее спутника. Из природной вежливости (дворянин в изгнании и все прочее) он, когда машина остановилась, распахнул перед клиентами дверцу, и парочка in copula[65] вылетела головой вперед и проплыла мимо него, как «четвероногий дракон» («Отелло» он читал).

Наслаждаясь «Машенькой», не забывай, что книжку эту я написал 21 год назад — то был мой первый опыт в прозе.

Девушка действительно существовала.

Лафлин пишет, что всеми силами стремится издать мою книгу стихов, но *у метранпажа запор.* В нашем с ним договоре есть пункт, где говорится, что, если книга не выйдет до первого января 1945 года, он теряет все права на ее публикацию, а заодно и деньги, которые мне выплачены. Дождусь 1 февраля. Что происходит с нашей книгой в «Даблдей»?

Хочу повидать тебя до твоего отъезда. В Нью-Йорке буду в субботу вечером и в воскресенье 10–11 февраля. Как тебе понравилось, что всю вину в Греции старикан возложил на троцкистов?{63}

Твой

В.

Как ты мог назвать этого шарлатана Манна в одном ряду с П. и Д.? [Прустом и Джойсом. — *А. Л.*]

Альберго-делла-Читта
Виа Систина
Рим
31 мая 1945

Дорогой Володя,

на днях я шел по этой маленькой улочке, где находится моя гостиница, с любопытством разглядывал ряд hôtels borgnes[66], чьи наглухо закрытые двери открываются лишь поздно вечером, впуская солдат с их подружками, — и, представь мое удивление, когда на одном из фасадов относительно респектабельного жилого дома я обратил внимание на мраморную доску, повешенную здесь в 1901 году русской колонией, с бронзовым барельефом головы Гоголя и надписью: *Здесь Гоголь писал «Мертвые души».* Еще раньше я обнаружил, что через улицу от меня находится дом Д'Аннунцио, на соседней — дом Стендаля, у подножия Испанской лестницы, спускающейся к Виа Систина, — дом, в котором умер Китс, да и дом *немецкого пошляка* Гёте тоже, как выяснилось, находится неподалеку. Пока что (увы!) я еще не сочинил здесь ничего, что могло бы сравниться с «Мертвыми душами» или с лучшими стихами Китса, — тем не менее (благодаря оккупационным войскам союзников) у меня превосходный номер на предпоследнем этаже с балконом, где я провожу часть дня и откуда любуюсь Римом.

Обо всех и обо всем в письме не расскажешь — вместо этого приведу тебе отрывок из письма Полли Бойден, которое я только что получил из Труро; отрывок этот, убежден, потешит твое неутолимое нарциссическое тщеславие. «Я случайно прочла, — пишет она, — „Гоголя“ Набокова, и книга мне так понравилась, что я купила „Себастьяна Найта“. Думаю, я ни разу в жизни не встречала человека, который был бы в большей мере художником, чем Набоков, и у меня, когда я читала эти замечательные книги, замирало сердце от сознания того, что ведь я и в **самом деле** встречалась с ним — это все равно что „увидеть воочию Шелли“. И это несмотря на то, что последний абзац „Подлинной жизни“ получился каким-то слишком уж недвусмысленным. У меня возникло такое впечатление, будто Набоков вдруг, **всего за несколько строк до конца романа,** признал себя побежденным!»

Из всех римских новостей тебе, должно быть, больше всего понравится сообщение о том, что Марио Прац{64}, интеллектуал, довольно эксцентричный автор «La Carne, la Morte & il Diavolo nella Letteratura Romantica»[67], который учит русский язык и только что одолел *Шинель,* с большим энтузиазмом отзывался о твоей гоголевской книжке, которую он где-то раздобыл и экземпляр которой попался в книжном магазине и мне. В остальном же Европа, как ты, наверно, догадываешься, находится в состоянии довольно плачевном. Руины итальянских городов производят впечатление настолько тяжелое, что хочется убежать от них подальше; ничто еще не оказывало на меня воздействие столь удручающее. Итальянцы постоянно просят увезти их в Америку (куда перебрались многие их друзья и родственники) или же добиться того, чтобы Италия стала одним из американских штатов. Рим почти совсем не пострадал и прелестен, хотя двоюродная сестра Нины, которую я обещал разыскать, живет в районе, куда угодила бомба; дом напротив нее разрушен до основания, стекла в квартире бедной пожилой женщины выбиты и застеклены либо чем-то непрозрачным, либо не застеклены вообще. На могиле итальянского фашизма собрались, кажется, представители всех национальностей — попробую написать про это в «Нью-Йоркер», быть может, что-то вроде рассказа.

Надеюсь, дела у тебя спорятся. Передай от меня привет Вере и Дмитрию. Подумать только: Чичиков был *выдуман* Гоголем на этой славной маленькой улочке под чистым итальянским небом, так далеко от мира «Мертвых душ». Как твои бабочки и как твой роман?

Всегда твой
ЭУ.

8 Крейджи-сёркл
Кембридж, Масс.
17 июня 1945

Дорогой Кролик,

я уже начал было за тебя беспокоиться, когда получил два твоих милых письма. От миссис Уайт я узнал, что ты в Италии. *Адриатические волны… О Брента!..*[65] И замечательный ответ Ходасевича: *Брента — рыжая речонка,* и т. д. У *Блока* и *Бунина* тоже есть чудесные стихи об Италии.

Италия Италией — но когда ты возвращаешься? Кстати, Николай сейчас тоже в Европе: послан в Германию в чине полковника. *Чудеса.*

Две или три недели назад я пристроил в «Нью-Йоркер» один свой рассказ[66] — и отлично на нем заработал. К сожалению, некий господин по имени Росс[67] принялся его «редактировать», и я написал миссис Уайт, что не могу принять его нелепую и несносную правку (всевозможные вставки, дабы «увязать мысли» и прояснить их «среднему читателю»). Такого у меня еще не было, и я уже собирался расторгнуть договор, когда в журнале вдруг пошли на попятный, и, если не считать одной пустяшной «связки», о которой миссис Уайт попросила меня в качестве личного одолжения, — рассказ остался более или менее нетронутым. Я вовсе не против того, чтобы правили мою грамматику, но дал вполне недвусмысленно понять «Нью-Йоркеру», что dorénavant[68] не потерплю, чтобы мои рассказы «исправляли» и «редактировали». *Я ужасно был зол.* Миссис Уайт написала мне несколько писем, дважды звонила по телефону и в конце концов приехала сюда ко мне (по пути в Мейн). Сейчас все улажено. <…> Я бросил курить и глубоко несчастен. В июле, может статься, поедем в Нью-Гэмпшир. Переписка, которую мы по этому поводу вели, оказалась весьма поучительной. Так, словосочетание «современные удобства» означает, что в доме имеется ватерклозет, но нет ванны. «Христианская клиентура» звучит еще более забавно — и примерно так же заманчиво.

Пиши же, *друже* (это — *звательный падеж* от *друг).*

Вера шлет привет, а Дмитрий — ветрянку.

Твой

В.

8 Крейджи-сёркл
Кембридж
27 сентября 1945

Дорогой Кролик,

очень рады были узнать, что ты de retour[69]. Без тебя было ужасно скучно. Спасибо за приглашение. С удовольствием бы приехали, но сделать это удастся разве что на выходные, в Колумбов день, да и то не наверняка. Было бы замечательно, если б приехал в Бостон ты.

Мне стало известно о твоих домашних делах{68} от всезнающего общего друга после нашей последней встречи в Нью-Йорке (когда мы с тобой говорили о матримониальных проблемах Никки; теперь он — полковник Набоков, пребывает в Германии с культурной миссией). Я надеялся, что все как-нибудь *утрясется,* но из твоего письма делаю вывод, что надеяться не на что. Не знаю, что и сказать, разве что «крайне» расстроен всей этой историей; к тому же с тобой напрямую я об этом не говорил и вынужден был поэтому цедить слова и сопоставлять различные слухи.

Большую часть лета мы провели в Уэллсли. Я бросил курить и чудовищно растолстел. Кинематографическая фирма в Париже приобрела права на мой роман («Камера обскура», она же — «Смех во тьме»). Из двух моих европейских братьев младший{69}, как выяснилось, работает переводчиком в американских войсках в Германии; меня он разыскал, обнаружив в «Нью-Йоркере» мой рассказ. Другой же мой брат{70} брошен был немцами в один из самых страшных концентрационных лагерей (под Гамбургом) и там погиб. Это сообщение потрясло меня до глубины души, ибо я не мог себе представить, чтобы такого, как Сергей, арестовали (за «англосаксонские» симпатии); то был совершенно безвредный, ленивый, восторженный человек, который безо всякого дела курсировал между Латинским кварталом и замком в Австрии, где жил со своим другом.

Делаю я то же самое, что и в прошлом году: препарирую бабочек в Музее и обучаю русскому языку девиц в Уэллсли. Я многое забыл, Чинара. Желание писать порой нестерпимо, но коль скоро я не могу писать по-русски, то не пишу вообще. Чинара — это русский язык, а не женщина.

Мы сдали экзамены на гражданство, и теперь я знаю наизусть

все поправки к Конституции.

Твоя статья о Греции мне очень понравилась, в особенности же — описания природы. Но где, скажи на милость, ты обнаружил там ели? В 1919 году я провел в Греции пару месяцев, охотясь на бабочек в Кефисии и в других местах. Все эти мраморные колонны и статуи, когда они покрашены, выглядят, должно быть; на редкость аляповато. Греция для меня — это маслины, и только.

Что ж, Кролик, очень надеюсь, что скоро увидимся. Пожалуйста, пиши почаще.

В.

---

30 октября 1945

Дорогой Кролик,

прошлой ночью прочел «Крах». Первоклассная, здоровая литература. Очень мне понравилось — равно как и твое стихотворение. Подари мне свою книгу на Рождество и не забудь про дарственную надпись. Отлично написанная вещь; отлично написанная и весьма здравая.

Как поживаешь? В Бостон не собираешься?

Я перевел кое-что из Лермонтова и написал довольно большой кусок романа.

Сколько всего хочется рассказать тебе, показать, обсудить с тобой.

В.

Книга Симонова{71} не лучше и не хуже всего того вздора, который издается в России последние 26 лет (исключение составляют Олеша, Пастернак и Ильф — Петров).

---

24 декабря 1945

Дорогой Кролик,

существуют несколько причин, объясняющих, почему «Гамлет» — даже в жутких, изуродованных сценических версиях

— привлекает и истинного ценителя, и зрителя невзыскательного. 1. Всем нравится, когда на сцене появляется призрак. 2. Короли и королевы также привлекательны. 3. Число и разнообразие смертей в этой пьесе велико, как нигде, а потому a) убийство по ошибке; b) отравление (в пантомиме); c) самоубийство; d) смерть от воды и от лазания по деревьям; e) дуэль; f) снова отравление и прочие прелести за кулисами не могут не доставлять удовольствие. Между прочим, критикам никогда не приходило в голову, что Гамлет ведь убивает короля в середине пьесы; то, что жертвой оказывается не король, а Полоний, не отменяет того факта, что Гамлет с королем разделался. Антология убийств.

Мы все же надеялись, что ты у нас в эти дни появишься. <… > Я в поте лица тружусь над романом (и очень хочу показать тебе пару новых глав). Ненавижу Платона, на дух не переношу Лакедемон и все идеальные государства. Я вешу 195 фунтов.

Душевно твой

В. Набоков.

Спасибо за **восхитительного** Афанасьева!

1946

1 февраля 1946

Дорогой Кролик,

спасибо за твои замечания{72} (хотя я и не понял, что ты имел в виду под моей «американизацией»). Лермонтов в самом деле банален, *мир печали и слез* — пошлость (к тому же тавтология), и коль скоро я к нему достаточно равнодушен, я не стремился улучшить те места, которые вызывают у тебя вопросы. Впрочем, все, на что ты обратил внимание, совершенно справедливо. Кстати, в черновике у меня был конь с черной как смоль гривой.

Десятого числа этого месяца я принимаю участие (вместе с Эрнестом Симмонсом{73} и каким-то драматургом) в радиопередаче про гоголевского «Ревизора» из серии (кажется) «Приглашение к знаниям». Поэтому еду в Нью-Йорк и буду очень рад тебя там увидеть. Приеду 9-го, во второй половине дня. Пока не знаю, где найду un gîte[70]. На две ночи. В понедельник должен вернуться.

Когда увидимся, расскажу о многом; развею туман своей академической карьеры. Мое положение в колледже, где я преподаю, столь шатко, и платят мне так мало, что очень хочется подыскать что-нибудь более надежное и выгодное. Я слышал, например, что вроде бы имеется какая-то вакансия в Принстоне. Мое финансовое положение оптимизма не внушает. Тем более что я не особенно рассчитываю, смогу ли пристроить свой роман (через пару месяцев он будет закончен). Этим я хочу сказать, что на литературные заработки надеяться не приходится. Идиотская популярность, которой, судя по тому, что права оспаривают 14 агентов, пользуются мои книги в Европе, ничего, кроме раздражения, у меня не вызывает, поскольку платят европейцы франками или лирами, да и переводы чудовищны.

Твоя статья о Чайковском превосходна.{74} Но надо было ему и его братцу всыпать за либретто к операм. **И всыпать как следует.**

Надеюсь на скорую встречу.

В.

7 февраля 1946

Еду отсюда одиннадцатичасовым в субботу, поэтому у тебя буду, думаю, в районе 4-х.

Дорогой Кролик,

вижу, что мой нехитрый намек свое действие возымел. Большое спасибо. Я отправил тебе телеграмму, но выяснилось, что сейчас «забастовка» или что-то в этом роде, поэтому телеграмма может опоздать или затеряться.

Видел бы ты *Пиковую даму* в старые времена в Мариинском театре! Костюмы были пошиты по моде начала XVIII века, так что отношение восьмидесятилетней старой графини к версальскому двору и к Марии Антуанетте было по меньшей мере нелепым, а либретто — отвратительным! Примерно в 1912 году, однако, *Музыкальная драма* в эту и некоторые другие оперы внесла ряд изменений. (Помнится, в последней сцене «Кармен» двое английских туристов в ладно скроенных клетчатых пиджаках фотографируют происходящее, а на стене висит настоящий плакат «Corrida de toros»[71].) Буду очень рад скоро с тобой увидеться.

В.

В февральском номере журнала «Эллери Куинн» тебе досталось от какого-то господина.{75}

[*На полях*]

Загадка: превосходный перевод на французский язык песни из пушкинских «Цыган» в либретто Галеви{76} к «Кармен». (Возможно, этот перевод был найден в бумагах Мериме?)

---

16 февраля 1946

Дорогой Кролик,

я по-прежнему в постели, «пребываю в блаженном покое». По возвращении температура у меня была около 102.

Рад был тебя повидать. «Встретить американца всегда приятно, ибо я принадлежу к тем людям, которые полагают, что ни безумие монарха, ни заблуждения министра в давние времена не помешают нашим детям в один прекрасный день стать гражданами огромной страны под флагом, в котором „Юнион Джек“ будет сочетаться со „Звездами и полосами“» («Знатный холостяк»{77}). <…>

Толстый том [Шерлок Холмс. — *А. Л.*] оказался отличным спутником, хотя отредактирован он довольно неряшливо. Например, совершенно очевидно, что «Установление личности» должно предшествовать «Союзу рыжих» (а не следовать за ним, как в этом томе), ведь в нем имеется ссылка на героиню предыдущего рассказа.

В наши дни люди не бледнеют так часто, как они бледнели (и бледнеют до сих пор) в художественной литературе. Когда преступник не отъявленный негодяй, но обвиняется в убийстве, его обыкновенно отправляют в Америку, после чего корабль, как правило, куда-то пропадает вместе со всей командой. Больное сердце пригождается, когда убийцы делают свое дело со вкусом.

Вспоминая различные подробности своего весьма приятного пребывания [в Нью-Йорке. — *А. Л.*], *я* с ужасом сообразил, что в разговоре с Оденом{78} спутал его с Айкеном{79} и расхваливал последнего, используя второе лицо единственного числа. Теперь-то я понимаю, отчего в его глазах промелькнул испуг. Как глупо — такое, впрочем, случалось со мной и раньше.

Спасибо за замечания. Скоро пришлю тебе остальное — но в более или менее окончательном виде, так что опечаток и ляпсусов будет меньше, и действовать тебе на нервы они не будут.

Яйцо и малиновая сумка имели у Дмитрия огромный успех. Мы — все трое — шлем тебе наши приветы.

---

8 Крейджи-сёркл
2 марта 1946

Дорогой Кролик,

спасибо за оперативность. К сожалению, я в ближайшее время не буду в Нью-Йорке, а потому не смогу побывать в Принстоне и встретиться с твоим другом.{80} Разумеется, я приеду *специально,* если ты сочтешь, что из этого что-то получится, Я пребываю в очень скверном настроении, так как постоянного места в Уэллсли

не предвидится, а быть преподавателем с низкой зарплатой мне надоело. В следующем году (мне дали понять, что речь может идти только о **годовой** вакансии) мне предложили 3000 долларов в год за десять часов в неделю — а всего недель 37. Больше же всего меня беспокоит полное отсутствие гарантий.

Все это — между нами; мне бы не хотелось, чтобы об этом знали мои друзья.

Надеюсь весной закончить роман. Один из переводов Лермонтова{81} и стихотворение-кошмар{82}, которые мне вернули в прошлом году из «Нью-Йоркера», должны выйти в «Атлантике», а остальные переводы Лермонтова отправлены в «Русское обозрение»{83}.

До сих пор испытываю приятный трепет, вспоминая тот теплый прием, который ты оказал мне в Нью-Йорке.

Будь здоров.

---

24 марта 1946

Дорогой Кролик,

огромное спасибо за чешуекрылых. Большинство из них принадлежит к Ebriosus ebrius[72], но есть некоторое количество, принадлежащих к семейству vinolentus[73]. По крайности, одна особь представляет собой аутентичную A. luna, неясно увиденную сквозь стакан (джина). Человек, рисовавший этих насекомых, обладал следующими свойствами:

1, Не был энтомологом.

2, Смутно представлял себе тот факт, что чешуекрылые имеют четыре, а не два крыла.

3. Столь же нетвердо был знаком скорее (очень относительно, разумеется) с ночными бабочками (Heterocera), нежели с бабочками (Rhopalocera).

4. Последнее обстоятельство может означать, что одно время он, должно быть, проводил июнь (ибо luna, запавшая ему в память, встречается только в начале лета) в сельском коттедже, в

штате Нью-Йорк; ночи там теплые, темные, томные.

5. Он не был курильщиком, ибо в противном случае пустая коробка из-под сигарет «Риджент», где хранились рисунки, содержала бы в себе несколько крошек табаку — в том случае, если бы он пользовался ее содержимым раньше; в действительности же она просто попалась ему на глаза и он ею воспользовался. [На полях: Логика железная]

6. Не исключаю, что рядом с ним была женщина. Она передала ему ножницы, чтобы вырезать из оберточной сигаретной бумаги экземпляр Vino gravis[74]. Ножницы были маленькие и острые, поскольку была предпринята попытка — впрочем, неудачная — вырезать одну из ночных бабочек на бумажной салфетке.

7. На крышке коробки от сигарет видны едва заметные следы помады.

8. Когда он начал рисовать, он еще не приступил к еде, поскольку первое чешуекрылое (pseudo luna) было нарисовано на бумажной салфетке, когда та была еще сложена.

9. Он не был живописцем, но, может статься, был писателем; впрочем, наличие шариковой ручки ничего еще не доказывает: он вполне мог одолжить ее у находившейся рядом женщины.

10. Все могло начаться с самой обыкновенной завитушки, однако дальнейший процесс носил характер вполне сознательный.

11. В целом изображенные им ночные бабочки напоминают **cherteniat diablotins**[75].

12. У него создалось впечатление, что тельце ночной бабочки — это всего лишь брюшко; он разъял его сверху донизу, что, **возможно,** означает, что желудку он доверяет больше, чем сердцу; он счел бы, что уместно объяснить то или иное свое действие причинами материальными, а не сентиментальными.

13. Беседу поддерживала женщина.

Вот и все, дорогой Ватсон. С нетерпением жду встречи с тобой! Твоя книга{84} вызвала среди моих литературных друзей настоящую «сенсацию». Меня одинаково мало привлекают и «пахучие дыни» Мэрион Блум, и bonnes grosses joues[76] Альбертины; зато я с радостью последую за Родольфом («Avançons! Du courage!»[77]), когда тот ведет Эмму в заросли папоротника к ее лучезарному концу. Я хочу сказать, что только в этом, чисто физиологическом смысле я критиковал prouesses[78] твоего героя.

С любовью.

Твой

B.

Шарж Дэвида Левина

8 Крейджи-сёркл
Кембридж 38, Масс.
Керкленд 24–58
25 мая 1946

Дорогой мой Эдмунд,

Что же это — надеялся, что ты залетишь в Бостон, а тебя все нет да нет… Когда же мы увидимся?

Я кончил роман. Перечитал и частично переписал главы, которые ты видел, еще пара недель уйдет на устранение всего лишнего. На книгу я потратил четыре года и сейчас перевожу дух, а рядом лежит мой розовый и пухлый новорожденный. Я, помнится, говорил тебе, что первую часть (с твоими исключительно полезными замечаниями) мне прислали обратно из «Даблдей». Теперь собираюсь отправить им весь машинописный текст и посмотреть, что они скажут. Не знаю, удалась ли эта вещь, но она во всяком случае честна, то есть соответствует, насколько это в силах человеческих, тому образу, который я в себе вынашивал. Очень надеюсь, что «Даблдей» или кто-то еще купит ее — денег чертовски не хватает: собственно, по этой причине не могу позволить себе отправиться в столь необходимый мне отпуск. Но я рад, что наваждение и бремя исчезли. Это также означает, что теперь я смогу что-нибудь написать для «Нью-Йоркера» (который все это время терпеливо сносил мою бездеятельность). <…>

Как дела? Что происходит? Твоя рецензия на Троцкого{85} мне понравилась, хотя, боюсь, далеко не все знают разницу между «думой» и «Думой». <…>

«Себастьян», благодаря твоим безудержным похвалам, пользуется в Англии успехом.{86} Я открыл новую бабочку среди тех, что были присланы мне из Оксфорда и собраны на Каймановых островах.

Напиши мне.

Всецело твой

В.

---

8 Крейджи-сёркл
Кембридж 38, Масс.
Керкленд 24–58
21 июня 1946

Дорогой Кролик,

мне бы ужасно хотелось посмотреть, как ты подъезжаешь, сидя очень прямо, в допотопном автомобиле. Спасибо за приглашение на Кейп-Код. Отослал роман в «Даблдей». Называется он (предварительно) «Solus Rex» (черный король — один) — термин из шахматной задачи. Спасибо, что подготовил их к шоку. Насколько я помню, ты говорил о романе и с Тейтом

тоже? Вопрос: могу я послать второй экземпляр в «Холт», не дождавшись ответа из «Даблдей»? В литературных кругах это bien vu[79]? Или не принято? Моими книгами занимаются мелкие агенты, и я в подобных вещах мало что смыслю.

Найдя у себя: 1) неизлечимую болезнь сердца, 2) язву, 3) рак пищевода и 4) камни во всем организме, — я лег во вполне приличную клинику на тщательное обследование. Врач (профессор Зигфрид Таннхойзер) счел, что нахожусь я в приличной форме, но страдаю от острого нервного истощения, вызванного сочетанием энтомологии, Уэллсли и романа, и порекомендовал взять двухмесячный отпуск. Поэтому мы сняли коттедж в Нью-Гэмпшире на озере Ньюфаунд и едем туда в середине следующей недели. Уикс заплатил мне аванс.

Настроен я крайне антибритански. Посоветуй Дмитрию какие-нибудь хорошие книжки.

Твой

В.

Лафлин спрашивает, каково будущее «Трех русских поэтов»? Он, вероятно, распродал тираж, да и срок, который я ему назначил, подошел к концу. Каковы планы относительно нашей книги в «Даблдей»? Я сделаю, как ты скажешь. Если до выхода нашего тома в «Даблдей» есть еще полтора-два года, Лафлин может захотеть переиздать «Трех поэтов».

---

8 Крейджи-сёркл
Кембридж 38, Масс.
Керкленд, 24–58
18 июля 1946

Дорогой Кролик,

«прихожу в себя» (от того, что было, по существу, нервным срывом) в Нью-Гэмпшире. Место чудовищное (шоссе, лавочники, bourgeois en goguette[80], объявления вроде: «Нееврейская клиентура» — в одном из таких местечек я устроил скандал), но мы заплатили вперед и уехать до 18 августа все равно не можем. Из Нью-Гэмпшира на месяц отправимся в Уэллсли.

«Даблдей» еще не ответил. Не думаю, чтобы им пригодился мой роман, и, как только они пришлют обратно рукопись, я перешлю ее тебе, а второй экземпляр — «Холту».

Как всегда, очень хочу тебя видеть.

Твой В.

---

13 сентября 1946

Дорогой Кролик,

спасибо за твое милое письмецо. Я снова вполне здоров — здоровее некуда. Чуть не забыл: если тебя будут обвинять в сочинении аморальных книг, пожалуйста, сошлись на следующие издания:

«Интерлюдия на острове». «Ридерз Дайджест», сентябрь 1946, глава 25, с. 123.

«Там, где дуют сильные ветры». «Интернешнл дайджест», сентябрь 1946, глава 3, с. 95.

Вот где настоящая непристойность. Пусть твои адвокаты предъявят эти книги в суде. В «Интерлюдии» рассказывается про моряков, которые разглядывают в телескоп принимающих душ медсестер; весь смысл истории — в родинке на правой ягодице одной из девиц. «Сильные ветры» — в основном про то, как совокупляются эскимосы (см. с. 106–107), а их дети «воспроизводят действия родителей, которые хихикают, радуясь способностям своих отпрысков». На 108-й странице иллюстрация: двое малышей пытаются совокупляться, а их родители «хихикают». Подобные «дайджесты» с удовольствием читают во всех школах. Быть может, эти два примера тебе пригодятся.

Очень хочу тебя видеть. Я — в Музее с 9 до 12 утра в понедельник, среду и пятницу. Было бы замечательно, если б ты приехал во вторник, или в четверг, или в субботу.

Лафлин хочет переиздать моих «Трех поэтов», но заодно — обеспечить себе «гарантии» на пять лет. Я их ему предоставлю, если ты уверен, что нам не понадобится этот материал для нашей книги в «Даблдей» до 1951 года. Поскольку Лафлин вскоре собирается в Европу, не мог бы ты черкнуть мне по этому поводу пару строк?

Я написал в «Даблдей» (Бредбери), чтобы они поторопились: мой роман они читают с мая, должны были выучить его наизусть. Всей рукописи ты еще не видел, а мне очень хочется, чтобы ты ее прочел. На днях был в Нью-Йорке и видел Романа [Якобсона. — *А. Л.*]; мы загорали у него на крыше, а потом я играл в шахматы с Яновским{87}.

Перечитываю Толстого и Достоевского. Последний —

третьестепенный автор, и слава его для меня непостижима.

Крепко жму твою руку.

В.

Между 13 и 30 сентября 1946

Дорогой Кролик,

вчера меня посетил Маккормик{88}. Романы о «диктаторах», сказал он, сегодня не востребованы. Читатель предпочитает «эскапистскую» литературу, а стало быть, мой роман «не ко времени». Тем не менее его интересовало, не хочу ли я подписать контракт, такой же, как у некоего Стоуна (определенная сумма в год, на которую писатель живет, пока пишет). Ты ведь знаешь, как я устал от тяжкого и неблагодарного преподавательского труда, а вернее, от неспособности совмещать преподавание с сочинительством. Поэтому я сказал, что принять такое предложение буду рад. Он спросил, сколько я получаю в Уэллсли (3000), и я ответил (3000). Поскольку расстаться с Уэллсли означает расстаться со всеми надеждами получить звание «ассоциативного» профессора и пр., сумма, которую я запрошу, будет, разумеется, несколько больше. Мы заговорили о возможном переиздании «Книги бабочек» Холланда, которую они в свое время выпустили (последнее издание 1931 года). Маккормик спросил, что я пишу или собираюсь писать, но я затруднился объяснить ему tout de go[81], что собой представляет новый роман, который я задумал, и написал ему об этом только сегодня, да и то в общих чертах.

Повторюсь, очень буду рад, если дело с контрактом сложится, но ничуть не меньше мне хочется как можно скорее опубликовать мой роман про Круга. Как ты считаешь, из этого что-нибудь получится?

Еще одно. Тейт{89}, которому я показал рукопись в частном порядке (дав понять, что не передаю ее в его издательство «Холт»), шлет мне письма и телеграммы с просьбой приехать в Нью-Йорк (за его счет). Я ему отвечаю, что, пока «Даблдей» не даст ответ, ничего сделать не смогу.

Мы с Маккормиком договорились, что первого октября, во вторник, он увидится на совещании со «своими директорами», и тогда они примут решение с учетом того, что я их план одобряю.

Пожалуйста, напиши мне. Уверен, ты и на этот раз, как

всегда, мне помог, но без твоего совета мне все равно не обойтись.

Твой В.

Очень хочется узнать поподробнее про твой «процесс». Материалом, который я тебе предложил, защита сможет воспользоваться? Все эти «дайджесты», «подмигивания», «подглядывания» и т. д. — вот кого надо судить! «Округ Гекаты», напротив, чист, как глыба льда в операционной.

---

8 Крейджи-сёркл
Кембридж 38, Масс.
Керкленд 24–58
1 октября 1946

Дорогой Кролик,

не знаю, где ты. Чем кончился нью-йоркский процесс? Я был в Нью-Йорке незадолго до тебя (свидетель — Тейт). Мой роман достанется тому, кто предложит большую цену, — «Холту».

Наконец-то я сравнил «Чумной город» Уилсона с *Пиром во время чумы.* Последний является на удивление точным переводом первого, за исключением двух песен, которые не имеют с уилсоновскими ничего общего (и у Пушкина гораздо лучше). Мой собственный перевод *Пира* на английский во многом, увы, близок к уилсоновскому оригиналу, но в целом его превосходит.

Будь добр, черкни мне записку.

Твой В.

«Холт» дает аванс 2000. «Даблдей» предлагает только 1000. В «Холте» книга понравилась, «Даблдей» остался к ней равнодушен.

Минден-инн
Минден, Невада
17 ноября 1946

Дорогой Володя,

ужасно был рад, когда узнал про твою книгу. А они готовы

субсидировать тебя, пока ты пишешь следующую?

Я снял номер в маленькой, но отличной сельской гостинице, где веду тихую, деятельную и здоровую жизнь. Читаю ранние книги Мальро{90} и прихожу к выводу, что он, вероятно, крупнейший современный писатель. Тебе когда-нибудь приходилось читать «La Condition Humaine»[82]? Интересно было бы узнать твое мнение.

Я здесь женюсь, потом на несколько дней поеду в Сан-Франциско, а потом отправлюсь обратно на восток. Из Невады я уезжаю 10 декабря, а в Нью-Йорк приезжаю 18-го. Рождество и остаток зимы проведу в Уэллфлите. Очень надеюсь, что вы нас навестите. Женюсь я на девушке по имени Елена Торнтон{91} (в девичестве — Мамм), она дочь винодела, производителя шампанского. Ее мать русская, фамилия ее матери Струве. Она дружит с Ниной и Николаем, и ты, может быть, про нее от них слышал. Все складывается так замечательно, что боюсь, как бы не стряслось что-нибудь ужасное — землетрясение в Сан-Франциско, например.

Мое дело слушалось в начале ноября, и решение будет вынесено 27-го. Напиши мне сюда. Ужасно хочется дочитать твой роман до конца. Привет Вере.

Всегда твой

Эдмунд У.

---

27 ноября 1946

Дорогой Кролик,

ужасно был рад твоему письму из Невады. Мы с Верой желаем тебе и твоей жене mnogo samovo luchezarnovo shchast'ia Надеемся в самом скором времени увидеть вас обоих.

Мой роман — его окончательное название «Под знаком незаконнорожденных» — отправлен в печать. Второй экземпляр рукописи более или менее расчленен (кое-что, думаю, будет опубликовано в журналах), поэтому я по-прежнему не могу прислать тебе роман целиком. Что-то мне подсказывает, что было бы лучше всего, если бы ты судил о романе только по его окончательной — если не по изданной, то хотя бы по корректурной — версии, тем более что первые главы я существенно изменил. Так что можешь считать, что романа ты еще не видел. Хочу, чтобы он попал к тебе целиком и стал

настоящим сюрпризом — своего рода свадебным подарком.

Et maintenant — en garde[83]. Отказываюсь понимать, отчего тебе нравятся книги Мальро. Или это шутка? Или литературный вкус — вещь столь субъективная, что два разумных человека расходятся по столь ничтожному поводу? Твой Мальро — самый обыкновенный третьеразрядный писатель (но хороший, добрый, очень приличный человек). J'ai dressé[84] небольшой список вопросов (относительно «La Condition Humaine»), на которые жду от тебя ответа.

1. Что это за прелюбопытные couvertures, в которые enveloppés femmes, enfants et vieillards[85]? Боже, что за сочетание! Сочетание, повторяющееся в десятитысячный раз! И где, чёрт возьми, автор видел, чтобы чихали на морозе?

2. Что прикажешь понимать под grand silence de la nuit chinoise (попробуй заменить: de la nuit américaine, de la nuit belge[86] и т. д., и посмотри, что получится, и, пожалуйста, не забудь, что Китай состоит из огромного числа биотически разных областей). С детства помню поразившую меня надпись золотыми буквами: Compagnie Internationale des Wagons-Lits et des Grands Express Européens. Так вот творчество Мальро принадлежит к Compagnie Internationale des Grands Clichés[87].

3. Разве сверчки (проклятый Богом сверчок — приевшаяся примета местного колорита), éveillé[88] из-за прихода одного из действующих лиц (с. 20), а также комары (с. 348), могут появиться ранней весной в Шанхае? Очень сомневаюсь.

4. Ты никогда не замечал, как плохие писатели силятся придать индивидуальность своим (безнадежно аморфным) персонажам, наделяя их каким-нибудь речевым трюком (подобно тому, как Голсуорси, или Хью Уолпол{92}, или какой-нибудь еще английский *середняк* снабжали кого-то из своих героев собакой и **вынуждены были** потом **всякий раз,** когда герой появлялся, на эту собаку *ссылаться)? Никогда не поверю, что ты в* состоянии вынести постоянно встречающиеся bong Тчена, 'bsolument Катова и прочие soi disant[89] особенности речи, от которых меня передергивает (все они весьма типичны для автора, который, подобно Мальро, начисто лишен чувства юмора). Этим приемом широко пользуются русские (советские) писатели в трогательном стремлении придать некоторую оригинальность или привлекательную черту тупо сдержанным, волевым, бескомпромиссным коммунистам, которых они изображают; то же самое делают и авторы детективов со своими сыщиками.

5. Какого рожна дал он своему русскому bonhomme[90] фамилию, кончающуюся на «в» и производную — чего он, разумеется, не знал (я называю это la vengeance du Verbe[91]) — от

старого русского слова «кат», которое означает «палач»? Быть может, он позаимствовал «Schatow» из немецкого перевода (или из французского перевода, воспользовавшегося немецкой транслитерацией) романа Достоевского и заменил первые согласные на «к» от Каляева{93}. La vengeance pure du Verbe bafouillé[92].

6. Что следует понимать (с расовой, политической, визуальной, любой другой точки зрения) под Russe du Caucase[93] (с. 101), каковой является чрезвычайно несносная любовница французского капиталиста-индивидуалиста, почерпнутого у Лоти и Декобра? И как тебе нравится «beau visage d'Américain un peu (скажем, процента на три) Sioux»[94]?

7. Фраза «quand j'étais encore socialiste-révolutionnaire»[95], оброненная между делом коммунистом Катовым (как сказала бы лягушка: когда я была еще головастиком), разумеется, напрочь лишена смысла и филогенетически, и онтогенетически, но, вероятно, понадобилась, чтобы попытаться объяснить его склонность к террористической деятельности.

8. Неужели ты и в самом деле отказываешься признать, что «La Condition Humaine» (равно как и его же «Temps du Mépris»[96]) — это сплошное нагромождение штампов? Проанализируй тривиальность таких предложений, как «jamais il n'eut cru» и т. д. (с. 202) или «il fallait revenir parmi les hommes»[97] и бессчетное число прочих пошлостей (веера однотипных, невнятных пошлостей в современном стиле вроде simplicité héroïque — qu'il mourut[98].)

9. A chevo stoiat odni eti zagolovki: Minuit, Trois Heures du Matin[99] и т. д.!

10. Ты читал Пильняка, Лидина, Всеволода Иванова и других потомков Савинкова и Андреева, то есть писателей первого советского десятилетия, которые любили переносить действие в Китай и делали это куда лучше?

11. Ты не пробовал расспросить культурного китайца о чудовищных ошибках в «La Condition Humaine»? Конечно же, хуже всего — (ложный) упор на (точный) местный колорит. Умирающий англичанин вспоминает меловые скалы Дувра. Верно, он может про них вспомнить, но станет ли?

Вот к чему сводится моя позиция. Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что значимо в литературе только одно: (более или менее иррациональное) shamanstvo книги; хороший писатель — это в первую очередь шаман, волшебник.

При этом не следует вытаскивать из рукава одни и те же вещи, как это делает Мальро.

Krepko zhmu tvoiu ruku, drug moi.

Tvoi
V.

Минден-инн
Минден, Невада
1 декабря 1946

Дорогой Володя,

я знал, что ты останешься недоволен, но Мальро мне действительно нравится. Некоторые твои оценки «La Condition Humaine» кажутся мне несправедливыми, прочие — малозначительными. Что до колдовства, то Мальро околдовал меня с тех самых пор, как я прочел «Les Conquérants»[100] (хотя к «Les Temps du Mépris» я равнодушен). «La Condition Humaine» представляется мне романом, который очень точно выразил боль и чувства своего времени; первый же выпуск «La Lutte avec l'Ange»[101], роман, написанный во время войны, — произведение еще более примечательное. (Должен признать, что чувства юмора у него нет: в «La Voie Royale»[102], хотя книга эта увлекательна, имеются непроизвольно смешные места.) Мальро, вне всяких сомнений, — единственный по-настоящему значительный писатель, появившийся во Франции со времен Пруста. Неточности, штампы и шероховатости сами по себе творчества писателя не обесценивают. Кроме того, мы с тобой полностью расходимся не только относительно Мальро, но также относительно Достоевского, греческого театра, Ленина, Фрейда и еще очень многого, в чем, уверен, никогда не сойдемся. А потому не лучше ли заняться более продуктивной дискуссией, касающейся Пушкина, Флобера, Пруста, Джойса и др.? Кстати, твоя любовь к «Южному ветру»{94} — отличный, с моей точки зрения, пример того, как человек, разбирающийся в литературе, жертвует своим вкусом в угоду ядовитому юмору, который вовсе не обязательно является показателем первоклассного дарования.

Знаешь ли ты Силоне{95}? Я и его тоже здесь читаю — то, что не читал раньше. Он и Мальро принадлежат, мне кажется, к политико-социально-моральной, полумарксистской литературной школе, наиболее крупной со времен аналитического психологического романа. Впрочем, взгляды у них диаметрально противоположные. Силоне тебе должен понравиться больше — хотя писатель он менее значительный, чем Мальро.

Очень хочется поскорей увидеть твою книгу. Пусть отправят мне корректуру. «Воспоминания об округе Геката» были осуждены двумя голосами против одного. «Даблдей» собирается подать апелляцию. Инакомыслящий судья написал очень разумный вердикт; остальные двое — что довольно необычно — проголосовали «виновен» без объяснения причин. Все это крайне неприятно, да и накладно.

Жизнь я веду тихую, довольно приятную и искупительную. Места здесь своеобразные и пустынные — не столько романтические, сколько доисторические; кажется, будто кругом бродят привидения. На днях выиграл в рулетку кое-какие деньги, но потом все спустил. Впрочем, азартные игры — слабость великих русских писателей, мне недоступная. Как колдун-любитель я более или менее понимаю, как следует вращать рулетку и как играть в кости и в vingt-et-un[103] (Блэк-Джек), чтобы не остаться в накладе. Хорошенькие девицы в здешних игорных домах здорово поднаторели в этом искусстве — не успеваешь следить за их пальчиками; такая сноровка требует многомесячной подготовки. Специально хожу смотреть, как они работают.

Очень уже хочется вернуться в Уэллфлит; надеюсь, вы нас навестите. <…>

Всегда твой

ЭУ.

1947

№ 25 Уэст 43-я стрит
9 января 1947

Дорогой Владимир,

Рождество мы провели на Кейпе [на Кейп-Код. — *А. Л.*], сейчас приехали на несколько дней в Нью-Йорк, а завтра возвращаемся в Уэллфлит, где пробудем до конца зимы. Когда обоснуемся, вы, очень надеюсь, сможете к нам приехать. У нас сейчас живут Нина и Розалинда{96}.

На днях, на русской рождественской вечеринке, я познакомился с твоим кембриджским соседом по комнате К.{97}, жена у него, насколько я знаю, испанка. Он сказал, что хотел бы с тобой встретиться. Я попытался выспросить его про твою жизнь в Кембридже, но он сказал лишь, что ты был чудной малый и поразил его сочинением английских стихов.

Насчет Генри Джеймса. Он может, как утверждает Эзра Паунд, не произвести вообще никакого впечатления, если начать с его худших вещей. Зато если прочел все самое лучшее и понял, как развивалось его литературное дарование, почти все, что он написал, становится интересным. Почти все его длинные романы быстро устаревают, а вот вещи покороче более удачны. Обязательно прочти том, куда вошли «Что знала Мейзи», «В кафе» и «Ученик». Эти повести — мои любимые.

Аллен Тейт в восторге от твоего романа. Очень хочу прочесть его в корректуре. Но зачем, скажи на милость, было подписывать с ними контракт, в котором не оговаривается аванс на твою следующую книгу? Этого никогда нельзя делать.

Всегда твой
ЭУ

---

25 января 1947

Дорогой Кролик,

nakonetz-to посылаю тебе свой роман. «Авторский экземпляр» уже отправлен в типографию. Из него я перенес только основную правку. Поэтому пусть тебя не смущают отсутствие запятых перед

придаточными предложениями и прочие мелочи. Если же тебе попадутся вещи и в самом деле вопиющие, пожалуйста, prishcholkni ikh. Хотя первые главы ты уже видел, начни, если можно, читать сначала: кое-что я изменил к лучшему и, кстати, поместил в текст великолепную луну. Нечего и говорить, что твое мнение о «Незаконнорожденных»… no, vprochem, ty vsio znaesh sam. Надеюсь, что вскоре мы с тобой полностью перейдем на русский язык.

Твоя очередная попытка покопаться в моем прошлом очень забавна, особенно потому, что мое прошлое ты воссоздаешь примерно так же, как я воссоздаю прошлое Себастьяна. Человек по имени К. был — и, вероятно, остался — типичным русским фашистом старой школы, chernosotentzem i durakom. Моим соседом по комнате К. был, слава богу, всего один семестр, ибо в конце учебного года он провалил экзамены за первый курс и вынужден был Кембридж покинуть. Себя он считал человеком необычайно начитанным, но в действительности прочел в своей жизни лишь две книги: «Sionskie Protokoly» и «L'homme qui assassina»[104] Фаррера{98}. В дальнейшем к этому списку прибавился еще «Остров Сан-Мишель». Мы делили с ним довольно убогую гостиную, и он, бывало, швырялся в меня вещами или, когда я пытался читать, гасил огонь в камине. Его экзаменационная работа была посвящена демократии и начиналась со слов, мгновенно решивших его судьбу. Первое предложение было: «Демократия — латинское слово». Ко всему прочему, это был совершенно непереносимый сноб, при этом женщины считали его остроумным и весьма привлекательным. Не говори об этом Нине Чавчавадзе, она уверена, что мы с ним были закадычными друзьями. Мы и в самом деле часто играли в теннис, и в начале 20-х я чуть было не женился на его кузине — но и только.

Хочу задать тебе вопрос в связи с рецензиями для «Нью-Йоркера». Вопрос это деликатный, ибо меньше всего мне бы хотелось заступать на твою территорию. Если ты опять все возьмешь в свои руки, это будет, конечно же, превосходно. Но если между уилсоновскими текстами и впредь останутся просветы, не мог бы я их заполнить своими рецензиями, как по-твоему? Ты бы не мог nashchupat' pochvu в «Нью-Йоркере», или же мне самому написать об этом миссис Уайт? Ответь мне со всей откровенностью, что ты думаешь об этой моей довольно вздорной идее — должен же я что-то предпринять для улучшения своего финансового положения! Осенью я отказываюсь от кураторства в Музее — уж очень мешает он моей литературной работе. С Вериной помощью я переписал около тридцати лекций по русской

литературе и дважды в неделю читаю их в Уэллсли. Я рассчитывал, что теперь, когда Кросс умер, у меня появится шанс попасть на отделение славистики в Гарвард. Но, по всей вероятности, я не тот человек, который им нужен. Ничего не вышло и из затеи устроиться на русское радио. Добрый старый Ника получил место, которое было обещано мне…

Что ж, теперь самое время сесть поудобнее и приступить к чтению «Под знаком незаконнорожденных». Мы оба очень бы хотели вас видеть, но, к сожалению, сейчас покинуть Кембридж не можем. Не исключено, что окажусь в Нью-Йорке весной.

Над чем ты сейчас работаешь? Я прочел (а верней, перечел) «Что знала Мейзи». Чудовищно. Возможно, есть **какой-то другой** Генри Джеймс, и я постоянно берусь не за того, кого надо?

В.

Шарж Дэвида Левина

Уэллфлит, Масс.
30 января 1947

Дорогой Владимир,

роман «Под знаком незаконнорожденных» меня несколько разочаровал. Сомнения возникли у меня, еще когда я читал первые главы, которые ты мне показывал, и я выскажу тебе свое мнение, каким бы несправедливым оно тебе ни казалось. Есть на этот счет и другая точка зрения: я знаю, например, что Аллену Тейту твой роман понравился необычайно; он говорил мне, что считает его великой книгой. На мой же взгляд, хотя в романе есть что похвалить: превосходный слог, тонкая ирония, — к твоим лучшим вещам его отнести нельзя. Прежде всего, мне кажется, у него тот же недостаток, что и у твоей пьесы про диктатора. Политика, социальные преобразования — это не твои темы, они тебе не даются по той простой причине, что тебя все эти вопросы совершенно не интересуют, ты никогда не брал на себя труд понять их. Для тебя такой диктатор, как Жаба, — это попросту вульгарное и гнусное существо, которое угрожает серьезным и значительным людям вроде Круга. Ты совершенно себе не представляешь, почему и каким образом Жабе удалось взять власть и что такое его революция. В результате — написанная тобой картина оказывается довольно невнятной. Только не говори мне, что истинный художник не должен иметь с политикой ничего общего. Художник может не принимать политику всерьез, но если уж он обращается к подобным темам, то обязан знать, что они собой представляют. Никто так не сосредоточен на чистом искусстве, так не погружен в него, как Уолтер Пейтер{99}, чью книгу «Гастон де Лятур» я сейчас дочитываю. Но я со всей ответственностью заявляю, что он гораздо глубже проник в суть непримиримой борьбы между католиками и протестантами в XVI веке, чем ты — в конфликты века XX.

Мне также кажется, что тебе не слишком удалась вымышленная страна. Твоя сила — в наблюдательности, умении запечатлеть реально происходящее; объединив же германское и славянское, ты создал нечто, от реальности очень далекое — тем более когда сопоставляешь придуманную тобой страну с жуткой современной реальностью. В сравнении с нацистской Германией и сталинской Россией испытания твоего несчастного профессора выглядят отталкивающим бурлеском. Уже в первых главах Круг не показался мне слишком убедительным, я остался равнодушен к судьбе его жены и сына. Но я-то надеялся, что ты в конечном счете вывернешь его наизнанку, все переиначишь и покажешь, что

наши представления о несправедливости и трагедии носят характер чисто субъективный — что-нибудь в этом роде. (Жаль, что ты отказался от мысли столкнуть лицом к лицу героя и его создателя.) В результате же у тебя получилось сатирическое описание событий, столь ужасных, что сатира к ним не применима, — ведь для того, чтобы что-то высмеять, нужно изобразить предмет хуже, чем он есть на самом деле.

И еще одно. «Незаконнорожденные» (за исключением той пьесы) — единственная твоя вещь, которая, по-моему, затянута. Действие лишено пушкинской легкости, которая всегда восхищала меня в твоих книгах. Я понимаю, что здесь ты стремишься к более густой прозе, чем, например, в «Себастьяне Найте», и некоторые места написаны превосходно, но иногда — только не посылай мне бомбу замедленного действия — «Незаконнорожденные» напоминают мне Томаса Манна.

Надо сказать, что по сравнению с рукописью, которую я видел, последний вариант существенно выигрывает. Надеюсь перечитать «Незаконнорожденных», когда получу книгу, и, может статься, оценю то, чего не оценил раньше. Кстати, я теперь вижу, что был неправ, поменяв в корректуре род derrière[105] — для меня почему-то это слово всегда женского рода. Одну вещь я, кажется, забыл поправить: девица говорит, что у Мака «a regular sense of humor»[106]. Так сказать нельзя. Она должна либо сказать: «He had a wonderful sense of humor» или «He was a regular card»[107]. Думаю, слово «regular» здесь вообще не годится.

Насчет «Нью-Йоркера». Я с ними договорюсь. Говорить надо с Уильямом Шоном, а не с миссис Уайт. Ты должен написать ему письмо, а я с ним созвонюсь. Думаю, мысль хорошая. В настоящее время мы с Гамильтоном Бассо{100} пишем в журнал по очереди по одной рецензии в месяц, но я им задолжал несколько рецензий за прошлый год, поэтому пока ситуация останется прежней.

А что, радиопередачи ведет Николай? Я и не знал, что он уже вернулся из Европы.

Прежде чем поставить крест на Генри Джеймсе, попробуй прочесть его длинный роман «Княгиня Казамассима» и первый том его автобиографии «Маленький мальчик и другие». Эти вещи представляют две разновидности его творчества, с которыми ты, возможно, еще не познакомился.

Мы живем здесь, в Уэллфлите. Дни проходят довольно однообразно, но мы тихо трудимся во благо человечества. Нина останется у нас, пока Пол не вернется из Китая. В Нью-Йорке мы едва ли окажемся раньше конца марта. Я по-прежнему работаю над книгой о своем путешествии в Европу. К тому времени, когда она выйдет (следующей осенью), она безбожно устареет.

Да, с Лафлином я порвал окончательно. Давным-давно он попросил меня об одной услуге, я послал ему письмо, где написал, что я думаю о том, как он ведет дела. Сколько времени, например, он никак не выпустит книгу твоих рассказов! Попробуй передать ее в «Холт».

Будь добр, не пиши в своих письмах русские слова латинскими буквами — мне так гораздо труднее их разобрать и приходится, чтобы понять, что ты хочешь сказать, мысленно переводить их в кириллицу.

Привет Вере. Надеюсь, ты простишь меня за то, что профессор Круг понравился мне меньше других твоих героев.

Всегда твой

ЭУ.

---

9 февраля 1947

Дорогой Кролик,

spasibo za pismo i zamechania — прости, я-то думал, что, вписывая эти русские слова, даю тебе скромные, неформальные уроки русского языка, но, по всей видимости, метод мой оказался плох.

Идея L'égorgerai-je ou non[108] («Быть или не быть») — это, конечно же, хорошо известная гипотеза о том, что первые слова монолога Гамлета на самом деле означают: «Быть убийству короля или не быть?» <…>

Я, со своей стороны, тоже сомневался, что тебе понравится атмосфера моей книги, — особенно после того, как ты расхвалил Мальро. В исторических и политических вопросах ты придерживаешься определенной линии, которую считаешь непогрешимой. Это означает, что нам с тобой предстоит еще много увлекательных стычек, и ни тот ни другой не уступит ни пяди.

Сейчас пишу еще одну книгу, которая, надеюсь, понравится тебе больше.

Мы с Верой шлем тебе совместный привет.

Твой

В.

Благодарю за ценную правку.

7 апреля 1947

Дорогой Кролик,

тысячу лет ничего от тебя не получал. Как живешь? До тебя дошло мое русское стихотворение? Роман недавно у нас побывал и высоко его оценил. Прилетел он на выходные с моим другом Георгием Гессеном{101}, и мы чудесно провели время — и провели бы еще чудеснее, будь с нами ты.

Мой роман должен появиться в начале июня. Когда-нибудь ты его перечитаешь. Из издательства мне прислали совершенно абсурдную аннотацию на обложку, и после обмена телеграммами Тейт ее переписал. Он вообще все это время был чрезвычайно мил. В своем лекционном курсе, который я читаю в Уэллсли, я добрался до Толстого; повторится этот курс и на следующий год, а между тем положение мое по-прежнему шатко, зарплата мизерная, надеяться же на то, что «Под знаком незаконнорожденных» принесет деньги, не приходится. Пишу сейчас две вещи. 1. Короткий роман о человеке, которому нравились маленькие девочки; называться он будет «Королевство у моря»{102}. 2. Автобиографию нового типа — научная попытка распутать запутанный клубок человеческой личности; назвать ее собираюсь «The Person in Question»[109].

Я закончил свою основную энтомологическую работу{103}, и на год-другой с бабочками расстанусь. Этим летом, если нам будет сопутствовать удача, собираемся поехать в Колорадо или куда-нибудь еще. В этом году Дмитрий отлично успевает в школе, получает прекрасные отзывы, и мы надеемся, что он попадет в хорошую закрытую школу. Росту в нем шесть футов. Как выясняется, любители французской литературы не любят автора bong и 'bsolument. Перечитал твою «Рану и лук», книга о Хемингуэе превосходна — за вычетом тех мест, где ты объясняешь взлеты и падения в его творчестве взлетами и падениями на книжном рынке. Прочел также «Взгляни на дом свой, Ангел» — роман, к которому я всегда боялся подступиться. И как же я был прав! Время от времени встречаются блестящие места, однако в целом книга очень плоха. Перечел «Американскую трагедию» — без комментариев.

Весна несется на роликовых коньках. Когда же мы увидим вас обоих?

Всегда твой

В.

№ 25 Уэст 43-я стрит
18 июля 1947

Дорогой Владимир,

вот какая мысль пришла мне в голову относительно нашего совместного русского проекта. Я договорился с «Оксфорд-пресс», что они переиздадут два моих старых сборника критических статей и один новый, и некто Водрин из этого издательства, который читает по-русски и кое-что знает о России, сказал мне, что уже давно хочет уговорить тебя издать у них переводы стихов Блока. Я бы, со своей стороны, с удовольствием отказался от участия в нашей с тобой русской книге: сейчас про Россию и без того много чего выходит, к тому же мне хочется заняться американской литературой — теми авторами, которые до сих пор еще толком не исследованы. Вот почему я задал «Оксфорд-пресс» вопрос: не согласились бы они вернуть издательству «Даблдей» тот аванс, который издательство выдало нам, и подписать с нами два новых контракта. Со мной — на сборник эссе, куда вошли бы мои статьи из «Атлантика», а с тобой — на книгу, которую мы должны были сделать вместе, а теперь сделаешь ты один, — на сборник русской поэзии в переводе на английский со вступлением и, возможно, примечаниями. Водрин с радостью за эту идею ухватился, «Даблдей» же вынужден был согласиться. Весь вопрос в том, готов ли ты за такую книгу взяться. Я дал Водрину понять, что мы оба рассчитываем на аванс помимо тех 750 долларов, которые получены за наш совместный проект. Пожалуйста, дай мне знать (пиши в Уэллфлит), что ты обо все этом думаешь.

Наша большая и сложная семья устроилась в Уэллфлите как нельзя лучше. Все, кроме меня, играют в шахматы как безумные, и на днях сын Елены обыграл местного чемпиона — за шахматной доской они просидели несколько часов и даже опоздали на ужин. Теперь оба мечтают сразиться с тобой — о твоем мастерстве они наслышаны от Розалинды.

Очень надеюсь, что колорадские бабочки тебя не разочаровали. Джеффри Хеллман{104} из «Нью-Йоркера», любитель чешуекрылых, приехал этим летом на Кейп-Код, но остался, как и ты, недоволен.

Привет Вере и Дмитрию.
ЭУ.

Коламбайн Лодж
Национальный парк в Роки-маунтен
Истс-парк, Колорадо
24 июля 1947

Дорогой Кролик,

мне очень жаль, что рвется наша сиамская связь, но в остальном твой план более чем приемлем, и я очень тебе благодарен, что для меня все так удачно устроилось.

Кое-какие переводы у меня уже готовы. Скажи, какой планируется объем сборника — 80 страниц, 100 страниц? Чем меньше, тем лучше. И когда, ты думаешь, я мог бы получить новый аванс? Чем скорей, тем лучше — я в данный момент (как обычно, летом) сижу на мели.

Занят я здесь в основном тем, что с огромной радостью, хоть и в поте лица, ловлю бабочек. Живем мы в очень уютном, отдельно стоящем домишке. Здешняя природа выше всяких похвал, какая-то часть моего естества, должно быть, родилась в Колорадо, ибо я с радостным сердцебиением постоянно узнаю многое из того, что меня окружает. В своем интересном списке{105} (речь идет о книге Мучник) ты забыл про Олешу.

Будешь ли в Нью-Йорке в начале сентября? На обратном пути мы остановимся там дня на три-четыре.

С удовольствием сражусь в шахматы с твоей семьей!

Всегда твой
Владимир.

1948

Уэллфлит, Масс.
7 апреля 1948

Дорогой Володя,

твои переводы в этой небольшой английской книжке чертовски хороши — хотя последняя строчка в *Белеет парус одинокий* — наглядный пример того, что овладеть английским сослагательным наклонением ты не в состоянии.

Сартр только что выпустил книгу под названием «Situations»[110], где есть небольшой очерк про тебя{106}, про «La Méprise»[111]. Он тебе не попадался? Кстати, Кэтрин Уайт говорит, что она рекомендовала тебя в Корнелл, когда Морис Бишоп сообщил ей, что у них открылась вакансия.

Не забудь, что ты к нам приезжаешь.

И привет Вере.

ЭУ.

---

10 апреля 1948

Дорогой Кролик,

две недели провалялся в постели с тяжелым бронхитом. Из-за огромной работы, которую мне предстоит проделать в Музее перед отъездом из Кембриджа, болезнь оказалась очень некстати. Кроме того, куча дел, которая свалится на меня теперь, не даст нам, боюсь, возможности приехать на Кейп-Код. Нашу встречу преследует нечто вроде fatalité[112] — нам так хотелось повидать вас всех, и вот теперь наш визит откладывается уже в третий или в четвертый раз.

Твое скабрезное стихотворение я прочел с удовольствием. Что-то, по-моему, не то во французском сочетании sera d**u**? genre humain — в таком виде оно, боюсь, лишено всякого смысла.

Was в последней строчке «Паруса»{107} [«Белеет парус одинокий». — *А. Л.*] не случайно: в there were я ощущаю какую-то какофонию, невнятицу.

Прочел «Мартовские иды» [Уайлдера. — *А. Л.*] — по-своему довольно забавно, в целом же крайне неубедительно. Роман

слишком легковесен, к тому же в Англии такого было уже много. У Мориса Бэринга{108} получалось это ничуть не хуже. В последнем номере «Нью-Йоркера» Коннолли написал какую-то чудовищную фрейдистскую чушь про «отцов-писателей».{109}

Привет от нас вам обоим.

В.

Рентгеновские снимки моих легких составили целую картинную галерею, а на следующей неделе мне предстоит леденящая душу операция, именуемая бронхоскопией. *Не было печали, так черти накачали.*

Уэллфлит, Масс.
20 июля 1948

Дорогой Володя,

пишу рецензию на книгу воспоминаний свояченицы Толстого{110} и хочу перевести отрывки из толстовского дневника. Вот что он пишет про свою связь с крестьянкой до брака: «*Уже не чувство оленя, а мужа к жене…»,* что я понял как «It is no longer the feeling of a rutting stag, but of a husband for a wife». Однако Чавчавадзе полагает, что *олень* несет здесь такую же смысловую нагрузку, как наше слово **stag** в словосочетаниях **stag-line**, а **stag party**[113], то есть любовник без пары. Не мог бы ты прояснить ситуацию? Ни в одном словаре такого значения нет. Как поживаешь? Как идут дела в Итаке?

Всегда твой

ЭУ.

---

957 Ист-стейт-стрит
Итака, Нью-Йорк
23 июля 1948

Дорогой Кролик,

да, в этом контексте *олень* попросту означает stag во время спаривания. Ничего общего с американским словосочетанием

«stag dinner»[114] это слово в данном случае не имеет. Здесь может быть какая-то аллюзия с самками оленя, но, чтобы в этом убедиться, надо бы посмотреть текст.

Без тебя скучно. В этом году мне не до охоты на бабочек и не до тенниса. У нас очень уютный дом с прелестным садом. Перечел несколько русских книг. Горький-прозаик тянет самое большее на три с плюсом, но за воспоминания о Толстом заслуживает почти пять с минусом.

Шлем тебе с Еленой приветы. На здоровье не жалуюсь, зато всё вместе взятое навевает тоску.

Твой
В.

---

957 E Стейт-стрит
Итака
(до 10 сентября)
3 сентября 1948

Дорогой Кролик,

большое спасибо за две книги Бишопа{111}, которые ты мне прислал. Прочел их с интересом — в основном потому, что когда-то мы с ним приятельствовали.

Увлекся твоим Тэнглвудом{112}, но стоило мне дойти до музыкальной части, как бросил, точно за раскаленный кусок угля ухватился. Перечитал мемуары Горького (воспоминания о Толстом и т. д.) и, *увы,* нахожу, что это ничуть не лучше всей прочей его продукции. Впрочем, в молодости, помнится, кое-что из его воспоминаний о Толстом мне нравилось. В 1918 году я жил в доме (в Гаспре, в особняке графини Паниной в Крыму), где бывали Горький и Чехов (sic) у больного Толстого. Досконально изучил и проверил шеститомное (советское) издание Пушкина в «Academia» — некоторые переводы с французского там совершенно смехотворны. Обнаружил замечательное стихотворение Парни 1777 года «Epître aux Insurgents»[115] (американским). Вел оживленную переписку в отношении чудовищного перевода «Под знаком незаконнорожденных» (романа, который я выпустил пару лет назад, — прочти его как-нибудь) на немецкий язык. Мой медовый месяц с «Нью-Йоркером» все еще продолжается — послал им еще два отрывка [автобиографических. — *А. Л.*], написанных здесь. В одном из них

я вспоминаю, как сочинял свое первое стихотворение (в 1914 году), — но не уверен, что Россу он [отрывок] понравится.{113} Дмитрий, благодаря своему тренеру из Корнелла, мастерски играет в теннис, а вот в шахматы — разве что сносно. Вера купила машину и очень быстро научилась водить. Я видел да не смог поймать очень редкую перелетную бабочку (L. bachmanni). На здоровье не жалуюсь. Мы сняли огромный, славно обставленный дом. <…> Гостям всегда рады. Тебе не попадалась книга некоего Хаймана{114}, который обвиняет нас с тобой в том, что я заимствую у тебя, а ты — у меня (отличный случай симбиоза)? Много лет назад я написал очень смешную вещь о человеке, в котором сочеталось увлечение марксизмом и фрейдизмом, теперь же вижу, что этим всерьез увлечены некоторые критики, которыми восхищается Хайман. Почему бы нам с тобой не создать научный прозаический перевод «Евгения Онегина» с подробными комментариями?

Как ты, как *Елена?* Вера шлет привет вам обоим. Ты не сочинил новых стихов «чарующего» «вольтерьянского» типа (в русском смысле)?

Твой В.

Интересно, «Даблдей» хотел бы издать том моих переводов («Три поэта» и несколько новых переводов)?

[*На полях первой страницы*]

В другой своей публикации{115} (в «Эксент», по-моему) он (Хайман) называет меня «царистом-либералом» — точно так же, как Молотов называет Зензинова и Вейнбаума{116} «белогвардейскими бандитами».

[*На полях второй страницы*]

Хотелось бы, чтобы кто-нибудь объяснил мне, почему за тридцать лет, с 1830-го по 1860 год, в России не родилось ни одного великого писателя. Как ты думаешь?

Уэллфлит, Масс.
1 октября 1948

Дорогой Володя,

не вы ли с Верой говорили мне, что, на ваш взгляд, Фолкнер не заслуживает внимания? Только что прочел его «Свет в августе», книгу, мне кажется, совершенно замечательную; у меня есть лишний экземпляр — посылаю его тебе. Прочти обязательно.

По-моему, мы с тобой оба отличились в последнем «Нью-Йоркере».{117} Эта вещь удалась тебе, как никакая другая. Если ты еще не видел статью в «Атлантике» про музей Толстого{118} — посмотри. Она смешная, но меня ужасно расстроила. Одними только злодеяниями большевиков не объяснишь, отчего нация, которая произвела на свет Толстого, в дальнейшем способствовала деградации интеллектуальной жизни. <…>

Уэллфлит, Масс.
15 ноября 1948

Дорогой Володя.
<…>
(2) Ты в самом деле ответил мне на мое письмо о Фолкнере?{119} Последнее время некоторые наши письма куда-то деваются. Мне любопытно, прочел ты «Свет в августе» или нет. Разумеется, у него нет идеи (разве что в брошюре, приложенной к этой, последней, его книге); есть, собственно, только одно — интерес к драматизации жизни. Несмотря на его неряшливость, мне кажется, между вами есть немало общего. Меня он совершенно ошарашил — читаю его не отрываясь. Думаю, это самый замечательный современный американский прозаик.

(3) Никак не могу взять в толк, как это тебе удается, с одной стороны, изучать бабочек с точки зрения их естественной среды, а с другой — делать вид, что можно писать о человеческих существах, пренебрегая всеми общественными проблемами. Я пришел к выводу, что ты с молодости воспринял слишком близко к сердцу лозунг fin de siècle[116] «Искусство для искусства» и никак не можешь выкинуть его из головы. Скоро пришлю тебе свою книгу{120} — она, очень может быть, поможет тебе решить эти вопросы. <…>

(9) Обязательно пришли мне свой перевод «Игоря» [«Слова о полку Игореве». — *А. Л.*]. *Я* только что получил тщательно подготовленный том «La Geste du Prince Igor»[117], изданный в Нью-Йорке Ecole Libre de Hautes Etudes[118] под редакцией Якобсона и других.{121} Ты этот том видел? В него вошли переводы на разные языки, доказательства подлинности *Слова,* примечания и т. д.

(10) Когда приеду в Нью-Йорк, попробую что-нибудь предпринять по поводу нашего с тобой великого русского тома.

Привет Вере. И когда же ты вновь окажешься в наших краях?
Всегда твой
ЭУ.

Уэллфлит, Масс.
2 декабря 1948

Дорогой Володя,

надеюсь, тебе удастся уговорить «Нью-Йоркер» дать тебе написать про *Слово.* Мне рекомендовать им тебя бессмысленно — а вот ты смог бы убедить их сделать из этой публикации громкую историю. Сегодня днем позвоню Шону и подам ему эту мысль. Только не говори им, что книга написана в основном по-французски. Думаю, из-за нападок французов на подлинность *Слова* может получиться очень забавная история. Вместе с Романом Гринбергом я побывал однажды на заседании Ecole Libre, где обсуждались эти проблемы. Дискуссия получилась très mouvementé[119]. Тема литературная переросла в патриотическую. Вернадский{122} прочел доклад, в котором отметил, что французы сначала, во время нашествия Наполеона, уничтожили текст *Слова,* а теперь вдобавок хотят лишить русских чести быть создателями поэмы. Всякий раз как он доказывал, записывая слова на доске, что подлинность описанного в поэме древнего оружия или платья подтверждается последующими археологическими изысканиями, присутствующие в аудитории русские разражались аплодисментами. Ему оппонировал французский или бельгийский византолог с вкрадчивыми манерами и ухоженной бородой, который снисходительным тоном пытался доказать, что *Слово*— подделка. Его постоянно перебивал гневными выкриками Роман Якобсон. Кончилось тем, что мсье византолог сказал: «M. Jakobson, c'est un monstre»[120]. В аудитории воцарилась гробовая тишина: все вспомнили про необычную внешность бедного Якобсона и испугались, что собрание может закончиться рукоприкладством. Однако докладчик продолжал: «Je veux dire qu'il est un monstre de science — il est philologue, sociologue, anthropologue»[121] и т. д. Это заседание проходило в те дни, когда русские оказывали Германии героическое сопротивление после позорного фиаско французов, и меня поразило, как русские умеют использовать события в литературном мире в качестве предлога для полемики на темы

политические. Так и вижу, как ты провозглашаешь, качнувшись в противоположном направлении, под углом в сорок пять градусов, что литература с общественными институтами не имеет ничего общего. <…>

1949

Уэллфлит, Масс.
11 января 1949

Дорогой Володя,

спасибо за письмо. Я рад, что ты просветил меня относительно дуэли в «Евгении Онегине»{123}, но сказанное тобой не отменяет того факта, что Онегин коварно воспользовался рассеянностью Ленского, ибо он его действительно ненавидел, что, насколько я помню, ты в свое время отрицал. Ты, конечно, можешь считать, что Онегин «свой пистолет… стал первым тихо поднимать» просто потому, что он более опытен, — я же думаю, что, судя по действиям обоих дуэлянтов, Пушкин намекает на то, что Онегин замыслил убийство Ленского заранее.

Читаю *Воскресение* Толстого, роман (пока что) представляется мне лучше, чем про него обычно говорят. Жаль, что я не прочел его, когда писал рецензию на Кузьминскую, ибо теперь я понимаю, что в книге прямо говорится о трагической связи между людьми различных классов — то есть поднимается тема, которой, к моему сожалению, Толстой не касается в других романах.

У нас все по-старому. Если повезет, в середине февраля на несколько месяцев переберемся в Стэмфорд.

Всегда твой
ЭУ.

Университет Корнелл
Голдуин-смит-холл
Итака, Нью-Йорк
Середина апреля 1949

Дорогой Кролик,

моя нью-йоркская лекция отложена, она состоится 7 мая. От Романа я получил приглашение на 16 апреля, но теперь отменено и оно. Ты будешь в Нью-Йорке в мае? Очень хотим вас обоих повидать. Спасибо за приглашение в Стэмфорд, но придется повременить и с этим.

Твой очерк про индейцев{124} мне очень понравился. Ты

видел, что написал в «Лайфе» про чету Перонов Дос Пассос?{125} Он что, спятил? Или это какая-то нео-радикальная причуда — хвалить Эвиту? Или написанное им следует воспринимать как сатиру? Или — от одной этой мысли перо дрожит в моей руке — уж не уверовал ли он в истинную церковь?

Кажется, я говорил тебе, что в середине июня мы собираемся на машине в Юту для участия в июльской писательской конференции в Солт-Лейк-Сити.

До этого надо будет **обязательно** увидеться.

Твой

В.

Университет Корнелл
Голдуин-смит-холл
Итака, Нью-Йорк
23-25 мая 1949

Дорогой Кролик,

всего пару слов между двумя лекциями. Идет последняя неделя учебного года. В двадцатых числах июня мы сядем за руль и помчимся на запад — сначала на писательскую конференцию в Юту, а затем в Титонский национальный заповедник в Вайоминге, на поиски бабочки, которую я описал, назвал, обласкал — но сам ни разу не ловил.

Ужасно обидно, что никак не можем отозваться на твои любезные приглашения. Нам так хочется повидать вас обоих! В пятнадцатых числах июня Дмитрий вернется домой из школы, я же последующие двадцать дней собираюсь писать как заведенный. Свою книгу воспоминаний я продал *на корню* в «Харперс», причем на вполне приличных условиях. Через год поставлю точку. Я так и не дождался от тебя благодарностей за чудесную амфисбену{126}, которую тебе подарил: partizan — Nazitrap[122].

Собираюсь предложить Водрину{127} небольшую книжку об «Онегине»: полный прозаический перевод с комментариями, ассоциациями и прочими пояснениями каждой строки — все то, что я подготовил для своих университетских занятий. Пришел к убеждению, что переводить в рифму больше не стану — власть рифмы абсурдна и с точностью не сочетаема.

Никто не хочет печатать (слишком длинно или слишком

«научно») статью, которую я написал (12 страниц на машинке) о «Slove o Polku Igoreve». «Нью-Йоркер» от нее отказался, и я не уверен, что «Партизан» va marcher[123].

Вера отвезла меня на машине в Нью-Йорк и обратно по очень красивой, поросшей нежной растительностью местности, и я сыграл несколько необычайно увлекательных партий в шахматы с *Романом,* Г. Гессеном, *Николаевским* и *Церетелли.*{128} Тебя очень не хватало.

Привет от нас обоих вам обоим.

В.

Уэллфлит
Кейп-Код, Масс.
28 сентября 1949

Дорогой Володя,

рад был твоей открытке. Лето у нас выдалось напряженным и в семейном (мальчики только что вернулись в школу), и в литературном отношении. Я дописал пьесу{129}, для которой сейчас ищу режиссера, и собрал сборник статей, написанных мною еще в двадцатые годы.{130}

Летом к нам, вместе со своей чудно́й и farouche[124] подругой (ты ее знаешь?), приезжал Глеб Струве{131}. Мы с ним много говорили о русском и английском стихосложении, и теперь я уяснил себе, чем объяснялось отсутствие взаимопонимания в нашей переписке на эту тему, имевшей место несколько лет назад. Хочу поделиться с тобой плодами своего просвещения. Струве объяснил мне, что в русских словах, какими бы длинными они ни были, имеется, по существу, только одно ударение. Я никогда раньше не обращал внимания на то, что в русских словарях дается только один ударный слог, в английских же — указываются и дополнительные ударения тоже. Тем самым в русском стихе эмфаза отлична от стиха английского. В английском стихе второй ударный слог образует ритм точно так же, как и основной. Искусство английского стиха у великих поэтов от Шекспира до Йейтса частично основывается на перемещении этих ударений. В русской же поэзии нет ничего похожего — вот почему ты отказываешься понимать то, что называется ритмическим сбоем, а я называю «сбиться с ноги». Смещение ударения, синкопирование в русском стихе

невозможно. В русском белом стихе невозможны такие строки, как: «Never, never, never, never, never» в «Короле Лире» или: «Cover her face; mine eyes dazzle: she died young» в «Герцогине Мальфийской»{132}. Русское метрическое искусство проявляется в другом; число слогов в русском стихе отличается четкой размеренностью, чего в английском стихе, где имеется много дополнительных, вторичных ударений, которыми поэт жонглирует, почти совсем не бывает. О жонглировании ты не раз пытался мне втолковать, но ошибался, полагая, что у нас, в английском языке, происходит то же самое. Ты представлял себе, по всей вероятности, что такое слово, как «constitution» в пятистопном ямбе произносится constitúshun, тогда как в действительности актер, обученный чтению стихов, произнесет это слово con-sti-tú-ti-ồn: ti-ồn — полный ямб (в древнеанглийском on был oun). Русский стих, собственно говоря, позаимствовал метрические формы английского и немецкого стиха, но использовал их для иной поэтической мелодики, чем и вызвано отсутствие взаимопонимания между нами. Ты не учитываешь наше смещение ударения — вот почему, когда мы работали с тобой над «Моцартом и Сальери», тебя раздражали, казались неверными мои предложения по замене ямба на хорей. В данном случае ты был прав, ведь всю трагедию ты переводил ямбом, но нет и не может быть хорошего английского поэта, которому бы пришло в голову прибегнуть к такому метру, если он пишет поэму белым стихом. Я же, со своей стороны, теперь понимаю, что, читая русскую поэзию, никогда не чувствовал, как она должна звучать. Мне она всегда казалась слишком монотонной в своей упорядоченности, размеренной, точно школьное упражнение. И эта размеренность озадачивала, ведь поэтам такого класса ничего не стоило свой стих разнообразить. Надеюсь, ты как-нибудь прочтешь мне какое-то русское стихотворение и разъяснишь тот эффект, который я не уловил. (Твои рассуждения о поэтических формулах в воспоминаниях, напечатанных в «Партизэн ревью», были для меня весьма поучительными.) С другой стороны, оттого, что твои английские стихи столь же размеренны, что и русские, ты не используешь весь ресурс английского стихосложения. <…>

Летом я много читал Чехова и остался под большим впечатлением; я не мог даже себе представить, сколь многообразна, широка описываемая им жизнь. Особенно он интересен в связи с тем, что происходит сегодня в Советской России, ведь многие типы, которых он рисует, — крестьяне, сумевшие выбиться в купцы, недовольные и несведущие чиновники, — это ведь те же самые люди, которые впоследствии

заняли в стране ведущие посты. Читал также и Фолкнера. Твоя неспособность оценить его дар — для меня загадка. Объясняю это, пожалуй, лишь тем, что трагедию ты не признаешь в принципе. Ты не пробовал читать «Шум и ярость»?

Всегда твой
Эдмунд У.

---

9 ноября 1949

Дорогой Кролик,

не писал тебе раньше, так как моя книга (автобиография) отнимает все свободное время. Я всегда говорил тебе, что в русских словах есть только одно ударение. Не раз упоминал я в нашей переписке и о том, что длинные английские слова имеют тенденцию дублировать ударение (чаще, правда, в американской речи, чем в британской). Я не очень понял, в чем смысл твоего примера с ударением на конечном — ion; впрочем, это чем-то напоминает перемену окончания — *ие* на — *ье* в соответствующих русских существительных, таких, как zhelanie — zhelan'e. Задумайся над этим. Мы продолжим спор, в котором я собираюсь взять верх, когда наконец я приеду к тебе или ты — ко мне.

Рассказ о моем первом любовном приключении{133} должен вскоре появиться в «Нью-Йоркере», а вот другой отрывок{134} [из автобиографии. — *А. Л.*] о моих студенческих годах мне пришлось из журнала забрать — в редакции хотели, чтобы я переписал некоторые места (которые читателям могли бы показаться обидными или, по крайней мере, странными) про Ленина и царскую Россию. Все это примерно те же вполне невинные вещи, которые я когда-то писал тебе про американских радикалов{135} и их отношение к ленинизму и т. д. Печально.

Мне еще осталось написать страниц пятьдесят, и пока мотор мой работает без перебоев. Боюсь, что эта книга тебе не понравится, но сбросить с себя ее бремя я обязан.

Долой Фолкнера!

Твой
В.

1950

36 Виста-плейс
Ред-бэнк, Нью-Джерси
14 апреля 1950

Дорогой Володя,

сюда я приехал ухаживать за своей матерью: ей было очень плохо, она попала в больницу, но теперь ей лучше. Говорил с Еленой по телефону, она сказала, что пришло письмо от Веры; пишет, что у тебя грипп. После банкета в связи с годовщиной «Нью-Йоркера» я тоже слег и лишился голоса — ларингит. В тот вечер было столько неприятных сцен{136} с самыми funestes[125] последствиями, что стоило бы их описать в духе «Хиросимы» Джона Херси{137}. Каждый преследует свои мелкие интересы, переходя от стола к столу, с танцплощадки в ресторан, не обращая никакого внимания на растерянность, скуку, раздражение или опьянение остальных гостей, не сознающих гигантского масштаба катастрофы, губительной для всех.

Собирался написать тебе, прочитав твою чудесную последнюю главу [из автобиографии. — *А. Л.*]. Ты упоминаешь Аббацию, и я вспомнил, что встретил этот городок у Чехова, в связи с чем у меня возник вопрос по русской грамматике. Я заметил, что в прилагательных женского рода единственного числа в творительном падеже у Чехова встречаются то окончание — *ой,* то — *ою.* Сначала я подумал, что прилагательные на — *ою* употребляются с существительными в творительном падеже на — *ю,* например: *длинною, отборною бранью,* <…> но потом (в первом абзаце *Моей жизни*) обнаружил, с разницей всего в несколько строк, *с благотворительной целью* и *с благотворительною целью.* В чем же тут дело? Есть какое-то правило или нет? Пол Чавчавадзе полагает, что окончание на — *ою* употребляется, когда автору нужен лишний слог, но к данному отрывку эта логика не применима. (Не трудись с ответом, пока не поправишься. Здесь я пробуду всю следующую неделю, после чего вернусь в Уэллфлит. Не исключено, впрочем, что дальше Нью-Йорка мне отсюда уехать не удастся.)

Читаю Жене́. Тебе, надо полагать, это имя известно. Его чудовищно неприличные книги стали издаваться и продаваться только теперь. Гомосексуалист и вор, он большую часть жизни просидел за решеткой. Говорят, что Кокто, пытаясь вызволить его из тюрьмы, заявил властям, что Жене — величайший из ныне живущих французских писателей, и должен сказать, что с этим,

пожалуй, нельзя не согласиться. Я прочел «Notre-Dame des Fleurs» и «Journal du Voleur»[126], и обе книги, особенно первая, произвели на меня очень сильное впечатление. Этот писатель абсолютно ни на кого не похож — просто не укладывается в голове, каким образом он, мальчишка из приюта, в юности — вор и бродяга, сумел набраться знаний и развить в себе столь блестящий дар. Его язык, интонация так же уникальны, как и его жизненный опыт. Ему, как мало кому до него, удалась тема психологической амбивалентности (золотое слово!) подчинения и подавления, чему столько свидетельств в современном мире и чем интересуешься и ты тоже. Я дам тебе «Notre-Dame des Fleurs», если тебе эта книга еще не попадалась. Надеюсь, ты уже пошел на поправку. Привет Вере.

ЭУ.

---

802 Е. Сенека-стрит
Итака, Нью-Йорк
17 апреля 1950

Дорогой Кролик,

большей частью русские писатели употребляют и «-ой» и «-ою», что не может меня не огорчать. В каком-то смысле это сравнимо с взаимозаменяемостью which и that[127] у англоязычных авторов. Самым злостным нарушителем унификации был Толстой, у него подчас в одной фразе встречаются оба окончания: *За желтою нивой и за широкою сонной рекою.* Чавчавадзе, думаю, решил, что ты ведешь речь о стихах. Что до меня, то я, в душе педант, предпочитаю окончание — *ой,* за исключением тех случаев, когда возникает «музыкальная» нужда продлить жалобный вой творительного падежа.

Мы с Верой были очень рады твоим славным письмам. Почти две недели я пролежал в больнице. Вою и корчусь в муках с конца марта, когда грипп, который я подцепил на довольно скандальной, хотя и организованной из самых лучших побуждений вечеринке, вызвал чудовищную межреберную невралгию, вследствие чего, страдая от непереносимой, непрекращающейся боли и столь же непереносимого страха, вызванного мнимыми болями в сердце и почках, я очутился в руках докторов, которые на протяжении многих дней ставили на

мне нескончаемые эксперименты, и это при том, что я клятвенно заверил их, что свою болезнь знаю наизусть и в точности таким же истязаниям подвергаюсь за жизнь уже в пятый раз. Я и сейчас еще не совсем здоров, сегодня у меня случился небольшой рецидив; я пока в постели, дома. В лекционном же зале меня прекрасно заменяет Вера.

Пишу последнюю (16-ю) главу книги.{138} В «Нью-Йоркере» будет напечатана еще одна — пятнадцатая — глава, довольно замысловатая, о детстве моего сына{139}, которую я только что им продал. В результате «Нью-Йоркер» приобрел двенадцать из пятнадцати предложенных журналу глав. Одна глава напечатана в «Партизэн», две же оставшихся, и та и другая приправленные политикой, не пристроены до сих пор. Возможно, одну из них пошлю в «Партизэн»{140}, хотя платят они не ахти.

Присылай же скорей книгу этого вора!!! Люблю неприличную литературу! На следующий год буду вести курс под названием «Европейская изящная словесность» (XIX и XX век). Каких английских писателей (романы или рассказы) ты бы порекомендовал мне включить? Нужны по меньшей мере два автора. Намереваюсь главным образом опереться на русских, по крайности, на пятерых широкоплечих русских, для иллюстрации же западноевропейской прозы возьму, видимо, Кафку, Флобера и Пруста.

На мой взгляд, твое стихотворение — самое удачное из всех, которые ты написал в этом духе. Мне необычайно понравился стих про «пифку-пафку»{141} — я бубнил его себе под нос, когда лежал, превозмогая боль, в клинике. Каждый вечер мне кололи (доходило до трех уколов за раз) морфий, но уменьшить боль до тупой и переносимой удавалось всего на час-другой. Просматриваю стихи и эссе Элиота, читаю сборник критических статей о нем и лишний раз убеждаюсь, что он — мошенник и прохвост (еще больший, чем смехотворный Томас Манн, — но более умный).

Напиши мне еще одно интересное письмо. После стольких недель боли нервы у меня совсем расшатались. Огромный привет всем вам от нас обоих.

В.

Уэллфлит, Кейп-Код

Массачусетс
27 апреля 1950

Дорогой Володя.

(1) Только что открыл *Медного всадника,* то место, которое я, по-твоему, неверно перевел. Советский текст *(редакция Бонди, Томашевского, Щеголева)* звучит так: *Наш герой / Живет в чулане.* Я позвонил Полу Чавчавадзе и попросил его посмотреть это место в старом издании, и там он, вместо *в чулане,* обнаружил *в Коломне,* как ты и говорил. Советская редакция, по всей вероятности, восстановила несколько мест в поэме, которые были изменены по настоянию Бенкендорфа, — кое-какие мрачные подробности, например, описание лачуг, смытых наводнением. Надо будет посмотреть оригинал — может, найдется еще что-то.

(2) Русская грамматика. К вопросу о творительном падеже. Прежде мне было очень не по душе его употребление для обозначения переходного, неактуального состояния: *Когда я был мальчиком* или *Она воображала себя в будущем не иначе как очень богатою и знатною,* — теперь же такое употребление видится мне очаровательным нюансом. Но чем я до сих пор не в состоянии овладеть, так это предикативной формой прилагательных. Вот что я встречаю у Чехова: *Вы сегодня Бог знает какой скучный!* Почему не *скучен* или *скучны?* Может, все дело в слове *какой?*

(3) Послал тебе книгу Жене, интересно, что ты скажешь. Меня потряс язык, сочетание арго, заурядных коллоквиализмов, причудливого книжного языка и точных технических терминов. Гюисманс, который умел совмещать такие вещи лишь синтетически, был бы от Жене без ума. Есть у него вдобавок некоторая нарочитая неграмотность — что бы ты, например, сказал о том, как он употребляет одно из своих любимых словечек sourdre[128] (которое он иногда пишет soudre). Он изобрел от него причастие sourdi по аналогии, видимо, с ourdi[129], подобно тому, как Фолкнер придумал surviven по аналогии с driven[130] и т. д. У них с Фолкнером вообще немало общего; чем-то Жене напоминает и тебя — не этими солецизмами, разумеется.

(4) Посылаю тебе также небольшую бандероль с моими собственными сочинениями.

(5) Относительно твоей книги. Было бы, пожалуй, разумнее издать ее с несколькими прежде неопубликованными главами и объявить об этом на обложке читателю. Известно, что люди имеют обыкновение не покупать книг, отрывки из которых печатались в журналах. Пусть анонс напишут в «Харперс», а еще лучше, если его сочинишь ты сам; объясни, что в книгу вошли

новые главы о политике, которых в «Нью-Йоркере» не было. Новые главы помогут завоевать читателя.

(6) Очень тебе сочувствую — тебе здорово досталось. Я тоже до сих пор не вылечился — что-то с голосовыми связками: Божья кара за то, что говорю слишком много и слишком громко. Кроме того, по мнению врача, мне обязательно надо похудеть на пятнадцать фунтов. Вот и приходится жить в беспросветном мире ингаляций и спреев, декстрозы и таблеток сахарина; я обречен говорить шепотом и держать в ванной весы.

(7) Про английских прозаиков. На мой вкус, два, безусловно, величайших писателя (за вычетом Джойса, поскольку он ирландец) — это Диккенс и Джейн Остин. Попробуй перечитать, если ты этого еще не сделал, зрелого Диккенса — «Холодный дом» или «Крошку Доррит». Джейн же Остин читать стоит все подряд — замечательны даже ее ранние, незаконченные вещи.

(8) Очень может быть, мы все же окажемся в ваших краях, когда Генри{142} закончит школу. Тогда наконец и повидаемся. Сколько еще времени вы пробудете на Итаке?

Привет Вере.

ЭУ.

---

28 апреля 1950

Дорогой Кролик,

огромное спасибо за книгу — читаю с удовольствием. Она ужасно хороша— **местами**. Возникает ощущение, что писал ее littérateur[131] в тиши кабинета. Все же грубо-кровавые сцены убоги и искусственны и отдают Раскольниковым. Процесс над Нотр-Дам-де-Флёром — это просто очень посредственная littérature[132]. Жалко, что автор не ограничился описанием нравов tantes[133] — эта часть выше всяких похвал. Не могу взять в толк, зачем было называть книгу именем самого неудачного и наименее убедительного персонажа. Pièce de résistance[134] — это, конечно, Дивин: он-она написан(а) превосходно. Еще кое-что. Мне понравились замеры пениса, подаренного любовникам. Если вдуматься, такой же описательный метод был применен мною в отношении моих бабочек. И еще: описание совокуплений, когда с ними свыкаешься, в целом довольно традиционно, в том смысле, в каком традиционна порнографическая литература XVIII века с ее бесцветными «assauts», «ébats»[135], подсчетом оргазмов и пр.

Искусственность этих описаний тем более бросается в глаза, что могучее здоровье этих людей вызывает подозрение (тем более что некоторые из них гетеросексуальны), и, право же, французы ведь принимают ванну — во всяком случае иногда. Я был несколько разочарован полным отсутствием среди героев девиц. Единственная jeune putain[136] была втиснута между мальчиками, целовавшими, как полные идиоты, друг друга.

Посылаю тебе свои заметки об английском стихосложении, которыми я пользовался на одном из занятий. Вникни в них.

Привет.

В.

---

5 мая 1950

Дорогой Кролик,

<…> насколько мне известно, правильное прочтение [в «Медном всаднике». — *А. Л.*] — *в Коломне.* Так в советском *Академическом Пушкине.*

Да, я заметил, что ты говоришь про старого доброго Жана [Жене́. — *А. Л.*]. (Кстати, прислать тебе книгу в Уэллфлит?) Единственное известное мне значение soudre — это gush[137]. И он, и я читали Рембо-Жироду-Пруста и т. д.

Твоя идея насчет неопубликованных глав мне по душе. Насколько я могу судить, ты не из тех читателей, кого я смог бы «завоевать».

Спасибо за предложения по моему курсу европейской словесности. Джейн [Остин. — *А. Л.*] мне не нравится, и вообще, к женской прозе я отношусь с недоверием. Писательницы принадлежат к другой литературной категории. Роман «Гордость и предубеждение» никогда не вызывал у меня теплых чувств. А вот совет включить в курс Диккенса du bon[138]. Перечитаю обе книги. Мой отец был большим любителем Диккенса; одно время он читал нам, детям, вслух отрывки из его романов — по-английски, естественно.

Мне пришлось оторваться от этого письма и, прежде чем сесть за него снова, я погрузился в «Холодный дом», который покамест превосходен. Вместо Джейн О. возьму Стивенсона.

Надеюсь, ты обрел свой добрый старый голос (хочется услышать его вновь; мы пробудем здесь до конца мая, а потом, может быть, съездим на неделю-другую в Бостон — тамошний

зубной врач должен вырвать мне оставшиеся зубы). Наши планы на лето туманны. Возможно, в конце июня мы отправимся на запад. Когда у Генри церемония по случаю окончания школы? Вы собираетесь приехать до нее или после?

Очень благодарен тебе за «Furioso» (хорошо, однако, не всё стихотворение: рифма-собака ведет поэта-слепца), за книгу рассказов (мне понравился «Галахад»{143}, но что именно se passa entre eux[139] в сексуальной сцене, я понял не вполне) и за пьесу. Диалог в ней — высший класс, есть и несколько очень забавных мест (мне понравились Петриты). В метаморфозах Садовника есть что-то «сириническое»{144} [От Сирин. — *А. Л.*].

Елене и тебе мы с Верой шлем поклон.

В.

[На полях рукой Веры Набоковой]

А теперь прочту пьесу я. Пока же огромное спасибо за милое dédicace[140].

Уэллфлит, Кейп-Код
Массачусетс
9 мая 1950

Дорогой Володя.

(1) Вот еще одна проблема. У Чехова читаю: *В открытую дверь было видно и улицу, тихую, пустынную, и самую луну, которая плыла по небу.*{145} Я не понимаю, почему не написано: *были видны и улица… и луна.* В любом другом языке, из мне известных, «луна» и «улица» были бы подлежащими, здесь же они, судя по всему, дополнения, что лишено логики. Подобная пассивная конструкция в русском языке встречается довольно редко, не так ли?

(2) Насчет Жене. Жестокосердный парень, который убивает, предает и до самого конца ни в чем не раскаивается, такой, как Нотр-Дам-де-Флёр, — это его идеал, он присутствует во всех его книгах, которые мне приходилось читать. Что касается порнографических сцен, то я с тобой соглашусь, но ведь это своего рода эротические фантазии, более или менее оторванные от реальности, такие фантазии возникают у людей за решеткой (как у маркиза де Сада в Бастилии). Подобные фантазии правомерны только потому, что посещают они не вымышленных персонажей автора, а сидящего в тюрьме Жене, который пытается

запечатлеть в романе себя самого. Все мужчины в книге грезят наяву; даже Дивин, который несколько более убедителен, чем остальные, — в чем-то фантазер. Жизнь Жене в том виде, как он описывает ее в своих воспоминаниях, — «Дневнике вора», вне всяких сомнений, была очень нелегкой. Насколько мне известно, он отбывал пожизненное заключение, когда Сартр и Кокто вызволили его из тюрьмы. Меня очень позабавило его замечание, которое он, говорят, отпустил в адрес Жида: «Il est d'une immoralité douteuse»[141]. Пожалуйста, пошли книгу в Уэллфлит.

(3) Я изучаю черновики «Госпожи Бовари», изданные в прошлом году, и совершенно потрясен и даже немного удивлен тем, как работал Флобер. Самые великолепные места в окончательном варианте — здесь, в черновиках, подчас совершенно невыразительны и даже довольно корявы. Поражаешься, когда видишь, сколь велика дистанция в сцене, где Шарль Бовари, еще мальчиком, с тоской взирает из окна на Руан; сколь велика разница между: «Sous lui, en bas, la rivière qui fait de ce quartier de Rouen comme une Venise de bas étage, coulait safran ou indigo, sous les petits ponts qui la couvrent»[142] и «La rivière, qui fait de ce quartier de Rouen comme une ignoble petite Venise, coulait en bas, sous lui, jaune, violette ou bleue entre ses ponts et ses grilles»[143]. Такое впечатление, будто Флобер сначала собирает материал, а затем, в определенный момент, включает музыку и магию. Мне это особенно интересно, ибо таков — до известной степени — и мой метод. Ты же, насколько я могу судить, имеешь обыкновение начинать с самих слов.

(4) Насчет Джейн Остин ты ошибаешься. Думаю, тебе надо прочесть «Мэнсфилд-парк». Ее величие в том, что к своему творчеству она относится, как мужчина, то есть как художник, и совершенно не так, как типичная романистка, из тех, что наводняют романы своими женскими грезами. Джейн Остин оценивает своих героев совершенно непредвзято. Каждая ее книга — исследование разного типа женщин, которых она видит вокруг. Джейн Остин стремится не к тому, чтобы выразить свои чаяния, а чтобы создать объективную картину, которая сохранится в веках. Она, на мой взгляд, входит в шестерку величайших английских писателей (вместе с Шекспиром, Мильтоном, Свифтом, Китсом и Диккенсом). Стивенсон же — писатель довольно посредственный. Не пойму, почему ты им восхищаешься, — впрочем, несколько совсем неплохих рассказов у него на счету имеется. Пару лет назад я пытался читать Генри и Руэлу{146} «Новые арабские ночи» — одну из немногих книг Стивенсона, которая мне нравится, но мальчики не проявили к ней ни малейшего интереса. К своему удивлению я обнаружил, что в этих рассказах почти отсутствует

описательность, герои же еще менее реальны, чем сказочные. «Шерлок Холмс», которого мы прочли только что и который многое почерпнул из «Новых арабских ночей», — произведение, по сравнению с книгой Стивенсона, куда более значительное. «Остров сокровищ» мне не нравился, даже когда я был ребенком.

(5) Ты, как всегда, напустился на английское стихосложение, но спорить на эту тему мне надоело.

(6) Не понимаю, что ты имеешь в виду, когда пишешь, что я не из тех читателей, кого ты смог бы завоевать. <…>

(9) Церемония вручения дипломов состоится у Генри 16 июня. Мы выезжаем неделей раньше. Если будете в это время в Бостоне, мы могли бы там задержаться и с вами встретиться. Было бы чудесно. Держи меня в курсе.

(10) Последнее время мне приходилось нелегко: одну неделю я провожу в Нью-Джерси, другую — здесь. Слегла моя мать, да и у меня нелады с голосовыми связками. На прошлой неделе мне сделали небольшую операцию, и, хочется надеяться, проблема голосовых связок будет решена раз и навсегда. Единственный плюс наших с тобой недавних недугов в том, что захворали мы одновременно и получили возможность возобновить нашу литературную переписку.

Всегда твой

ЭУ.

---

15 мая 1950

Дорогой Кролик,

<…> дочитал до середины «Холодный дом». Читаю медленно — делаю пометки для обсуждения романа на занятиях. Отличная вещь. Кажется, я говорил тебе, что мой отец прочел Диккенса от корки до корки. Быть может, именно оттого, что в возрасте двенадцати-тринадцати лет я слушал, как отец читает мне вслух (разумеется, по-английски) «Большие надежды», я в дальнейшем, не сумев преодолеть психологическую преграду, больше Диккенса не перечитывал. Достал «Мэнсфилд-парк» и, думаю, использую его в своем курсе. Благодарен тебе за эти необычайно дельные советы. К Стивенсону у тебя неверный подход. Разумеется, «Остров сокровищ» — вещь не из лучших. Зато «Джекил и Хайд», единственный настоящий шедевр, который он написал, — повесть первоклассная, и на все времена. <…>

В Бостон должен ехать, чтобы вырвать шесть нижних зубов. План у меня следующий: в Бостон еду в воскресенье 28-го, в понедельник, вторник и, возможно, в четверг (31-го) хриплю у дантиста (чудесный швейцарец доктор Фавр), затем, беззубый, тащусь обратно в Итаку проверять экзаменационные работы и 6-го или 7-го возвращаюсь с Верой в Бостон на машине вставлять челюсть; в Бостоне мы остаемся до 11-го и, забрав Дмитрия в Нью-Гэмпшире 12-го, отправляемся домой в Итаку через Олбани, неподалеку откуда, в местечке под названием Карнер, в сосняке, в зарослях люпина, водится маленькая синяя бабочка, которую я описал и назвал. Сможешь ли ты вписаться в эту схему?

Было видно следует в данном случае понимать как *было видно следующее* — имеется в виду своего рода собирательное субстантивированное прилагательное; так сказать, среднего рода. Но, как я говорю своим студентам-любимчикам, вопрос ты задал «хороший».

Мой творческий метод не имеет ничего общего с флоберовским. Как-нибудь объясню его тебе подробнее, теперь же мне пора идти в классную комнату под номером 178 для обсуждения *Дамы с собачкой* по-английски; я перевожу им с русского и наслаждаюсь блестящими мелочами, к которым мои студенты совершенно невосприимчивы.

Может статься, всеми своими бостонскими делами мне придется заняться после 12-го. Вести нашу с тобой переписку — все равно что вести дневник; ты понимаешь, что я имею в виду, но, *пожалуйста,* продолжай писать, я люблю твои письма.

В.

Уэллфлит, Кейп-Код
Массачусетс
3 июня 1950

Дорогой Володя. <…>

(2) Что до улицы и луны, которые Чехов в порыве мазохизма, столь свойственного русской литературе, превратил в жертвы глагола, вместо того чтобы сделать их, как следовало бы, его властителями, — ты дал мне два внятных объяснения, ни одно из которых ситуацию не проясняет. Дело же все в том, что это очередной пример одного из нелепых отклонений от нормы, которыми так богата русская грамматика. Когда наши

просвещенные проконсулы придут на помощь этой несчастной стране, предлагаю себя на должность Секретаря колониальной культуры, дабы устранить подобные нелепости, объявив их незаконными и наказывая за них тюремным заключением.

(3) Относительно «Доктора Джекила и мистера Хайда». Я попробовал прочесть Руэлу и эту повесть, но и она не показалась мне верхом совершенства. Хотя «Джекил», несомненно, выше уровнем [«Острова сокровищ». — *А. Л.*], мне эта повесть нравится меньше, чем «Уильям Уилсон» По, у которого Стивенсон, думаю, ее позаимствовал. Если уж на то пошло, я предпочитаю «Дориана Грея». Не понимаю, чем «Джекил» хорош. Люди иногда испытывают интерес к второстепенным иностранным авторам, которые для них значат совсем не то, что для соотечественников этих авторов. Не могу постичь, почему ты восхищаешься «Джекилом» и не любишь *Черного монаха* и *Вия,* который, по-моему, самый безукоризненный рассказ о сверхъестественном из всех, какие мне приходилось читать. Кстати, *Дама с собачкой,* на мой вкус, перехвалена. Думаю, своей популярностью рассказ (в Советском Союзе недавно вышло подарочное иллюстрированное издание) обязан тому, что это единственный из поздних рассказов Чехова о любви, которая не вызывает одних только горьких чувств, не погрязает в *пошлости. Архиерей,* которого я прочел только что, — шедевр.

Все эти темы мне немного надоели, и, по-моему, нам надо начать что-то новое. Дай мне знать о своих передвижениях. Вот наш окончательный план: 15-е — Бостон; тогда же, во второй половине дня, Елена отправляется в Сент-Пол, Розалинда, Руэл и я — в Утику, а оттуда — в Талкотвилл и все, скорее всего, возвращаются обратно в воскресенье. С вами же рады будем встретиться в любое время. Желаю удачи у зубного.

ЭУ.

---

27 августа 1950

Дорогой Кролик,

слышал от кембриджских друзей, что твоя пьеса [«Синий огонечек». — *А. Л.*] прошла превосходно. Вещь прелестная и вполне заслуживает *оглушительных рукоплесканий* (oglushitelnyh rukopleskanij — последний раз грешу транслитерацией).

После нескольких фальстартов мы в Кейп-Код так и не

выбрались. Cela devient comique[144].

Дмитрий пять недель пробыл на курсах ведения диспутов для старшеклассников в С. З. [Северо-Западном. — *А. Л.*] университете и стал еще выше ростом, чем был: сейчас в нем 6 футов 5 дюймов. В теннис мы играем каждое утро, и оба в великолепной форме.

Пишу на бегу, т. к. чудовищно занят: держу корректуру «Убедительного доказательства» (отдельные главы ты видел в «Нью-Йоркере»), проверяю французский перевод (который сделала секретарша Жида) «Себастьяна Найта» и исправляю для своего (надвигающегося) курса негодный перевод «Госпожи Бовари», вышедший по-английски в издательстве Рейнхарта.

С любовью

В.

Уэллфлит, Масс.
8 сентября 1950

Дорогой Володя,

жаль, что вы до нас так и не добрались. Теперь, боюсь, уже нет надежды, что вам удастся выбраться.

Несколько нью-йоркских режиссеров, в том числе и Театральная гильдия, предложили мне поставить «Синий огонечек» — поэтому (если только русские не сбросят на нас бомбу) пьеса обязательно пойдет зимой. Мне немного не повезло с маленькой англичаночкой{147} в роли моей циничной героини (хотя она и способная, мастеровитая актриса, но умом не блещет). На репетиции англичанка могла вдруг прервать монолог, который, по ее мнению, оскорбляет христианскую веру, и сказать: «Эти слова мне не по душе. Если честно, это, по-моему, дурной вкус». Она наотрез отказалась произносить антианглийскую, якобы, реплику, где что-то говорилось о движении за освобождение Греции, которое «было подавлено британцами с помощью американских танков», хотя это исторический факт. Во время последнего спектакля две сидевшие в зале католички вышли из театра, направились прямиком в кассу и, сославшись на то, что пьеса наносит оскорбление их вере, потребовали назад деньги. Собираемся впредь устроить складчину на тот случай, если подобные истории возникнут в Нью-Йорке.

Мне не нравится, как ты назвал свои воспоминания; название не годится ни по колориту, ни по сути. К тому же оно введет в заблуждение читателей и сведет с ума книгопродавцев.

Кстати, я только что беседовал с отцом Джеффри Хеллмана{148}, он много лет назад приобрел неизданные бумаги и письма Стивенсона. В них содержится множество сенсационных вещей. На основании этих документов он написал книгу, которую собирается мне прислать, и, если тебе интересно, я ее тебе переправлю. Тебе известно, к примеру, что жена Стивенсона, настоящая фурия, перлюстрировала его рукописи и вместе с некоторыми его друзьями после его смерти создала миф о его мягкотелости и сентиментальности? Судя по книге Хеллмана, «Доктор Джекил» задумывался не как моральная притча, а как нечто более беспристрастное; поначалу мистер Хайд изображался с большим сочувствием. Хеллман пишет, что Стивенсон стыдился этого произведения — в его окончательном виде.

Генри сегодня отправился в Кембридж — будет учиться в МТИ [Массачусетсом технологическом институте. — *А. Л.*]. Руэл на следующей неделе идет в школу. Елена измучилась от летней суматохи. На следующие выходные собираемся в Нью-Йорк. Ты там случайно не окажешься?

Тебе не попадался перевод «Госпожи Бовари», выполненный дочерью Карла Маркса, — первый на английском языке? Если интересно, у меня есть лишний экземпляр.

Всегда твой
ЭУ.

---

802 Е. Сенека-стрит
Итака
18 ноября 1950

Дорогой Эдмунд,

только сегодня выдалась минута поблагодарить тебя за твою книгу{149} (Вера присоединяется) — но «лучше поздно, чем никогда, сказала женщина, опоздавшая на поезд» (старый русский анекдот — «с бородой»). В ней много превосходных вещей, особенно хороши издевательства и шутки. Как и большинству хороших критиков, боевой клич тебе удается лучше, чем песнопение. Настанет день, когда ты вспомнишь с изумлением и жалостью свою слабость к Фолкнеру (и к Элиоту, и к Генри

Джеймсу). В твоей статье о Гоголе и обо мне содержатся вещи (добавленные? измененные?), которых я, если мне не изменяет память, в первом варианте не видел. Последняя строчка вызывает у меня протест.{150} С **избитым** английским языком Конрад справляется лучше меня, зато я лучше знаю другой английский. Конрад никогда не опускается до моих промахов, но штурмовать мои словесные высоты ему не под силу.

Хочу включить в свой отчет за первую половину семестра те две книги, которые ты мне посоветовал для моего курса. Велел студентам прочесть произведения, упоминавшиеся героями «Мэнсфилд-парка»: первые две песни из «Песен последнего менестреля», «Урок» Каупера, монологи из «Короля Генриха VIII», «Час расставания» Крэбба, отрывки из журнала Джонсона «Рассеянный», вступление Брауна к «Трубке с табаком» (подражание Поупу), «Сентиментальное путешествие» Стерна («ворота без ключа» и скворец) и, конечно же, «Обеты влюбленных» [пьеса А. Коцебу «Дитя любви». — *А. Л.*] в неподражаемом переводе миссис Инчболд (смешней некуда). Обсуждая со студентами «Холодный дом», я совершенно пренебрегал всеми социальными и историческими аллюзиями, зато выявил целый ряд поразительных тематических рядов (тема тумана, тема птиц и т. д.) и три основных структурных стержня: тема «преступление — тайна» (самая слабая), тема «ребенок — нищета» и тема «судебный процесс — суд лорда-канцлера» (самая лучшая). По-моему, мне было интереснее, чем моим ученикам.

Беспокоюсь за Романа. Оправился ли он после сердечного приступа?

Весьма вероятно, что в Нью-Йорке я окажусь в начале следующего года. Очень хочу тебя повидать. Вера и я шлем Елене и тебе нежный привет.

В.

1951

10 марта 1951

Дорогой Кролик,

нет, я добросовестно перечитываю эти гоголевские истории (о чем ясно сказано в моей книге о Г.), и мое отношение к ним совершенно не меняется. Помню, что перечитывал «Вечера» в 1932-м или в 1933 году, когда писал статью о Гоголе по-русски — до сих пор пользуюсь ею на занятиях по русской литературе.

В курсе европейской словесности я прочел лекции об «Анне Карениной» и о «Смерти Джона, сына Илии» [«Смерть Ивана Ильича» — *А. Л.*] (шутка) и собираюсь теперь провести изящное сравнение между «Джекилом и Хайдом» и «Превращением», в котором пальму первенства отдам «Превращению». Далее последуют: Чехов, Пруст и — частично — Джойс. Монкрифовский перевод Пруста ужасен, почти так же ужасен, как перевод «Анны» и «Эммы» [«Анны Карениной» и «Госпожи Бовари». — *А. Л.*], но в чем-то еще безотраднее, ибо здесь мистер Монкриф бравирует son petit style à lui[145].

Ты получил два экземпляра «Убедительного доказательства», одно из них с dédicace? Когда будет возможность, перешли мне, пожалуйста, уэллфлитский экземпляр обратно. А мое скверное письмо о твоем скверном русском стихотворении{151} тоже получил? Ты будешь в Нью-Йорке в конце мая? Мы с Верой будем там в это время по причине и в связи с событиями, которые меня до упоминания о них в газетах просили не разглашать, но о которых, подозреваю, тебе должно быть известно.

Твой

В.

---

24 марта 1951

Дорогой Кролик,

может, это и глупо (в свете того, как я всегда относился к критике своих книг), но твое письмо вызвало у меня острый приступ удовольствия.{152} Мне бы очень хотелось получить письмо от Елены; пожалуйста, поблагодари ее от меня за теплое

отношение к «Убедительному доказательству». Название я пытался придумать самое нейтральное, какое только бывает, и в этом смысле оно удачно. Но с тобой я согласен: дух книги это название не передает. В начале у меня были варианты «Speak, Mnemosyne» и «Rainbow Edge»[146] — но ведь никто не знает, кто такая Мнемозина (и как она произносится), да и «RE» не ассоциируется со стеклянным наконечником, как «The Prizmatic Bezel»[147] (из достославного «Себастьяна Найта»).

Английский издатель Голланц{153} (ты знаешь это издательство?) хочет выпустить мою книгу, хотя название ему не нравится. Если бы Грин{154} (первая страница его романа «Ничто» **удивительна** — произношу это слово с твоей интонацией) не использовал в названиях своих книг так много односложных слов, я бы предложил Голланцу «Clues» или «Mothing»[148]!).

В моей жизни последнее время происходили следующие события. Карпович, глава русского факультета в Гарварде, через год в весеннем семестре будет отсутствовать и предлагает мне вместо него вести курс русской литературы, поэтому в январе мы, может статься, переберемся в Кембридж (о чем в сверхразумном и сверхскучном Корнелле я думаю с огромной радостью). Есть в этом переезде и еще один плюс: мы окажемся гораздо ближе к вам пространственно. Ужасно хотим приехать на Кейп-Код.

«Лайф» хочет поместить фотографии, на которых я ловлю бабочек, а также самих бабочек на цветах или в грязи, и я стараюсь изо всех сил, чтобы эти фотографии носили строго научный характер, — раньше (с редкими западными экземплярами, которые частично я описывал сам) ничего подобного не делалось. Так вот, не вполне понимая, чем это может обернуться, они отправляют со мной на неделю в июле фотографа на богатый бабочками юго-запад Колорадо или в Аризону. Дмитрий сегодня в отличной вокальной форме; напевает басом по-французски из «La Juive»[149] и через минуту потащит меня на футбольное поле для усвоения практических и теоретических навыков игры.

Я решил, что ты — que sais-je?[150] — тайно повлиял на решение Американской академии, которая 25 мая в торжественной обстановке вручает мне награду. Абсолютно ничего про эту организацию не знаю и сначала спутал ее с какой-то марктвеновской шарашкиной конторой, которая в прошлом чуть было не заполучила мое имя. Однако меня заверили, что эта академия — настоящая. Сообщение о награде меня просили не разглашать, пока оно не появится в газетах.

Привет вам обоим от нас обоих.

В.

№ 25 Уэст, 43-я стрит
26 марта 1951

Дорогой Володя,

Голланц — человек довольно умный, в книгах разбирается и печатает только то, во что верит; но издательство у него небольшое, поэтому много денег он тебе не даст. «Синий огонечек» он выпускает, но от другой моей книги отказался: на моих условиях он ее печатать не захотел, пришлось искать другого издателя.

Про твою академическую награду я ничего не знал и очень рад, что она досталась тебе. Несколько лет назад меня выбрали в Академию, но я отказался: там сидят сплошные посредственности. Хорошо в этой академии только одно: время от времени они дают деньги писателям. Возможно, дать тебе премию их надоумил Аллен Тейт — последнее время он очень активен. Не терпится поскорей увидеть номер «Лайфа» с фотографиями Набокова, за ловлей бабочек. Ужасно рад, что ты возвращаешься обратно в Кембридж.

Моя пьеса сейчас репетируется; премьера — 18 апреля.

Да, с жадностью, за один день, проглотил «УД» [«Убедительное доказательство». — *А. Л.*]. В «Классиках и рекламе»[151] я не изменил того, что написал в 1944 году, — что твой английский мало в чем уступает английскому языку Конрада. Исправлять уже сказанное мне не хотелось, и я оставил все как было. Английский язык «УД» по меньшей мере не хуже конрадовского, а в чем-то и несравненно лучше. Думаю, придирчивая — под мелкую гребенку — стилистическая правка (временами возмутительно глупая) редакторов «Нью-Йоркера» пошла тебе на пользу. Я обратил внимание лишь на два предложения, которые показались мне по крайней мере сомнительными. Но со времени «Незаконнорожденных» твой язык, безусловно, стал не в пример более изящным и гибким. В этой книге твои симпатии старому режиму не кажутся мне, как это бывало в иных случаях, такими уж преувеличенными.

Привет Вере и Дмитрию.

ЭУ.

802 E. Сенека-стрит
Итака, Нью-Йорк
13 июня 1951

Дорогой Кролик,

<…> мне надоело, что мои книги погружены в тишину{155}, как бриллианты в вату. Безумный энтузиазм, коим преисполнены письма ко мне частных лиц, до смешного несопоставим с полным отсутствием интереса, который проявляют к моим книгам мои глупые и неумелые издатели. И они такие обидчивые, эти издатели. После того как я со всей откровенностью высказал «Харперу и Харперу» свое суждение об идиотской рекламе, которую они состряпали к «Убедительному доказательству», они совершенно ко мне переменились и теперь с патологическим удовольствием мою книгу замалчивают. В результате моего гордого, безразличного и даже презрительного отношения к fata[152] моих творений, доблесть и честность в конечном счете так и не взяли верх над посредственностью и мелкотравчатостью. Напротив, я совершенно dèche[153], погряз в финансовых проблемах, не могу избавиться от тяжкого и постылого (к тому же скверно оплачиваемого) академического рабства и т. д. «Нью-Йоркер» отказывается печатать лучший рассказ из всех, мною написанных{156}, то же, что я пишу сейчас, наверняка будет отвергнуто всеми журналами без исключения. Но впредь je vais me trémousser[154], буду деловит и хитер, буду посылать свои книги критикам, буду вписывать в контракты с издателями специальные пункты, согласно которым им придется раскошелиться на рекламу моих книг.

Мы складываем вещи: осенью у нас будет другой дом, поменьше, но удобнее. Отправляемся на запад *в двадцатых числах сего месяца* и, возможно, проведем июль поблизости от Теллурайда, на юго-западе Колорадо, где я собираюсь на природе изучить бабочку, которую описал в лаборатории. Беру с собой подробные записи, имеющие отношение к роману, который, сумей я полностью на нем сосредоточиться, был бы через год закончен. <…>

Твой
В.

623, Хайленд-роуд
Итака
Первые числа сентября 1951 года

Дорогой Кролик,

я болен. Врачи говорят, что у меня нечто вроде солнечного удара. Ситуация идиотская: два месяца изо дня в день карабкаться по горам в Роки-маунтинз, без рубашки, в одних шортах — и рухнуть под вялыми лучами нью-йоркского солнца на подстриженном газоне. Высокая температура, боль в висках, бессонница и нескончаемый, великолепный и совершенно образцовый беспорядок в мыслях и фантазиях. <…>

В Гарварде зарплату мне будут платить вполне пристойную; помимо двух русских курсов, мне дают еще европейский роман (от Сервантеса до Флобера). Нынешние же мои обстоятельства хуже некуда, и это притом, что весной я взял у Романа в долг тысячу долларов. Нет ни одного журнала, который счел бы возможным напечатать или хотя бы понять (это относится и к «Нью-Йоркеру») мой последний рассказ, и коль скоро у меня нет ни малейшего желания идти навстречу «широкому читателю», мне предстоит оставаться в сфере, которую дураки называют «экспериментальной» литературой, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Здесь мне не доплачивают самым нелепым и оскорбительным образом. Люблю жаловаться — потому все это тебе и выкладываю.

Числа 17, если поправлюсь, отвезу Дмитрия в Гарвард. Не может ли так случиться, что вы с Еленой окажетесь в Кембридже между 17 и 20 сентября? Занятия у меня начинаются 21-го. Нам с Верой очень бы хотелось бросить на вас обоих хотя бы мимолетный взгляд.

С душевным приветом
В.

1952

623 Хайленд-роуд
Итака
16 января 1952

Дорогой Кролик,

тысячу лет ничего от тебя не получал. Мне следует, полагаю, поблагодарить тебя за те, полагаю, теплые слова, которые ты, полагаю, произнес, когда отвечал на вопросы обо мне, которые, полагаю, задавались в фонде Гуггенхайма. Я и в самом деле с большим удовольствием займусь переводом «Е. О.» [«Евгения Онегина». — *А. Л.*] на английский язык со всеми причитающимися ухищрениями и тысячами примечаний. Кстати, ты исправил злосчастное описание дуэли в своей книге (второе издание уже было?)? Пожалуйста, сделай это — если еще не сделал.

В добром ли ты здравии? Дома все благополучно? Мы с Верой рассчитываем в этом году видеться с вами чаще. <…>

Первый семестр Дмитрия в Гарварде начался бурно, и мы не без интереса ожидаем результатов экзаменов. Был в Нью-Йорке, остановился у Гринбергов. Роман, по-моему, выглядит лучше. Он перевел на русский язык главу «Exile»[155] из «Убедительного доказательства», но сейчас я со страхом и отчаянием вижу, что труд его пропал даром. По-русски мой текст выглядит ужасно резким и издан быть не может, пока те, о ком я пишу сквозь свою американскую завесу (которую перевод, разумеется, срывает), еще живы.

Несколько месяцев назад Алданов (в таких делах он ведет себя безукоризненно) надоумил меня обратиться в фонд Форда в связи с публикацией моего большого русского романа «Дар» (в книжном издании роман до сих пор еще не выходил), и, к моему изумлению, фонд приобрел на эту книгу права.

Как обычно, я чертовски занят, но в Кембридже, надеюсь, у меня выдастся время для некоторых приятных трудов, в частности, для романа (по-английски), который я пальпирую в уме уже второй год.

Напиши же мне хоть несколько слов.

Вера и я шлем Елене и тебе наши наилучшие пожелания и приветы.

В.

Уэллфлит, Кейп-Код
Массачусетс
18 января 1952

Дорогой Володя,

я от всей души рекомендовал тебя Гуггенхайму, но лучше было бы предложить им что-нибудь другое: жаль, по-моему, тратить столько времени на «Онегина», тебе ведь надо писать собственные книги.

Описание дуэли в английском издании «Трех мыслителей», которое вот-вот выйдет, я исправил, тем не менее совершенно ясно, что, по мысли Пушкина, Онегин *воспользовался* рассеянностью Ленского.

Жизнь мы ведем здесь очень однообразную, но довольно приятную и деятельную. Я работаю над огромной книгой, в которую войдут девяносто две статьи, написанные еще в 20 и 30-е годы, и которая станет чем-то вроде литературных мемуаров. Завтра собираемся в Бостон в отпуск, который по той или иной причине все время откладывался. В конце месяца рассчитываем попасть в Нью-Йорк, где пробудем февраль и март. Мы очень рады, что вы переезжаете в Кембридж, обязательно там увидимся.

Теперь, после смерти Росса, никто не знает, что будет с «Нью-Йоркером». Боюсь, как бы журнал вместо того, чтобы начать новую жизнь, не рухнул окончательно.

Что ты думаешь о Колетт{157}? Я читаю ее впервые, и нравится она мне не слишком, а книги о Шери и вовсе вызывают отвращение. Я не излагал тебе свою теорию о роли *решительного шага* и *пристального взгляда* в русской литературе? Если нет, как-нибудь изложу.

Хотелось бы почитать рецензию Гарольда Николсона{158} на твою книгу. Ты, думаю, видел еще одну в «Нью-Йоркере»{159}.

Всегда твой
ЭУ.

24 января 1952

Дорогой Кролик,

спасибо за рекомендацию. «Е. О.» не займет у меня слишком много времени, и можно будет с легкостью сочетать перевод с другими литературными удовольствиями. Но преподавать мне надоело, надоело, надоело. До отъезда в Кембридж предстоит прочесть сто пятьдесят экзаменационных работ.

Не пропусти мой рассказ «Ланс» в одном из ближайших номеров «Нью-Йоркера». А в рассказе не пропусти место, где упоминаетесь ты и Елена{160}. В текст рассказа это упоминание внесено ради блеска муарового шелка, каковой эффект является истинным признаком гениальности, спаржей искусства, если ты понимаешь, что я имею в виду. Кэтрин Уайт, по причинам, которые будут тебе понятны, смутно догадалась, о ком идет речь, и высказалась против этой ссылки, но я не поддался. В этот маленький рассказ я вложил столько нервной энергии, что она эквивалентна полудюжине далеких раскатов грома.

Ты спрашиваешь меня, что я думаю о Колетт. C'est pour les gosses[156]. Второразрядная литература, из тех, что читают на пляже. Не о чем говорить.

Зато *пристальный взгляд* вызывает у меня пристальный же интерес. У тебя и в самом деле есть какие-то соображения на этот счет? Хочется узнать о них поподробнее.

Спасибо за статью Гарольда Николсона. У меня создалось впечатление, что причины его привередливого недовольства следует искать в области политики. Когда-то он был настроен очень просоветски, в былые времена повязывал даже красный галстук, и я слышал, что гувернантка из его «Каких-то людей» — это та самая старуха-англичанка, что одно время служила гувернанткой у моих младших сестер в Петербурге. Должен признаться, книга эта мне тогда очень понравилась, зато поздние его опусы никуда не годятся. Между прочим, — вот он, коронный удар Сирина! — Николсон, смешно сказать, перепутал в своих «Каких-то людях» петербургский музей «Эрмитаж» с московским рестораном «Эрмитаж». <…>

Будь здоров.

В.

---

9 Мейнард-плейс
Кембридж, Масс.

21 февраля 1952

Дорогой Кролик,

хорошо, что предупредил меня, что не будешь участвовать в этой унылой гоголевской истории.{161} Симмонс тоже мне написал, но на его письме стоял адрес Корнелла, и добиралось оно до меня целую неделю; получил я его уже после твоего письма, незадолго до энергичного телефонного звонка «Эрни» (как называет его Гарри{162}), которого мое молчание озадачило. Конечно, ты прав, и «это все пустое» (как заметили Татьяна Ларина и Фанни Прайс){163}. Я сказал ему по заснеженному телефонному проводу, что только в том случае, если они заплатят солидный гонорар, я готов рассмотреть, и т. д.

Ты так и не написал мне, прочитал ли «Ланс». Мне казалось, что я довольно удачно вплел в текст Уайтов и Уилсонов. Так мы поедем в Нью-Йорк встречаться с Шонами? Мне хочется спокойно поговорить с тобой эдак часа четыре с половиной за стаканчиком вина, после чего будем долго, подперев голову локтем, ужинать.

Здесь мы отлично проводим время. Дважды в неделю, стоя над пропастью, в которой сгрудилось не меньше пятисот студентов, мечу громы и молнии в Сервантеса и выкручиваю руки Достоевскому на занятиях по русской литературе.

Страшный опыт весны 1948 года, когда мне пришлось делать анализ мокроты и бронхоскопию, вновь, точно привидение, прокрался в мою жизнь после того, как на самом заурядном рентгеновском снимке у меня обнаружилась «тень за сердцем». Тень эта преследует меня больше десяти лет, и ее природу ни одному врачу по сей день постичь не удалось. «Тень за сердцем» — чем не название старомодного романа!

У нас прелестный, покосившийся от времени дом с массой bibelots и хорошей bibliothèque[157], этот дом сдала нам прелестная лесбиянка Мей Сартон.

Наши с Верой самые теплые пожелания Елене и тебе.

В.

Талкотвилл, Нью-Йорк
26 августа 1952

Дорогой Володя,

Принстон только что получил субсидию от одного из фондов-

миллионеров и теперь имеет возможность приглашать оригинально мыслящих лекторов со стороны. Читаешь в общей сложности шесть лекций (или проводишь беседу — на выбор), одну лекцию в неделю, и больше от тебя ничего не требуется. Жить, правда, ты должен в Принстоне весь семестр и посещать, тоже раз в неделю, лекцию своего коллеги, что, по словам Марио Праца, — чистый садомазохизм. После лекции предполагается проводить дискуссии, в ходе которых ты будешь подвергаться нападкам со стороны «новых критиков» и недавно обращенных католиков. За все это ты получишь 5000 долларов. Я порекомендовал им пригласить тебя, Сирила Коннолли и Праза, а также целый ряд других людей; боюсь, однако, что они предпочтут позвать полуакадемических посредственностей, с которыми им проще иметь дело.

Живу я здесь лучше некуда. Этот дом принадлежал семье моей матери и после ее смерти достался мне. Построен он был примерно в 1805 году. Талкотвилл — место старомодное и довольно странное. Мне здесь чудесно, а вот Елене скучновато. Надеюсь, ты меня навестишь, когда приведем дом в порядок.

Уезжаем мы отсюда в День труда; в сентябре буду в Уэллфлите.

Привет Вере.

ЭУ.

Голдвин-смит (Холл)
Корнелл
21 октября 1952

Дорогой Кролик,

спасибо от нас обоих за твой новый сборник *Брега Лучезарные.* Думаю, буду читать — или перечитывать — эти стихи с огромным удовольствием и, когда ты ждешь этого меньше всего, метать в тебя критические стрелы.

Благодарен тебе также за трогательную принстонскую рекомендацию. Пока, увы, никакого приглашения не последовало.

Если ты откроешь словарь Вебстера 1949 года издания (а возможно, и издания предыдущих лет), то в рубрике «Биографические имена» прочтешь про своего героя [маркиза де Сада. — *А. Л.*] следующее: «Сад, де… — французский солдат и извращенец». Вдумайся в эти две профессии в сочетании с

«грязным» эпитетом («французский») и изысканным ритмом всей фразы (амфибрахическим и строгим).

Твой
В.

Принстон, Нью-Джерси
3 ноября 1952

Дорогой Володя,

вебстерское определение Сада привело меня в восторг. Я уже получил с десяток писем от возмущенных садистов — некоторые написаны неразборчиво.

Тебе когда-нибудь приходилось читать *уголовный роман* Чехова *Драма на охоте?* Он выходил частями в 1884–1885 годах, но больше никогда не переиздавался. Вещь, по-моему, весьма примечательная, не понимаю, почему вокруг нее так мало шума (был, правда, снят по этому роману голливудский фильм). Обязательно прочти его, если еще не читал. Это третий том нового советского собрания сочинений — есть *Драма на охоте* наверняка и хотя бы в одном из изданий более старых.

Живем мы здесь припеваючи. О такой работе можно только мечтать. Я уговаривал их пригласить и тебя, и они вроде бы не против, но в их списке больше семидесяти имен; к тому же человек, который за это отвечает (он наполовину бельгиец, наполовину южнокаролинец), крайне рассеян: вечно опаздывает на поезд и теряет ключи. Тебе и он, и его сподручные очень бы полюбились.

Привет Вере.
ЭУ.

1953

Портал, Аризона
3 мая 1953

Дорогой Кролик,

это великолепное место неподалеку от Парадайс[158] (город-привидение), в шестидесяти милях от цивилизации (Дуглас); от кактуса до сосны здесь — десять минут на машине, а оттуда в гору — рукой подать до осины. Слово portal[159] довольно причудливо ассоциируется в моем уме (где всегда роилось больше ассоциаций, чем мыслей) с неким эвфемизмом из твоей «Гекаты».

По пути сюда мы так с вами и не повидались. Я, впрочем, был на грани нервного срыва и для общения не годился. Два месяца в Кембридже я только и делал (с девяти утра до двух часов дня), что писал комментарии к «Е. О.». Гарвардские библиотеки превосходны. Я даже отыскал в них сонник, в котором Татьяна нашла объяснение своему провидческому сну. Труд мой составит страниц 600, войдет сюда и (ритмический) перевод всех известных пушкинских строк (даже тех, которые он вычеркнул). Когда пришло время покинуть Кембридж, я был так издерган, взвинчен и измучен бессонницей и всем прочим, что решил на несколько месяцев отложить Пушкина и начать перепечатывать новый роман (о котором расскажу подробнее осенью). Несколько часов в день у меня уходит на ловлю бабочек. Мне вдруг пришло в голову, что можно было бы вместо Стерна взять со студентами Филдинга, но «Том Джонс» ужасно однообразен (чего стоят эти его довольно беспомощные отсылки к Хогарту).

В Бостоне мы отлично пообщались с твоей прелестной дочерью. Я сыграл с ней незабываемую партию (нет, две партии) в шахматы. Видел также Тейта; мертвецки пьяный Тейт читал в Радклифе свои стихи, а также стихи Рэнсома, Каммингса и Бишопа. Очень милый человек.

Напиши мне, пожалуйста. Мы (Вера и я, а в дальнейшем и Дмитрий, перед тем как в июле заняться альпинизмом в Британской Колумбии, возможно, подадимся на север) пробудем здесь по крайней мере до середины лета. У нас отличный коттедж на ранчо, в главном доме нет никого, кроме горного инженера (чье хобби состоит в подсчете частотности слов, используемых в кроссвордах) и его девяносточетырехлетнего отца (который основал 106 церквей и был знаком с сестрами Фокс{164}).

Привет вам обоим от нас обоих.

В.

Уэллфлит, Масс.
16 мая 1953

Дорогой Володя,

рад был твоему письму. Куда ты собираешься по возвращении из Аризоны? Конец лета мы проведем в Талкотвилле (штат Нью-Йорк), и, если вы будете в Итаке, можем повидаться — у вас или у нас.

Получится ли у тебя издать книгу до следующей осени? Очень на это рассчитываю, ибо тогда у меня будет предлог написать о тебе длинную статью в «Нью-Йоркер» и включить ее в сборник, который должен выйти в 1954 году. Для моей статьи роман был бы предпочтительнее, чем «Евгений Онегин», но пригодится и «Онегин». Ты будешь моей следующей — после Тургенева — русской темой. (Я договорился с «Нью-Йоркером» о статье про «Пятикнижие», прочитанное в первый раз.)

Насчет Филдинга: мне он всегда казался безжизненным. «Том Джонс» сильно переоценен. Вообще, по-моему, англичане в своей литературе лучше, чем в жизни, но Филдинг восхищает их солидными английскими качествами в самом неинтересном виде: здравый смысл, хорошее чувство юмора, задушевность, честная мужественность. Ты совершенно прав, когда отдаешь в своих лекциях предпочтение Стерну.

Мы вернулись на Кейп; сбежать от академической общественности, сам знаешь, всегда приятно.

Собираюсь взяться за роман, который маячит передо мной уже много лет и повергает меня в трепет.

Держи меня в курсе своих передвижений и литературных замыслов.

Елена и Розалинда шлют вам всем привет.

Всегда твой

ЭУ.

Эшленд, Орегон
20 июня 1953

Дорогой Кролик,

мы с Верой приехали из Аризоны в Орегон, минуя район озер в Калифорнии и занимаясь по пути ловлей бабочек. Тем временем Дмитрий в старом, собственными руками собранном «бьюике» направился на запад от Гарвард-сквер. Встретились мы в Эшленде, прелестном местечке. Отсюда он поедет в июле в Британскую Колумбию заниматься альпинизмом со своим клубом, а его родители планируют остаться здесь до конца августа. Мы сняли дом у профессора (в Эшленде есть колледж), который на лето уехал на восток. Бабочки ловятся отлично.

Да, до осени 1954 года я koe-shto, прости, *кое-что* выпущу в свет. Книга пишется славно. В обстановке сверхсекретности покажу тебе — когда вернусь на восток — поразительное сочинение, которое к тому времени будет закончено. Кажется, я говорил тебе, что комментарий к «Е. О.» также составит целую книгу. Кроме того, я начал серию рассказов об одном прелестном существе, профессоре Пнине, к которому, надеюсь, «Нью-Йоркер» проявит интерес. Вкладываю в письмо два стихотворения{165}. У меня есть еще несколько, но они куда-то подевались. Первое было отвергнуто «Нью-Йоркером» как малопонятное; второе только что отослано К. Уайт и, не исключено, будет отвергнуто тоже.

Теперь, после Филдинга, я взялся за очень любопытную толстую книгу с немыслимыми узорами викторианских недоговоренностей — это «Дэниэл Деронда» Джордж Элиот.

Печально, что мы так редко видимся. Весь следующий год проведем на востоке и поедем на океан. В Итаку вернемся в сентябре, и, надеюсь, вы будете поблизости от нас.

Я — решительный противник высшей меры наказания. Все что угодно лучше смертной казни — даже несправедливое помилование.

Привет от всех нас всем вам.

1954

Таос, Нью-Мексико
30 июля 1954

Дорогой Кролик,

собираюсь написать тебе уже несколько месяцев, но дел и тогда, и сейчас, да и в будущем, невпроворот. Прежде всего, хочу поблагодарить тебя за сборник пьес{166}. Я по-прежнему считаю, что «Синий огонечек» — самая гармоничная и многозначная из всех твоих пьес. Дьявольская же пьеса показалась мне на редкость забавной и хорошо написанной. Вера также шлет тебе свою благодарность и просит передать, что высоко ценит твои труды. Твое библейское эссе{167} в «Нью-Йоркере» мне очень понравилось; с нетерпением жду продолжения. <…>

Работу над «Евгением Онегиным» пришлось отложить. Отчасти из-за издания на английском языке «Анны Карениной» с моими примечаниями, комментариями, вступлением и т. д.{168} «Саймон энд Шустер» хочет сначала выпустить первый том с примечаниями, и я его уже закончил. С «Вайкингом» я заключил договор на книгу о Пнине, но допишу ее не раньше конца зимы.

Роман, над которым я работаю почти пять лет, отклонен двумя издательствами («Вайкинг» и «С. энд Ш.»). Они утверждают, что читатели сочтут его порнографией. Сейчас отправил рукопись в «Нью дирекшнз», но и там роман вряд ли возьмут. Считаю его своей лучшей вещью на английском языке, и хотя тема и ситуация, безусловно, чувственны, искусство этой книги непорочно, а смех мятежен. Хочется, чтобы ты как-нибудь в нее заглянул. Пэт Ковичи{169} сказал, что, если она выйдет, нас всех посадят. Создавшуюся ситуацию я переживаю довольно тяжело. Нелегко дается мне и русская версия «Убедительного доказательства», которая выходит частями в «Новом журнале» и издана будет осенью в издательстве Чехова. Пожалуйста, пиши. Привет Елене от нас обоих.

Твой В.

Итака, Нью-Йорк
9 сентября 1954

Дорогой Кролик,

нам пришлось срочно покинуть Таос. Заболела Вера (что-то с печенью), и диагноз врача из Альбукерка был столь тревожным, что мы, все трое, со всех ног бросились в Нью-Йорк. Тамошние врачи, однако, тщательно Веру обследовали и сочли ее здоровой — и вот мы вновь в Итаке.

Спасибо за твое славное письмо, а также за то, что написал про мой роман в издательство «F & S». Лафлин по сей день не выпускает его из своих больших мозолистых рук. Мне очень хочется, чтобы ты его прочел, — это, **несомненно,** моя лучшая книга на английском языке.

Буду в Нью-Йорке 14-го — выступаю в Английском институте Колумбийского университета с докладом «Проблемы перевода» («Онегин» по-английски). Лето получилось безумное. Из-за Вериной болезни и некоторых других непредвиденных расходов я оказался в презренном положении нищего и должника.

Твой

В.

Уэллфлит
Кейп-Код, Масс.
30 ноября 1954

Дорогой Володя,

Роджер Страус{170} передал мне рукопись твоей книги, и я прочел ее, когда был в Нью-Йорке, — увы, второпях, поскольку должен был ее вернуть; тебе же решил не писать, пока не узнаю, что думают о романе другие. Дал его прочесть Елене и Мэри. Прилагаю соображения Мэри о твоей книге из письма ко мне — она разрешила их тебе процитировать. Елене книга понравилась больше, чем нам с Мэри, — отчасти, думаю, потому, что на Америку она смотрит, как и твой герой, глазами иностранца. В маленькой героине, например, она не находит ничего неестественного, мне же Лолита кажется довольно надуманной.

Боюсь, что никто твою книгу печатать не станет, за исключением разве что Лафлина. Тем не менее я написал о ней поэту по имени Уэлдон Кис{171}, который недавно сообщил мне, что сотрудничает с новым издательством в Калифорнии, это издательство хочет выпускать книги, от которых отказываются другие. Я также поговорил о ней с Джейсоном Эпстайном из

«Даблдей». Насколько я помню, когда ты вернул им свою часть аванса за ту русскую книгу, которую мы с тобой собирались у них издавать, вы договорились, что ты дашь им роман. Ты им что-нибудь посылал? Эпстайн также заинтересовался твоим переводом «Онегина» для их серии «Энкор» в мягкой обложке. Серия эта пользуется огромным успехом, и я неплохо заработал на двух своих книгах, изданных в ней. Они готовы дать тебе большой аванс, но, поскольку речь идет о книге в мягкой обложке, отрецензирована она будет вряд ли. Для меня это никакого значения не имеет, и я собираюсь предложить им сборник эссе по русской теме. На твоем месте я послал бы Эпстайну «Онегина», когда работа над ним будет закончена. Парень он очень неглупый, прекрасно начитан и с отличным вкусом.

А теперь о твоем романе. Мне он нравится меньше, чем все, что я у тебя читал. Рассказ, из которого вырос роман{172}, был любопытен, однако на роман эта тема «не тянет». Из грязных идей порой рождаются прекрасные книги — но, по-моему, тебе с этой идеей справиться не удалось. Мало того, что герои, да и сама ситуация, вызывают отвращение, но они к тому же изображены в таком ракурсе, что выглядят совершенно нереальными. Различные перипетии сюжета и кульминация в финале грешат, с моей точки зрения, тем же недостатком, что и кульминация в романах «Под знаком незаконнорожденных» и «Смех во тьме»: они слишком абсурдны, чтобы вызывать ужас и стать трагедией, и вместе с тем слишком отвратительны, чтобы вызвать смех. К тому же в этой книге — что для тебя не характерно — слишком много заднего плана, описаний места действия и т. п. Я готов согласиться с Роджером Страусом, посчитавшим, что вторая часть несколько затянута. Согласен я и с Мэри, что твое мастерство становится порой утомительным; не разделяю, однако, ее упрек в «невнятности». Я внес в рукопись несколько поправок.

Мне и самому жаль, что книга мне понравилась не слишком. И жаль, что мы так редко видимся. 15 декабря мы приезжаем в Нью-Йорк, где пробудем неделю. Если соберетесь туда на каникулы — дайте знать. Возможно, мы остановимся в «Алгонкине»; если же нет — ты всегда сможешь связаться со мной через редакцию «Нью-Йоркера».

Всегда твой

ЭУ.

1955

Голдуин-смит-холл
Итака, Нью-Йорк
19 февраля 1955

Дорогие Елена и Кролик,

с опозданием, но с находящейся в полной сохранности нежностью хочу поблагодарить вас за ваши письма — письмо Елены было особенно очаровательным.

«Даблдей», конечно же, вернул мне рукопись [«Лолиты». — *А. Л.*], и я отправил ее во Францию. Предполагаю, что в конце концов ее напечатает какое-нибудь сомнительное издательство, обозвав роман на манер венского сновидца — например, «Сило».

(В «Даблдей» я снес не одну книгу, а по меньшей мере две или три, — последней, помнится, были отправленные по их просьбе «Незаконнорожденные», тогда редактором подразделения «Перма-букс» до прихода Эпстайна был, если не ошибаюсь, Маккей.)

За последние несколько месяцев я с головой ушел в «Онегина». Перевод текста и всех вариантов, какие я только смог отыскать, закончен, но комментарии огромны, и работа над ними займет много месяцев. «Даблдей» не захотел издавать эту вещь в том виде, в каком мне бы хотелось, с примечаниями страниц по крайней мере на 400 и с русским текстом en regard[160]. Я обнаружил массу сенсационных аналогий в английской и французской литературе и разгадал тайну эпиграфа.

Кролик, мне *очень* понравилось твое палестинское эссе{173}. Оно — одно из самых твоих удачных.

Для нас эта зима была и остается очень нелегкой. Работа над «Лолитой» и «Онегиным» не облегчила моих финансовых горестей. Роман о русском профессоре Пнине продвигается очень медленно. «Нью-Йоркер» приобрел из него еще одну главу.

Этой весной Дмитрий кончает Гарвард. Планы наши на лето весьма туманны. В следующем весеннем семестре беру полугодовой творческий отпуск. Мы с Верой без вас скучаем.

В.

P.S. Один одаренный молодой драматург переделал моих «Незаконнорожденных» в довольно приличную пьесу. Был бы тебе благодарен, если бы ты посоветовал, кому ее показать.

10 марта 1955

Дорогой Кролик,

спасибо за совет относительно театрального агента. План, по-моему, превосходный. Я еще написал некоему Э. Казану{174}, с которым когда-то познакомился в Кембридже, штат Массачусетс.

Да, «Нью-Йоркер» заплатил мне за главу из «Пнина» более чем щедро. Надеюсь закончить роман (который уже продал «Вайкингу») в июне.

Нет, я имел в виду «Pétri de vanité»[161] — эпиграф ко всему роману. Тот же, который упоминаешь ты, — эпиграф ко второй главе. Rus — деревня — взят, конечно же, из Горация, Сатира VI. Каламбур я обнаружил в Bièvriana, пресном собрании jeux de mots[162], приписываемых маркизу де Бьевру. Вот что я также обнаружил в дневнике Стендаля (Приложение II, изд. 1888 года). В записи от 1838 года читаем: «En 1791… le parti aristocrate attendait les Russes à Grenoble (Суворов был в Швейцарии); ils s'écriaient: „O Rus, quando ego te aspiciam!“»[163] В отношении главного эпиграфа (Pétri de vanité) я отыскал целую систему первоисточников: 1. «La Guerre Civile de Genève» Вольтера; 2. «De la Recherche de la Vérité» Мальбранша и, не в последнюю очередь, 3. «Lettre de M. Burke (Эдмунда Берка) a un Membre de l'Assemblée Nationale de France»[164] (!)

Все эти исследования доставили мне колоссальное удовольствие. Самым, пожалуй, сложным оказалось установить, кто был абиссинским предком Пушкина. Уж и не припомню, сколько старых и новых карт этой страны я пересмотрел, сколько путешествий (иезуиты, протестанты, Брус, Солт и т. д.) изучил, пока не нашел «Лагон» (Лого) — город, упоминаемый «Ганнибалом» (прадедом), который, только представь, был потомком Расселаса!

В этом году обязательно увидимся. Горячий привет тебе и Елене. Вера присоединяется.

В.

Голдуин-смит-холл
Университет Корнелл
2 июля 1955

Дорогой Кролик,

у меня побывал очень sympathique[165] Джейсон Эпстайн. Буду для них переводить (русского писателя, книгу еще предстоит выбрать{175}). Они дают мне 7,5 % с продаж и аванс 1000 долларов. Эпстайн предложил, чтобы относительно этого гонорара я посоветовался с тобой. Какие еще вопросы мне следует ему задать? Перевод выйдет в серии «Энкор».

«Лолиту» я пристроил — может быть, она выйдет следующим летом. Хотелось бы, чтобы ты ее прочел.

Летом мы на запад не едем. Пока не кончу «Пнина», уехать из Итаки не смогу. Отдал в «Нью-Йоркер» еще одну главу. Мы с Верой шлем вам с Еленой нежный привет.

В.

P.S. Где ты в данный момент находишься? Эпстайн говорит, что ты в Талкотвилле, а Роберто Фазола — что в Уэллфлите. Поэтому посылаю это письмо по двум адресам.

В.

---

17 декабря 1955

Дорогой Кролик,

огромное спасибо за английское издание «Трех мыслителей» и за переделанную дуэль. Теперь, во всяком случае, понятно, кто в кого стреляет.

Кончил читать твою очередную книгу{176}, Вера же дошла только до середины. Твои короткие предисловия нам очень нравятся. Отбор авторов превосходен, хотя, по мне, слишком много Лоуренса и Андерсона{177} — с художественной точки зрения и тот и другой полнейшие посредственности.

«Онегин» почти закончен. Предстоит еще месяц-другой посидеть в библиотеках. И остается гигантский указатель, я его даже не начинал и хочу сделать как можно более полным и подробным. Февраль и март проведем в Кембридже с Дмитрием и с Уайденеровской библиотекой. Надеемся повидать вас с Еленой у нас.

Мы с Верой желаем вам всем замечательного Рождества.

Привет.

В.

1956

Мюнхен
Максимиланштрассе 4
Отель «Четыре времени года»
1 сентября 1956

Дорогой Володя,

твое письмо дошло до меня только что. Последнее время часто о тебе думал — пытался представить тебя в Германии. Елена вернулась в Уэллфлит: уезжая, мы оставили Элен{178} у друзей, и ее надо было забрать. Билет на пароход заказан на 2 октября, но уеду, возможно, раньше. Будешь в Нью-Йорке — зайди в Принстонский клуб: я там бываю.

Веду тихую, размеренную одинокую жизнь в этом превосходном отеле; вечерами хожу слушать превосходную оперу и пытаюсь дочитать «Die Leiden des Jungen Werthers»[166] — читать его я начал еще в 1933 году и так до сих пор и не закончил. Страшно подумать, что из-за этой книги столько молодых людей по всей Европе сводили счеты с жизнью.

Вчера вечером видел Николая — он был здесь проездом в Зальцбург, где, как всегда, налаживает культурные связи. Несколько раз мы видели его в Париже и побывали в его потрясающем загородном доме. Великолепные сад и огород, чудесный маленький синеглазый мальчик и не слишком хорошенькая, но молодая, синеглазая и прекрасно образованная жена. Его теща живет в одиночестве (тесть недавно умер) в огромном château[167] со средневековыми башнями и поросшим илом рвом. У Николая с женой дом поменьше, поблизости от тещиного замка. Николай любит водить по замку гостей, развлекая их, как он сам говорит, типичными прибаутками экскурсовода. Никогда не видел его таким безмятежным и счастливым. Иван, его сын от первой жены, женится на дочери крупного французского дипломата. И все же не могу отделаться от ощущения, что ему (Николаю) эта жизнь может вдруг до смерти надоесть и захочется все бросить. В настоящий момент он сочиняет оперу про Распутина по либретто Стивена Спендера{179}. Он, безусловно, добивается поразительного драматизма, музыка же оставляет желать лучшего.

Есть у Николая забавная история про то, как в нашем посольстве его приняли за автора «Лолиты» и позвонили, чтобы выяснить, где можно достать двадцать экземпляров книги. Она, кстати, стоит на витрине нескольких магазинов на улице Риволи.

Зная, что я интересуюсь Жене, Николай попытался через своих соседей устроить мне с ним встречу, однако Жене, якобы, сказал: «Un Américain? Est-ce qu'il y a de l'argent pour me donner? Est ce qu'il tape?»[168]. Когда ему ответили, что я едва ли собираюсь ссудить его деньгами, он тут же потерял ко мне всякий интерес. Последнее время он вошел в моду, «Галлимар», изъяв откровенно неприличные места, выпустил его сочинения, которые разошлись десятитысячным тиражом. Теперь Жене стал своего рода национальным достоянием, и, когда Кокто принимали в Академию, Жене посадили рядом с бельгийской королевой. Прошлым летом я прочел еще две его книги — они лучше той, что я давал читать тебе. Думаю, тебе имеет смысл в них заглянуть. Он и в самом деле замечательный писатель — когда садится на своего конька[169].

В следующем году ранней весной еду в Талкотвилл и планирую побывать у тебя в Итаке. Надеюсь, впрочем, что нам удастся увидеться и раньше.

Рекомендую тебе также роман Энгуса Уилсона «Англосаксонские позы». В Париже мы видели «En Attendant Godot»[170]. Пьеса оказалась замечательной, хотя, когда я читал ее, особого впечатления она на меня не произвела. В Германии сходят с ума от пьесы Томаса Вулфа{180}, чьи романы я так и не сумел одолеть. Написал ее Вулф в начале 20-х годов, но она никогда не издавалась и не ставилась; переводчик этой пьесы пригласил меня на премьеру.

Вот видишь, я держу тебя в курсе литературных новостей Старого Света.

Привет Вере.

Всегда твой

ЭУ.

На борту «Куин Мэри»
18 сентября 1956

Дорогой Володя,

читаю переписку Мериме и Тургенева («Une Amitié Littéraire», Hachette[171], 1952). Оказывается, что ты ошибался, посчитав, что Мериме не знал русского языка и за него будто бы переводила какая-то дама. На протяжении более десяти лет его обучал русскому языку Тургенев. Мериме сам перевел несколько

тургеневских рассказов, а переводы остальных проверял. Словари, которыми он пользовался, никуда не годились, и ему постоянно приходилось прибегать к помощи Тургенева. В этих письмах проявляются его слабые места, но во Франции он был в этой области первопроходцем, что, несомненно, делает ему честь. Книга показалась мне очень интересной, и, по-моему, тебе стоит в нее заглянуть. Любопытно отношение Мериме к Пушкину. В определенном смысле он дает ему высокую оценку, однако оговаривается, что судить о поэзии не берется. Более всего восхищает его в Пушкине côté Mérimée[172]. Я и забыл, какой ханжеской и викторианской была Вторая империя. Редактор «Ревю де Де Монд» постоянно приглаживает Тургенева, да и Мериме высказывается против жестокости рассказов Тургенева.

Мне удалось поменять билет, я отплыл предыдущим пароходом и прибываю раньше, чем рассчитывал; сегодня причаливаем, и в конце недели буду в Уэллфлите.

Всегда твой

ЭУ.

---

22 октября 1956

Дорогой Кролик,

с удовольствием прочел твое письмо про Мериме. Да, обязательно посмотрю эту книгу.

Жаль, что не застал тебя в Нью-Йорке, где мы пробыли несколько дней на прошлой неделе. Позвонил в Принстонский клуб — и медленно, как в кино, положил трубку.

Совещался с Эпстайном, Дюпи{181} и Ласком о том, какую часть (или части) «Лолиты» опубликовать в «Энкор»; эта публикация должна занять четвертую часть номера. Пишу тебе, сидя на экзамене по *Слову* [«Слову о полку Игореве». — *А. Л.*].

Вера (она тоже принимает экзамен) шлет вместе со мной Елене и тебе самый нежный привет.

В.

Осточертело преподавание — попусту трачу слишком много времени.

---

13 декабря 1956

Дорогой Кролик,

только сейчас благодарю тебя за твою книгу{182} — хотелось сначала ее прочесть, но все время что-то отвлекало. Теперь мы оба ее прочли и хотим выразить сердечную благодарность за твою прелестную дарственную надпись.

В книге есть очаровательные, первоклассные вещи, например, про твоего отца и первый из двух очерков про евреев, но вот твоя концепция русской истории, меня, как всегда, не может не расстраивать. Она неверна от начала до конца, ибо основывается на приевшейся большевистской пропаганде, которую ты впитал в юности. Не могу взять в толк, как это у тебя, тонкого ценителя русских писателей XIX века, обширные литературные познания сочетаются с полнейшим незнанием obshchestvennogo dvizhenia, которое началось еще при Александре I, давало о себе знать (несмотря на абсолютизм) на протяжении всего столетия и с пропагандистскими целями намеренно принижалось ленинцами и троцкистами.

Мне также кажется, что некоторые твои зоологические и биологические воззрения научно не обоснованы.

Мы всегда были откровенны друг с другом, и я знаю, что от моей критики руки у тебя не опустятся.

Чудесный Джейсон Эпстайн прилетел сюда на ланч с англичанкой из «Хайнемана». Я всегда буду тебе ужасно признателен за то, что ты связал меня с «Даблдеем».

Мы с Верой беспокоимся, как прошла операция у малютки Элен. Она уже поправилась? Вы возвратились в Уэллфлит?

Привет Елене и тебе, желаем вам всем прекрасного Рождества.

В.

1957

21 января 1957

Дорогой Кролик,

да, и монархисты, и большевики в равной степени ненавидят либералов (от меньшевиков до октябристов, включая, естественно, Партию народной свободы, куда входили мой отец и Милюков). Верно, никто не обращал особого внимания на эти нападки: монархисты и фашисты, будучи частью русской эмиграции, не играли никакой роли с точки зрения культуры, хотя с политической точки зрения были и остаются чрезвычайно активны по сей день. Финансовую помощь им оказывают американские снобы. D'ailleurs[173], если ты откроешь 13-ю главу моего «Убедительного доказательства», то найдешь там всю необходимую информацию по этому поводу.

Тебе будет, полагаю, также любопытно узнать, что британское правительство обратилось с просьбой к правительству французскому запретить книги американских авторов, написанные по-английски и опубликованные в Париже (в том числе и мою «Лолиту»), и французское правительство эту просьбу с готовностью удовлетворило. Возмущение французской печати, насколько мне известно, в американской печати отражения не нашло.

Очень хотим повидать вас обоих. Как-нибудь весной можем, когда будет тепло, приехать в Кембридж.

Вы бы видели Дмитрия! Великолепный парень с голосом Шаляпина.

Кончаю длинный очерк про английское и русское стихосложение (в основном в связи с ямбическим тетраметром).

Дружески жму (zhmu) *руку. Мы оба шлем вам обоим сердечнейший привет.*

В.

---

16 Фаррар-стрит
Кембридж, Масс.
29 февраля 1957

Дорогой Володя,

лежу с бронхитом и ларингитом уже почти две недели, поэтому я, скорее, dear drug, чем dear *друг*[174]. Поехал в Нью-Йорк на репетицию «Распутной молитвы», которую поставили в Нью-Йоркском университете, и там у меня случился рецидив. Как это характерно для англичан — принимать меры для запрещения английских книг во Франции! Абсурд! Ты не следишь за судебными процессами в Верховном суде, касающимися запрета на книги? Верховный суд только что принял решение о неконституционности одного из местных мичиганских законов против «неприличных» книг. Если к такому же выводу Верховный суд придет и на двух других процессах (один из них — нью-йоркский), я смогу переиздать «Округ Гекаты», а ты — опубликовать в Америке «Лолиту». Вот тебе очередной монархический курьез. Не устаю удивляться.

Всегда твой

ЭУ.

Мы провели очень приятный вечер с Романом и Дмитрием; Дмитрий, по-моему, отличный парень.

---

16 Фаррар-стрит
Кембридж, Масс.
17 марта 1957

Дорогой Володя,

появление «Пнина» немного взбодрило наше расстроенное семейство. С тех пор как мы сюда приехали, нас преследуют несчастья: последнее время все болеют, я опять потерял голос — не говоря о прочих невзгодах, из коих главная — смерть нашей старой собаки Бамби. «Пнин» поэтому явился как нельзя более кстати. Книга, по-моему, очень хороша, к тому же ты, наконец-то, установил связь с великим американским читателем. Думаю я так потому, что в рецензиях, которые попались мне на глаза, говорится одно и то же: никто не озадачен, все знают, как реагировать. По какому-то чудесному стечению обстоятельств, картинка на обложке также превосходна. В этом письме ты найдешь кое-какую правку и предложения. Имеются в книге и столь присущие «Даблдею» опечатки, но их меньше, чем обычно. Теперь, может статься, возникнет интерес и к «Лолите». Роман «Человек с огоньком»{183}, еще одна книга из той же серии (ее

мне прислали вместе с «Лолитой», и она показалась мне макулатурой), только что на законных основаниях вышел в Англии, и рецензенты пишут о нем с уважением. То, что английское правительство просит французов защитить английских туристов от дурных книг, а французы идут им навстречу — это, разумеется, полнейший бред. <…>

Привет Вере. Елена требует, чтобы я передал тебе, что «Пнин» ей ужасно нравится.

Всегда твой

ЭУ.

---

24 марта 1957

Дорогой Кролик,

с тупо-тусклым холодом в голове, хриплый, как *лошадь*[175], я на днях, продираясь сквозь туман в горле, читал лекцию о «Мемуарах из мышиной норки» [«Записках из подполья». — *А. Л.*] Достоевского, а потому всем сердцем тебе и твоей семье сочувствую. Не забывай о себе, *друже* (надеюсь, ты знаешь этот замечательный звательный падеж). <…>

Я с головой погрузился в своего «Онегина» и *обязан* закончить его в этом году. Наконец-то я нашел правильный способ переводить «Онегина». Этот — уже пятый или шестой вариант перевода. Теперь правлю и его, изгоняя все, что честность считает гладкописью, и привнося нескладность — первооснову голой истины.

Ропщу на стихии пространства и времени, что мешают нам видеться чаще.

Привет от Веры и от меня Елене и тебе.

Твой В.

Уэллфлит, Кейп-Код
Массачусетс
12 июня 1957

Володе:

1) **Нигилист** произносится так, как произношу его я — не «**ниигилист**»; посмотри любой словарь.

2) Только что изучал *Рукою Пушкина.* Во вступлении к первой части говорится о попытках Пушкина что-нибудь написать на шестнадцати языках, что подтверждается записными книжками, которые следуют далее. На страницах 28, 90, 99, 102, 506 и 597 ты найдешь переводы или цитаты из английских авторов, в том числе из таких поэтов, как Барри Корнуолл и Вордсворт, которых Пушкин едва ли мог читать по-французски. А на с. 90, 98–99 ты увидишь, что он переводит с английского слово в слово и иногда вписывает английские слова. В середине 99-й страницы он явно не знает, как быть с wins в четвертой строфе «К Ианте». Он вряд ли смог бы позаимствовать в «Евгении Онегине» кое-что из ритмики Байрона, если бы читал его только по-французски. Что до латыни и греческого, то здесь многое свидетельствует о том, что латынь Пушкин знал вполне пристойно: например (с. 103), он пишет стихи, навеянные отрывком из Ювенала. Французские слова, которые он иногда вписывает в эти отрывки, явно взяты не из шпаргалок, а из словарей. Мне кажется, что стихи Пушкина со всей очевидностью свидетельствуют о его знании латинской поэзии: у французов подобные стилистические ухищрения он бы позаимствовать не смог. Он достаточно овладел греческим, чтобы переиначить оду Сапфо и попытаться — опять же слово в слово — перевести начало «Одиссеи». Факсимиле на с. 61 еврейского алфавита, где Пушкин приравнивает **алеф** к греческой **альфа**, показывает, что греческие буквы поэт выучился читать довольно бегло. Я, кстати сказать, изобрел теорию, которая объясняет твое странное желание — вопреки неопровержимым доказательствам — считать, что Пушкин английского языка не знал вовсе, а Тургенев, если и знал, то очень плохо. Эту теорию я собираюсь развить в étude un peu approfondie и рассчитываю consacrer à votre oeuvre[176].

3) Ты сбиваешь читателя с толку, когда в переводе «Евгения Онегина» кучера (или как они там называются) у тебя knock their hands. В данном случае естественным английским словом было бы slap[177]. Ты говоришь, что knock в этом значении встречается у Каупера и Томпсона, но я что-то этих строк не припоминаю, и такое слово, а также выражение beat goose[178] покажутся читателям чем-то непривычным, диковинным. Подобные устаревшие выражения нуждаются в столь же подробном объяснении, как и устаревшие выражения и значения у Пушкина, которые ты задался целью прояснить. <…>

Вере:

Мое пребывание в Итаке было для меня огромной удачей, для Вас же — боюсь, из-за моей подагры — тяжким испытанием. До Нью-Йорка я доехал, чтобы выбраться наконец из своего промерзшего дома, только во вторник, поправился же лишь в конце недели, к свадьбе Генри. Праздник удался, шампанское лилось рекой, молодежь танцевала без устали, и от жениха и невесты все были в восторге.

В Уэллфлите пробуду, по крайней мере, до 20-го; потом — обратно в Талкотвилл. Елена шлет привет, и мы рассчитываем, что вы у нас побываете.

Надеюсь, что «Лолита», если прочесть ее как исследование о преисполненном любви отце и сошедшей с пути истинного дочери, тронет американского читателя до глубины души и ты наживешь целое состояние. Если же ты вдобавок выдашь свою героиню замуж за Пнина на Аляске, а он удостоится чести занимать пожизненно место профессора в каком-нибудь небольшом университете Среднего Запада, то сможешь составить конкуренцию самой «Марджори Морнингстар»{184} и читать лекции по подростковой психологии от Багнора до Сан-Диего.

Джордж Манн{185}, кстати сказать, сообщил своей матери, что был потрясен нашим с тобой разговором, особенно спором о стихосложении. А я боялся, что мы ему наскучили. Мы оба благодарны тебе за твое старое как мир русское гостеприимство.

Всегда твой

Эдмунд У.

---

17 июня 1957

Дорогой Кролик,

был тебе ужасно рад. Хочется надеяться, что твоя подагра приказала, наконец, долго жить.

1. Не понимаю твоего замечания насчет «нигилиста». По-русски это слово произносится <ni:gi:li:st> с ударением на последнем слоге.

2. Вопросом о том, какими иностранными языками владел Пушкин, я занимаюсь уже лет десять, и, право же, не стоило отсылать меня к «Рукою Пушкина». В моих комментариях к «Е. О.» ты найдешь подробный ответ на этот вопрос. То, что ты

называешь «ритмикой» Байрона, Пушкин позаимствовал из английских стихов в переложении Жуковского.

3. По чистой случайности я только что обнаружил у Мэтью Арнолда «the Gypsy knocks his hands»[179]. Между прочим, долг переводчика, как я его понимаю, не в том, чтобы упростить или модернизировать неясное или устаревшее слово оригинала, а в том, чтобы передать его неясность и странность.

Да, буду рад очередной нашей rencontre[180], чтобы в очередной раз втолковать тебе, что Пушкин знал английский, латынь и т. д. ничуть не лучше, чем Солсбери{186} знает русский или Оден — французский.

Получаю огромное удовольствие от пребывания дома Дмитрия. Он прилежно трудится над указателем к моему «Онегину», некоторые его предложения и замечания весьма толковы и полезны.

Привет от нас обоих вам обоим.

В.

Уэллфлит, Кейп-Код
Массачусетс
20 июня 1957

Дорогой В.

1) Замечание по поводу **нигилиста** было вызвано тем, что ты поправил мое произношение, полагая, по всей видимости, что первый слог произносится по-английски <ni::>.

2) У Труайя и Мирского я вычитал, что Пушкин читал Байрона по-английски вместе с Раевскими в 1820 году. Раскрыв *Путешествие в Арзрум,* я наткнулся на две цитаты из английской поэзии, одна из них была из «Лалла Рук», а также — на две цитаты из латинских стихов. В пушкинских письмах этого времени я вообще нахожу довольно много латыни. В частности, в письме Гнедичу от 29 апреля 1822 года встречается латинское элегическое двустишие, за которым следует латинский гекзаметр, написанный, по всей вероятности, им самим и предполагающий определенные языковые навыки. Когда в 1936 году я читал «Онегина», я вряд ли знал русский намного лучше, чем Пушкин — английский, когда впервые взял в руки Байрона, и теперь я понимаю, что иногда неверно усваивал прочитанное и, безусловно, ошибался в ударениях. Тем не менее я был в

состоянии получать от пушкинского романа удовольствие и даже переводить, поощряемый твоей, пусть и сдержанной, похвалой, отрывки из него на английский язык. Поскольку сам ты выучился говорить на иностранных языках рано, древние же языки, которые мы знаем лишь из литературы, плохо представляя, как произносятся слова, не учил, — ты не способен оценить, как много может дать писателю литературное знание языка, даже если это знание довольно поверхностное. Даже если бы Пушкин знал английский немногим лучше, чем Оден знает французский, этого было бы вполне достаточно, ибо, хотя Одену, может быть, невдомек, что нельзя сказать: «Le monde est ronde»[181], я точно знаю, что по-французски он читает. Если кто-то задастся целью дискредитировать тебя теми же методами, какие ты используешь для дискредитации Одена и Штегмюллера{187}, то ему не составит никакого труда доказать, процитировав некоторые твои промахи в английском, а также припомнив, сколь превратно ты понимаешь значение слова «fastidieux»[182], что ты не знаешь ни английского, ни французского и, быть может даже, не в ладах с русским: я ведь помню, как однажды ты внушал мне, что *самодур* не имеет ничего общего с *дураком.* Кстати, Жуковский ведь не переводил «Дон Жуана», чья ритмика, несомненно, повлияла на *Онегина,* хотя строфика у этих произведений разная.

3) Что же касается задачи переводчика подыскивать неясным и устаревшим словам в оригинале неясные и устаревшие эквиваленты в переводе, то как, спрашивается, ты переведешь на английский язык *стогны?*

Письма Джойса очень хороши, а в конце жизни очень трагичны. Рецензии на них — одна глупей другой; худшая — в лондонской «Таймс литерари сапплмент». Почему-то англичане — в том числе и Спендер — делают вид, что значение Джойса невелико. Судя по всему, огромное впечатление произвел на него рассказ Толстого *Много ли человеку земли нужно.* Я недавно этот рассказ прочел и, хотя он, конечно же, неплох, отказываюсь понимать, чем объясняется интерес к нему Джойса.

Всегда твой

Эдмунд У.

Если хочешь, чтобы мы продолжили нашу полемику, — пиши мне в Талкотвилл; через несколько дней я туда вернусь.

21 июня 1957

Совсем забыл про «Et in Arcadia ego». У Тургенева в *Переписке* читаем: *И мы бывали в Аркадии, и мы скитались по светлым ее полям.* По всей вероятности, источником является Седьмая эклога Вергилия:

«Ambo florentes aetatibus, Arcades ambo», за которой следует: «Huc ipsi potum venient per prata (сквозь луга) juvenci»[183]. Или же Тургенев эти две цитаты перепутал. В советском же издании говорится, что речь идет о стихотворении Шиллера, которое начинается словами: «Auch war in Arkadien geboren»[184]. Шиллер определенно имеет в виду «Et in Arcadia» и т. д., и Ларусс отсылает нас к картине Пуссена «Les Bergers d'Arcadie»[185], где изображено надгробие со словами: «Et in Arcadia ego». Но откуда это у Пуссена? Я ясно помню, что фраза кончалась словом «vixi»[186], хотя, бывает, что это не более чем плод моей фантазии. Но ведь чем-то эта фраза должна была закончиться! (По Ларуссу: J'ai vécu[187]). С чего ты взял, что эта фраза из Средних веков? На картине ego[188], вопреки тому, что думаешь ты, имеет отношение не к Смерти, а к мертвецу в могиле. Живые пастухи читают надпись на надгробии. Смерть говорит: «Я есмь даже в Аркадии».

Голдуин-смит-холл
Корнелл, Итака, Нью-Йорк
7 августа 1957

Дорогой Кролик,

у меня к тебе деловое предложение. На английском факультете интересуются, не хотел бы ты приехать в Корнелл в любое время в течение академического года 1957-58 на четыре или пять дней, чтобы провести две-три беседы со студентами и пообщаться с преподавателями. За это тебе заплатят пятьсот долларов. Если ты не против, декан пришлет тебе официальное приглашение, где будут оговорены все детали твоего пребывания. Очень надеюсь, что ты приедешь, причем осенью, поскольку есть вероятность, что на весенний семестр я уеду.

То, что «et in Arcadia ego» означает «Я (Смерть) существую даже в Аркадии», я почерпнул из отличного эссе Эрвина Панофски «Смысл и толкование изобразительного искусства», Энкор-Букс, Нью-Йорк, 1955.

Комментарии к «Онегину» рассчитываю закончить в течение этого месяца. Испытываю порой крайнюю усталость и подавленность, но когда читаю в письмах Саути, как каждодневно трудился он, то понимаю, что влачу, как сказал бы Пушкин, праздное существование.

Мы с Верой шлем Елене и тебе наши самые теплые пожелания.

Твой

В.

Талкотвилл
Льюис-каунти
Нью-Йорк
9 августа 1957

Дорогой Володя,

в настоящее время о подобных академических визитах не может быть и речи. Пожалуйста, поблагодари декана от моего имени. А ты не хочешь, когда закончишь «Онегина», приехать сюда на пару дней? Кстати, я недавно раздобыл два тома заметок Мериме о русской литературе, есть там и эссе о Пушкине. А еще — полудюжину томов полного собрания дневников Гонкуров; издавать их будут в Монако. Я-то думал, что публикаторам дневников грозит обвинение в клевете, но оказалось, что главная опасность кроется в их чудовищной непристойности. Братья Гонкуры записывали все, что им рассказывали друзья про свои сексуальные приключения, — например, как Флобер потерял девственность, и все до одной грязные истории, расходившиеся по Парижу. Ты когда-нибудь читал «Les Lauriers sont Coupés»[189] Дюжардена{188}, у которого Джойс позаимствовал внутренний монолог? По-моему, книга замечательно хороша.

Привет Вере.

ЭУ.

1958

Голдуин-смит-холл
Корнелл
Итака, Нью-Йорк
15 февраля 1958

В постели, с воспалением тройничного нерва.

Дорогой Кролик,

от тебя не было вестей с начала доснежной эры. Как ты поживаешь? *Все хорошо?*

Мы переехали в другой дом, он гораздо больше — но и гораздо холоднее, чем наше прелестное старое жилище, что стояло среди кардиналов, овсянок и свиристелей (где ты, об руку со своей подагрой, восседал однажды).

Только что **окончательно завершил** своего «Евгения Онегина»: 2500 страниц комментариев и дословный перевод текста. Дмитрий занят указателем. Тебе прислали из «Даблдея» моего Лермонтова? Как продвигаются твои русские штудии? Что бы ты ни делал, держись подальше от овсяной каши из Гончарова-Аксакова-Салтыкова-Лескова. Вера и я шлем привет Елене. Напиши un mot[190].

Твой
В.

Уэллфлит, Кейп-Код
Массачусетс
23 февраля 1958

Дорогой Володя,

твое письмо напомнило мне, что я должен прислать тебе свою новую книгу{189}. Сомневаюсь, что ты станешь читать ее целиком, хотя мою любимую главу «Что делать до прихода врача», может, и осилишь. Мне хочется, чтобы наш с тобой обмен книгами продолжался — надеюсь иметь полное собрание твоих опубликованных сочинений. Последних твоих книг еще не читал, потому что пытаюсь дописать Гражданскую войну{190} и

приходится продираться сквозь бесчисленные военные мемуары и скучнейшие романы южной школы. Рад, что ты кончил «Онегина», мне особенно не терпится убедиться в том, что ты отдаешь должное лингвистическим познаниям Пушкина. Кто будет выпускать книгу в свет? Огорчился, узнав, что ты болел. Мы пережили еще одну довольно тяжелую зиму, но не такую печальную, как прошлогоднюю, и теперь понемногу приходим в себя. В конце января я провел неделю в индейской резервации на юго-западе штата [Нью-Йорк. — *А. Л.*], присутствовал на их новогодних церемониях — очень занятно, но долго описывать. Всякий раз, как я еду в эти места, у меня разыгрывается подагра; в этот раз мне было ничуть не лучше, чем прошлой весной. Из «Даблдея» мне прислали твоего Лермонтова; по-моему, получилось отлично: ты сумел ухватить стиль английской прозы того времени. <…> Что же до хамелеоновых перемен цвета лица[{191}], то Лермонтов тут и в самом деле перебарщивает. А впрочем, мне кажется, что в старые времена люди чаще краснели и бледнели, чем теперь. Я знаю одну старомодную даму, которая краснеет в точности, как героини в книгах (Пегги Бейкон[{192}], художница).

Елена шлет привет вам обоим.

Всегда твой

ЭУ.

Итака, Нью-Йорк
24 марта 1958

Дорогой Кролик,

твой очерк о Тоилэ, Т.С.[{193}] [Т.С. Элиоте. — *А. Л.*] совершенно замечателен. Это одно из твоих самых лучших эссе — ясное, ядовитое, мудрое. Насколько я понимаю, ты по-прежнему высокого мнения о нем как о поэте, но я не могу с тобой согласиться, когда ты говоришь, что его стихи застревают у тебя в голове — в моей голове они никогда не застревали, мне он никогда не нравился. Но зато ты проколол созревший янтарный прыщ, и теперь образ Элиота изменится навсегда.

Нахожусь в ужасающей запарке, но мне хотелось черкнуть тебе пару слов в знак привязанности и высокой оценки твоего эссе.

Твой

B.

1959

Для передачи: Патнем
210 Мэдисон-авеню
Нью-Йорк 16, Нью-Йорк
2 марта 1959

Дорогой Кролик,

после нескончаемых проволочек мы наконец покинули Итаку — на один год. Я бы ни за что не бросил своих студентов, не найди я человека (Герберта Голда{194}, молодого писателя), который будет вместо меня читать оба курса: европейские шедевры и русскую литературу. В Нью-Йорке мы собираемся пробыть до середины марта, а потом покатим на юго-запад, в Аризону. Осенью же думаем на пару месяцев ступить на древние парапеты Европы{195}.

Есть ли у нас шанс где-нибудь повидаться с вами в ближайшем будущем? Мы совершенно неожиданно узнали, что Елена и близнецы в городе, позвонили ей в «Алгонкин», но она уже уехала.

В начале письма посылаю тебе свой адрес. Связаться со мной можно и через Дмитрия, его телефон: Лицеум 5—05–16.

Мой Онегин (одиннадцать папок, 3000 страниц на машинке) сначала отправился в «Корнелл юниверсити пресс». Там рукопись начали было готовить к печати и уже взялись за квадратные скобки, когда совершенно неприемлемый пункт договора{196} вынудил меня забрать у них бедного своего монстра. Сейчас он уже в другом издательстве.

Тружусь не покладая рук над своим «Discourse on Igor's Campaign»[191], который когда-то перевел, а теперь переиначил. Комментарий к нему унаследовал онегинский ген и грозит превратиться в еще одного мастодонта. Надеюсь, однако, дойти с ним до финиша. Россия никогда не сможет расплатиться со мной сполна.

Черкни мне пару слов. Вера вместе со мной приветствует тебя и Елену.

Сердечно,
В.

Уэллфлит, Кейп-Код
Массачусетс
11 марта 1959

Дорогой Володя,

я как раз собирался у тебя спросить, читал ли ты о прекомичнейших похождениях «Лолиты» в Англии{197}. Думаю, что читал, ведь библиотека Корнелла в твоем распоряжении; если же не читал, пришлю тебе вырезки из газет. История с выборами в Борнмуте выглядит так, словно ее сочинил Комптон Маккензи{198} или Ивлин Во. К сожалению, до конца апреля мы в Нью-Йорк не попадем. Рад слышать, что ты берешь годовой отпуск. Я бы сказал, что отпуск ты заслужил пожизненный. <…>

Всегда твой

Э.

1960

Отель «Астория»
Авеню Карно
Ментона, Франция
19 января 1960

Эдмунду Уилсону
Английское отделение
Гарвардский университет
Кембридж, Масс, США

Дорогой Кролик,

прожив четыре довольно безумных месяца в Европе, мы собираемся домой. 19 февраля поднимемся на палубу «Соединенных Штатов», по приезде два-три дня проведем в Нью-Йорке, откуда отправимся в Лос-Анджелес, где планируем пробыть как минимум полгода.

Мы съездили в Женеву, где живет моя сестра{199} (которую я не видел с 1937 года), побывали в Париже и Лондоне, где у меня были дела в связи с изданием моей книги. Пожили в Риме и Милане. Доехали до самой Таормины, жуткого городишки на Сицилии. Безуспешно пытались снять квартиру в Нерви, Рапалло, Лугано и Сан-Ремо, и, наконец, нашлось жилье в Ментоне.

Дмитрий продолжает учиться в Милане; к нему мы собираемся поехать осенью. Самый лучший сейчас французский писатель — Роб-Грийе, с которым мы познакомились в Париже. Многие французские критики по непонятной мне причине объединяют его со всевозможными Бюторами и Саррот. В Англии, как в России в 60-е годы прошлого века, имеется мощная когорта критиков, интересующихся в основном невыразительной литературой социального анализа; во Франции же мода на социальную проблематику, судя по всему, сходит на нет. Кембриджский университет (где я выступал с лекцией) показался мне безнадежно провинциальным по сравнению с университетами американскими.

Надеемся, что в Кембридже, штат Массачусетс, тебе нравится. Ты получил экземпляр «Приглашения на казнь»{200}, который я просил тебе переслать? Когда и где мы увидимся с Еленой и тобой?

По этому адресу в Ментоне мы пробудем до 15 февраля. Дай о себе знать.

Вера шлет привет.

Всегда твой
В.
Владимир Набоков.

[Ответ Уилсона набросан на обороте набоковского письма.]

Дорогой Володя,
наш адрес: 12 Хильярд-стрит, Кембридж, телефон: Троубридж 6—8179. Вы не сможете у нас остановиться? Судя по тому, что направляешься ты в Голливуд, «Лолита» попадет в кино. Ты читал «Zazie dans le Métro»[192] Кено, книгу, которую сочли французским ответом на «Лолиту»? Если нет — прочти, хотя она страдает некоторой вычурностью, присущей некоторым французским писателям: Жироду, Эме, Ануйю и прочим.
Привет Вере.
Всегда твой
ЭУ.

2088 Мандевилл-кеньон-роуд
Лос-Анджелес 49, Калифорния
5 апреля 1960

Дорогой Кролик,
мы — в Лос-Анджелесе, где сняли прелестный дом в цветущем каньоне, полном отличных бабочек. Живем очень тихо. Занят в основном сценарием{201}, а также чтением корректур: «Онегина», «Слова о полку Игореве» и перевода Dara, выполненного Дмитрием.
Над сценарием [«Лолиты». — *А. Л.*] буду трудиться до августа или сентября, после чего вновь поплывем в Европу. В прелестном безмятежном Лос-Анджелесе чувствую себя счастливым и отдохнувшим. Как было бы хорошо, если бы вы с Еленой смогли у нас побывать.
Да, от «Zazie dans le Métro» я в восторге{202}. Это настоящий

шедевр в своем причудливом жанре. (А разве не причудливо всякое искусство — от Шекспира до Джойса?) За последнее время прочел несколько довольно скверных книг. Пальма первенства принадлежит, пожалуй, посредственному гротескному творению Колина Уилсона{203} «Обряд в темноте».

Написал всего несколько строк, чтобы не потерять с тобой связи. Ведь через несколько месяцев исполнится 20 (двадцать!) лет со дня нашего знакомства.

Твой

В.

1971

2 марта 1971

Дорогой Кролик,

несколько дней назад я перечитал *vsyu pachku* нашей с тобой переписки и испытал огромное удовольствие, вновь почувствовав теплоту всех твоих добрых дел, вспомнив всевозможные испытания, которым подвергалась наша дружба, неослабевающую радость от произведений искусства и интеллектуальных открытий.

С горечью узнал (от Лены Левин), что ты был болен, и счастлив, что теперь тебе гораздо лучше.

Пожалуйста, поверь: я давно перестал дуться на тебя за твое непостижимое «непостижение» пушкинского и набоковского «Онегина». <…> Уверен, ты согласишься со мной, что Солженицын, по сути, третьеразрядный писатель. <…>

Твой

Владимир Набоков.

«Нью-Йоркер»
№ 25 Уэст, 43-я стрит
8 марта 1971

Г-ну Владимиру Набокову
Отель «Монтрё Палас»
Монтрё, Швейцария

Дорогой Володя,

очень был рад твоему письму. Как раз *сейчас* составляю сборник своих русских статей. Исправляю языковые ошибки в русском в эссе о Набокове — Пушкине и одновременно привожу примеры и твоих оплошностей тоже…

Солженицын, мне кажется, замечателен, хотя и несколько однообразен; он ниже классом, чем Пастернак, но, с другой стороны, ему ведь нечего рассказывать, кроме как историю своей болезни и своего заключения. Пытаюсь в последней главе что-то о нем написать. Я заметил, что советский русский язык дается мне

не без труда.

В книгу, которая выйдет весной (не читай только ее куцую версию в «Нью-Йоркере») и основу которой составляют мои талкотвиллские дневники, я включил очерк о том, как побывал у тебя в Итаке. Очень надеюсь, что эта книга не повредит, как в прошлый раз, нашим с тобой отношениям. Не должна повредить.

Последнее время мы с Еленой находимся в неважной форме. Я перенес легкий инсульт, отчего теперь плохо владею правой рукой. Нам не терпится поскорей покинуть Нью-Йорк, который превратился в сущий ад. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь заставить себя приехать в этот город вновь.

Вере наши лучшие пожелания и приветы.

ЭУ.

P.S. Если верить советскому изданию Чехова, ты перепутал дату письма, в котором Чехов говорит о встрече с твоей родственницей.{204}

Эдмунд Уилсон
Визит в Итаку

Из книги «На севере штата Нью-Йорк. Записки и воспоминания» [193]

25–28 мая

Шарж Дэвида Левина

К Набоковым меня отвез на машине сын Отиса Джордж Манн. Пиджака он с собой не взял и спустился к ужину в своей любимой пестрой рубашке навыпуск. Увидев его в этом «наряде», Володя заметил, что выглядит он, как тропическая рыба. Сказать Джорджу нечего, поэтому он помалкивает и говорит, только когда к нему обращаются. При этом человек он достойный, хорошо, в добром старом стиле держится. Я боялся, что литературные и ученые беседы Джорджу наскучат, однако слушал он нас с интересом и впоследствии рассказывал матери, что больше всего его увлек наш с Володей горячий спор, который длится уже много лет. Споря до хрипоты о русском и английском стихосложении, мы с ним обменивались ударами, точно игроки в теннис — Володя, кстати, считается хорошим теннисистом. Идея, с которой Володя не расстается, будто русский и английский стих, по сути, ничем друг от друга не отличаются, почерпнута им, в чем я теперь окончательно убедился, у его отца, лидера кадетов в Думе и сторонника конституционной монархии по британской модели. Володин отец полагал, что между Россией и Англией, странами такими разными, существует (должна существовать) тесная связь. В середине XVII века русские писали силлабические стихи, то есть в поэтической строке имелось определенное количество слогов. Но уже в середине XVIII столетия в России получил распространение стих тонический, в основе которого был не слог, а ударение — ямб или хорей, или любой другой размер, который строится на чередовании ударных и безударных слогов. Но русский разговорный язык не приспособлен к системе ударений немецкой и английской поэзии, состоящей из периодов, перемежаемых основными и второстепенными ударениями. А потому всякая попытка привить русскому языку западную ритмическую систему приводит к тому, что, с одной стороны, строго соблюдаются регулярные ямбы, чего английская поэзия, зачастую переходящая с хорея на ямб и обратно, стремится избегать, а с другой, разнообразие достигается жонглированием основных ударений. В рамках этого стихосложения огромного эффекта добивается Пушкин, но когда вглядываешься в его строку, то видишь, что он почти никогда ударение в словах не переносит. Володя отвергает саму идею метрического разнобоя, которая так много значит у Шекспира и Мильтона, и по этой причине утверждает, что «Never, never, never, never, never» в «Короле Лире» — это либо пятистопный ямб, либо прозаическая строка. Судя по всему, он усматривает упрек Пушкину в

утверждении, что, с точки зрения английской метрической системы, его стих менее гибок, чем шекспировский, и даже считает, что в гибкости стиха Пушкин преуспел больше Шекспира. <…>

В понедельник Джордж вышел к ужину в хорошо сидящей рубашке бежевого цвета. С нами вместе за столом сидели Джейсон Эпстайн, приехавший договориться насчет публикации «Лолиты», и немецкий профессор, преподаватель французского языка, который переезжал из Корнелла в Принстон. Надо надеяться, я не перепугал его до смерти рассказом, чего следует ожидать от провинциальных аристократических замашек Принстона. Володя выступал в роли веселого, общительного хозяина, чего раньше за ним не водилось и что, по-моему, ему не вполне свойственно. Успех «Пнина» и шум, который наделала «Лолита», к тому же запрещенная в Париже, явно пошли ему на пользу. Без галстука, волосы ébouriffé[194], он попивал из маленьких стаканчиков «профессорские» (как их называет Фрохок из Гарварда) портвейн и шерри, был со всеми радушен и, судя по всему, пребывал в превосходном настроении. Однако уже на следующий день, вернувшись с экзаменов, которые продолжались два часа и принимать которые Вера, конечно же, ему помогала, он выглядел усталым, подавленным и раздраженным. Володя рассказал мне, что филолог Роман Якобсон, только что побывавший в России, уговаривал его поехать туда с лекциями, но он ответил, что в Россию не вернется никогда, что отвращение к тому, что там происходит, превратилось у него в наваждение. Здесь, в Америке, он, безусловно, перерабатывает: ему приходится совмещать преподавательские обязанности с сочинением книг. На этих днях ему предстоит проверить сто пятьдесят студенческих работ. В тот вечер нервы у него были на пределе, но он поднимал себе настроение спиртным, и я, несмотря на свою подагру, от него не отставал. Поначалу он был мил и обаятелен, однако затем впал в свойственное ему полушутливое, полусумрачное состояние. В этом настроении Володя постоянно противоречит собеседнику, стремится настоять на своем — при том, что некоторые его заявления бывают совершенно абсурдны. Так, он утверждает, причем безо всяких доказательств и вопреки хорошо известным фактам, что Мериме не знал русского языка, Тургенев же знал английский настолько плохо, что с трудом разбирал газетный текст. Он отрицает, что русские заслуженно считаются прекрасными лингвистами, и о каждом русском, хорошо владеющим английским, говорит, что у него наверняка были гувернантки или гувернеры. Я же познакомился в Советском Союзе с несколькими молодыми

русскими, которые, ни разу не побывав за границей, выучились тем не менее говорить на отличном английском языке. Объясняются эти его завиральные теории тем, что себя он возомнил единственным писателем в истории, который одинаково безупречно владеет русским, английским и французским, — вот почему, должно быть, самые простительные ошибки (например, ошибка Штегмюллера, перепутавшего verre à vin с verre de vin[195]) вызывают у него приступы язвительной ярости. Между тем сам он порой допускает ошибки в английском и французском, и даже в русском языке. Ни он, ни Вера не поверили мне, когда я несколько лет назад сказал им, что французское слово «fastidieux» означает «скучный», «надоевший» и ничего общего с английским fastidious не имеет. Вопреки авторитету Даля, великого русского лексикографа, Володя настаивал на том, что корень у слов «самодур» и «дурак» разные. Теперь же он пытается меня убедить, что английское слово «nihilist» произносится <ni:hilist>. Разумеется, ему, несмотря на всю его изобретательность, очень нелегко справляться одновременно с двумя столь разными языками, и дело усугубляется тем, что между британским и американским английским также имеется существенная разница.

Вера всегда на стороне Володи; чувствуется, что она буквально дрожит от гнева, если в ее присутствии пускаешься с ним в спор. Она внесла свою лепту в нашу дискуссию о стихосложении, поинтересовавшись со всей серьезностью, правильно ли она меня поняла, что «Евгений Онегин» написан силлабическим стихом, и, когда я ответил, что не мог сказать подобную чушь, дала понять, что у них сохранились мои письма, в которых именно это и говорится. Когда во время нашего спора я, чтобы доказать свою правоту, стал приводить примеры из классической поэзии, о которой Володя не знает ровным счетом ничего, он выслушал меня молча, с усмешкой на лице. Наши отношения чем-то напоминают мне отношения между членами литературного клуба. Я привез Володе «Histoire d'O»[205], весьма изысканный и забавный порнографический роман; Володя же в ответ отправил на мой домашний адрес сборник фривольных французских и итальянских стишков, которые читал, когда переводил Пушкина. В Итаке со мной случился очень сильный приступ подагры, мне приходилось сидеть, задрав ногу, и даже ужинать отдельно, не за общим столом, и мне показалось, что Веру это немного покоробило. Она так сосредоточена на Володе, что обделяет вниманием всех остальных, ей не нравится, что я привожу ему порнографические книги и вино: однажды я прихватил с собой литровую бутылку шампанского, которую мы

весело распили у него на крыльце. На следующее утро после ужина, подпорченного моей подагрой, когда я уезжал и Володя вышел со мной проститься, я сделал ему комплимент, сказав, что после утренней ванны выглядит он превосходно. Володя заглянул в машину и буркнул, пародируя «Histoire d'O»: «Je mettais du rouge sur les lèvres de mon ventre»[196]. «Он вернул вам эту пакость?» — спросила меня Вера. По всей вероятности, она тоже заглянула в этот роман. Услыхав, что мы о нем заговорили, она с отвращением заметила, что хихикаем мы, точно школьники. В этой книге довольно правдиво описана парижская жизнь семьи русских эмигрантов, напомнивших мне Елениных родственников. Я спросил Володю, не показалось ли ему, что французский язык в романе несколько странен, и предположил, что книга написана кем-то из русских. «Скорее, поляком», — поправил меня он.

Видеть Набоковых для меня всегда удовольствие. Наши стычки носят интеллектуальный характер, хотя достается, и крепко, обоим. Но после наших встреч у меня всегда остается какой-то неприятный осадок. Мотив Schadenfreude[197], постоянно присутствующий в его книгах, вызывает у меня отвращение. В его романах унижению подвергаются все и всегда. Он и сам, с тех пор как уехал из России и после убийства отца, по всей видимости, многократно испытывал унижение, особенно болезненное из-за заносчивости, присущей богатому молодому человеку. Сын либерала, бросившего вызов царю, он не был принят в кругах реакционного, консервативного дворянства. И за испытанное им в молодости унижение приходится теперь расплачиваться его героям, он со злорадством подвергает их всевозможным страданиям, вместе с тем себя с ними отождествляя. И в то же время человек он во многих отношениях потрясающий, сильная личность, невероятный труженик, он всей душой предан своей семье и — истово — своему искусству, у которого есть немало общего с искусством Джойса; Джойс — одно из немногих искренних его увлечений. Несчастья, ужасы и тяготы, что пришлись на его долю в изгнании, сломали бы всякого; он же благодаря силе воли и таланту преодолел все невзгоды. <…>

Владимир Набоков
Письмо в «Нью-Йорк таймс бук ревью»

Шарж Дэвида Левина

В «Нью-Йорк таймс бук ревью»[198]
Главному редактору

На страницах Вашего журнала ищу защиты для установления истины в нижеследующем деле.

Один из моих корреспондентов любезно сфотографировал и прислал касающийся до моей персоны отрывок (страницы 154–162) из недавно опубликованного произведения Эдмунда Уилсона «На севере штата Нью-Йорк». Поскольку некоторые соображения в этой книге балансируют на грани клеветы, считаю своим долгом прояснить кое-какие вещи, которые могли бы ввести в заблуждение доверчивых читателей.

Начать с того, что «несчастья, ужасы и тяготы», которые, по мнению Уилсона, преследовали меня на протяжении сорока лет, прежде чем мы с ним встретились в Нью-Йорке, являются чистым вымыслом, следствием его извращенного воображения. О моем прошлом Уилсон имеет, прямо скажем, представление весьма отдаленное. Он даже не потрудился прочесть мою книгу «Память, говори» — свидетельства и воспоминания о счастливом изгнании, начало которому было положено, в сущности, в день моего появления на свет. Излюбленный метод Уилсона — извлечь из моих художественных произведений то, что ему видится подлинными, «почерпнутыми из жизни» впечатлениями, а затем запихнуть их обратно в мои романы и рассматривать моих героев в этом ложном свете. Тем самым, Уилсон уподобляется шекспироведу, который вывел из его пьес образ матери Шекспира, а затем обнаружил аллюзии на нее в тех самых строках, что он переиначил, дабы произвести эту даму на свет. Удивляет меня, однако, не столько самоуверенность Уилсона, сколько то обстоятельство, что в дневнике, который он вел, когда гостил у меня в Итаке, он лелеял чувства и мысли столь мстительные и примитивные, что — выскажи он их вслух — я был бы вынужден немедленно указать ему на дверь.

Следует сказать и об очевидных нелепостях, встретившихся мне на страницах «На севере штата Нью-Йорк». Утверждение Уилсона, будто мнение о существенном сходстве между русским и английским стихом почерпнуто мною «…у отца… приверженца конституционной монархии по британской модели», слишком глупо, чтобы доказывать здесь его несостоятельность. Что же до его бестолкового, не имеющего ничего общего с реальностью описания русского стихосложения, то вздор этот доказывает лишь одно: Уилсон органически не способен прочесть, тем более — понять мою работу на эту тему. Не соответствует фактам и его столь обывательское впечатление, будто на вечеринках в нашем доме в Итаке моя жена, «сосредоточившись» на мне, «обделяет вниманием всех остальных».

Особенно же отвратительны пошлость пополам с наивностью,

сквозящие в его замечании о том, что в жизни я испытывал «всяческие унижения», ибо, будучи сыном либерально мыслящего дворянина, не был «принят (!) в кругах реакционного, консервативного дворянства». Где не был принят?! Когда?! В каких «кругах», помилуй Бог?! Уж не в кругу ли моих дядьев и теток? А может, не был принят сановными, хмурыми боярами — этим порождением плебейских фантазий?

Мне известно, что здоровье моего бывшего друга оставляет желать лучшего, однако в борьбе между долгом сострадания и защитой собственной чести побеждает честь.

Так вот, следовало бы, на мой взгляд, ввести правило или закон, согласно которому публикация «старых дневников» (предпринятая, хочется надеяться, чтобы соответствовать требованиям сегодняшнего дня, который в пору их написания был днем завтрашним), где живые люди являются не более чем дрессированными пуделями, действующими по указке автора, была бы невозможна без формального согласия, полученного от жертв сомнительных догадок, невежества и измышлений.

Владимир Набоков

Монтрё, Швейцария

notes

Примечания

1

V. Nabokov. Selected Letters. 1940–1977 / Ed. by D. Nabokov and Matthew J. Bruccoli. — N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark Layman, 1989, p. 358.

2

Кролик, зайчик, детка, лапка *(англ.)*.

3

Вопреки утверждениям комментаторов к подборке из шестнадцати писем Набокова Уилсону (Звезда, 1996, № 4, с. 127), данное матерью прозвище не имело ни малейшего отношения к Братцу Кролику из «Сказок дядюшки Римуса» американского писателя Джоэля Чандлера Харриса. Как пишет в своей мемуарной книге «Прелюдия» сам Эдмунд Уилсон, когда он, будучи уже взрослым человеком, спросил мать, откуда она взяла это странное прозвище, та ответила, что когда он был младенцем, пухлым карапузом с карими глазками, то напомнил ей булочку с изюмом, «looked just like a plum-bun» (E. Wilson. A Prelude: Landscapes, Characters, and Conversations from the Earlier Years of My Life. — N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1967, p. 43).

4

Д. Эпстайн. Крупнейший деятель американской литературы // Америка, 1967, № 127, с. 46.

5

Д. Эпстайн. Крупнейший деятель американской литературы // Америка, 1967, № 127, с. 46.

6

Б. Бойд. Владимир Набоков: американские годы. — М.: Издательство Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2004, с. 26.

7

Еще одним достойным упоминания эпизодом стала встреча с советским поэтом и драматургом Сергеем Третьяковым, по просьбе которого Уилсон напишет статью о Хемингуэе. Она будет опубликована в двух вариантах: по-английски в леволиберальном журнале «Нью рипаблик», с которым Уилсон активно сотрудничал в тридцатые годы (New Republic, 1935, vol. 85. December 11, pp. 135–136), и по-русски — в «Интернациональной литературе» (1936, № 2, с. 151–154), предшественнике нашей «Иностранки». Вплоть до публикации двух рецензий на произведения Набокова в антологии «Классик без ретуши» — это была единственная публикация Уилсона на русском языке.

The Papers of Christian Gauss. - N. Y., 1957, p. 331.

New Republic, 1941, vol. 104, April 21.

10

Doubts and Dreams // New Yorker, 1944, vol. 20, April 1, p. 78.

11

Об этом пишет биограф Э. Уилсона Джеффри Мейерс. См.: J. Meyers. Edmund Wilson. A Biography. — Boston, N. Y.: Houghton Miffin Company, 1995, p. 247.

E. Wilson/ Letters on Literature and Politics, 1912–1972. - N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1977, pp. 409–410.

13

Неслучайно он негативно отозвался о публицистической книге «Возвращение из СССР» Андре Жида, чей разоблачительный пафос объяснял типичной для писателя «извращенностью и злобой» (Nation, 1937, vol. 145, November 13, p. 531).

14

Цит. по: Звезда, 1996, № 4, с. 114.

15

The Nabokov — Wilson Letters / Ed. by Simon Karlinsky. — N. Y.: Harper & Row, 1979, p. 40. По остроумному замечанию Саймона Карлинского, уилсоновская аргументация равнозначна тому, как если бы историк христианства утверждал, что его суждения базируются на проверенных фактах, поскольку все сведения получены прямо из Ватикана (Ibid., p. 15).

16

Набоков не делал секрета из своего эгоцентризма. «Колоритнейшая фигура, такой же эгоцентрик, как я», — так в письме Уилсону от 24 ноября 1942 г. охарактеризовал он одного американского профессора (Цит. по: Звезда, 1996, № 4, с. 118).

17

Характеристика, данная Набокову Исайей Берлиным в одном из писем к Эдмунду Уилсону. Цит. по: «ИЛ», 2009, № 4, с. 236.

18

NWL, p. 56.

19

Op. cit., p. 58.

20

Цит. по: «Дребезжание моих ржавых струн…» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ. Р. Янгирова // In memoriam: исторический сборник памяти А. И. Добкина. — СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000, с. 379. Еще до разрыва, в ходе переписки с представителями издательства «Боллинген-пресс», Набоков (в письме от 27 августа 1964 г.) возражал против того, чтобы Уилсон выступал в качестве рецензента «Евгения Онегина», поскольку «его русский — примитивен, а знание русской литературы поверхностно и нелепо» (V. Nabokov. Selected Letters, p. 358).

21

NWL, p. 306.

22

Во всяком случае, на этом настаивает набоковский биограф Брайан Бойд. См.: Б. Бойд. Владимир Набоков: американские годы. С. 590.

23

Примечательно, что Уилсон был в некотором роде повитухой «Лолиты»: в июне 1948 г. он прислал Набокову парижское издание «Этюдов сексуальной психологии» Хэвлока Эллиса, где в качестве приложения была опубликована исповедь педофила, которая, скорее всего, была учтена при написании будущего бестселлера.

24

Doctor Life and His Guardian Angel // The New Yorker, 1959, November 18, pp. 213-38.

25

Author of «Lolita» Scoffs at Furore over His Novel // Niagara Fall Gazzette. 1959. January 11, p. 10-B.

26

Из письма Роману Гринбергу от 21 сентября 1958 г. Цит. по: Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Публ. Р. Янгирова // Диаспора: новые материалы. — Париж; СПб., 2001, с. 524.

27

Гершон Свет. Встреча с автором «Лолиты» // Новое русское слово, 1961, 5 февраля, с. 8.

28

E. Wilson. The Strange Case of Pushkin and Nabokov // New York Review of Books. 1965. July 15, pp. 3–6; рус. перев. см.: Классик без ретуши. С. 387–392.

New York Review of Books, 1965, August 26, p. 25–26.

30

Б. Бойд. Владимир Набоков: американские годы. С. 29.

31

Б. Бойд. Цит. соч. С. 594.

32

Г. Струве. Русская литература в изгнании. — Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1996, с. 288.

33

Б. Бойд. Цит. соч. С. 594.

A Gerschenkron. A Manufactured Monument? // Modern Philology. 1966. May, pp. 336–347. Рус. перев. см.: Классик без ретуши. С. 396–416.

35

Из письма Р. Гринбергу от 18 февраля 1967. Цит. по: Друзья, бабочки и монстры… // Диаспора. С. 551.

36

Old Magician at Home // New York Times Book Review, 1972, January 9, p. 2.

37

Из интервью журналу «Лайф». Цит. по: Набоков о Набокове. С. 163.

38

V. Nabokov. Selected Letters, p. 378.

New York Times Book Review, 1971, November 7, p. 49.

NWL / Ed. by Simon Karlinsky. - N. Y.: Harper & Row, 1979.

41

A L. Rowse. Two Literary Cats // Books and Bookmen, 1980, vol. 25. № 5, p. 14.

42

L. Edel. Rec: The Nabokov-Wilson Letters / Ed. by Simon Karlinsky. - N. Y.: Harper & Row, 1979 // New Republic, 1979, May 26, p. 35.

43

А. Шмеман. Дневники 1973–1983. - М.: Русский путь, 2007, с. 462.

Ж. Нива. Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. — М.: Высшая школа, 1999, с. 300.

45

В настоящую подборку избранных писем Набокова и Уилсона не вошли 14 писем, переведенных С. Таском и опубликованных в журнале «Звезда» в 1996 г. Ряд писем дается в сокращении.

Встречающиеся в письмах Набокова и Уилсона русские слова и предложения даются курсивом, а английские слова и выражения, выделенные авторами курсивом, даются прямым жирным шрифтом. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

Что до меня *(англ.)*.

Пушкинская аллитерация *(лат.)*.

Можете себе представить? *(франц.)*

50

У маленькой княгини Н-ской *(франц.)*.

51

Кукловода *(нем.)*.

Бездарных *(нем.)*.

53

Различать, достигать, избегать… увиливать *(англ.)*

Букв.: железный жук *(англ.)*.

Ошибку *(франц.)*.

«Гретхен за прялкой» *(нем.)*.

Мне на сердце очень (…тяжело) *(нем.)*.

Приношение *(франц.)*.

59

Авантюрный роман *(франц.)*.

Окружением *(франц.)*.

61

Дело стоит на месте *(франц.)*.

62

Примите, дорогой мэтр, заверения в моих лучших чувствах *(франц.)*.

63

Наконец, дело сделано (*франц.*).

Здесь: среди прочего *(франц.)*.

Совокупляющаяся *(лат.)*.

Сомнительных отелей *(франц.)*.

67

«Плоть, смерть и дьявол в романтической литературе» (*итал.)*.

Впредь *(франц.)*.

Вернулся *(франц.)*.

Здесь: приют *(франц.)*.

71

Бой быков *(исп.)*.

Беспробудный пьяница *(лат.)*.

73

Налившийся вином *(лат.)*.

Букв.: опьяненный вином *(лат.)*.

Чертенята *(франц.)*.

«Славные, толстые щеки» *(франц.)*.

«Ну же! Смелей!» *(франц.)* Перевод Н. Любимова.

Проделки *(франц.)*.

Здесь: считается приличным? *(франц.)*

Веселящиеся буржуа (*франц.*).

81

Сразу же *(франц.)*.

«Удел человеческий» *(франц.)*.

83

А теперь — берегись *(франц.)*.

Я составил *(франц.)*.

85

Одеяла… кутаются женщины, дети и старики *(франц.)*.

86

Великое молчание китайской ночи… американской ночи, бельгийской ночи *(франц.)*.

87

«Международная компания спальных вагонов и европейских экспрессов»… «Международная компания великих штампов» (франц.).

Разбуженные *(франц.)*.

89

Хорошо (вместо bon)… безусловно (вместо absolument)… так называемые *(франц.)*.

Здесь: персонажу *(франц.)*.

91

Месть слова *(франц.)*.

92

Чистая месть невнятно произнесенного слова *(франц.)*.

Кавказская русская *(франц.)*.

94

«Красивое лицо американца, немного… похожего на туземца племени сиу» *(франц.)*.

95

Когда я еще был социалистом-революционером *(франц.)*.

«Время ненависти» *(франц.)*.

97

«Он никогда бы не поверил»… «нужно было возвращаться к людям» *(франц.)*.

«Он умер в героической простоте» *(франц.)*.

Полночь, Три часа утра *(франц.)*.

«Завоеватели» *(франц.)*.

101

«Борьба с ангелом» *(франц.)*.

«Королевская дорога» *(франц.)*.

103

Двадцать одно *(франц.)*

«Человек, который убил» *(франц.)*.

105

Задница *(франц.)*.

106

«Ну, я скажу, у твоего нового отличное чувство юмора», — прошептала сестре Мариэтта (перевод С. Ильина).

107

Букв.: он то, что надо *(англ.)*.

Убью я или нет *(франц.)*.

109

Букв.: «Тот, о ком идет речь» *(англ.)*.

«Ситуации» *(франц.)*.

111

Букв.: «Ошибка». Так во французском переводе назывался роман Набокова «Отчаяние».

Рок (*франц.)*.

113

Букв.: «кавалер без дамы, одинокий любовник» *(англ.)*.

Холостяцкий обед (*англ.).*

115

«Послание повстанцам» *(франц.)*.

Конца века *(франц.)*.

«Слово о князе Игоре» *(франц.)*.

Свободной школой высших исследований *(франц.)*.

119

Очень оживленной *(франц.)*.

«Господин Якобсон — монстр» *(франц.)*.

121

«Я хочу сказать, что это ученый монстр, ведь он филолог, социолог, антрополог» *(франц.)*.

122

Нацистская западня{206} (*англ.*).

123

Здесь: она подойдет *(франц.)*.

Дикой, нелюдимой *(франц.)*.

125

Злосчастными, мрачными, пагубными *(франц.)*.

126

«Богоматерь цветов»… «Дневник вора» *(франц.)*. В русском переводе (Е. Гришина, С. Табашкин) роман называется «Богоматерь цветов» (Жан Жене. Богоматерь цветов. — М.: Эргон, Азазель, 1993), имя же главного героя в тексте не переводится, а транслитерируется: Нотр-Дам-де-Флёр.

127

Который… какой (*англ.)*.

Бить ключом, проистекать *(франц.)*.

129

Замысленный, подстроенный *(франц.)*.

Пережитой *(искаж. англ.)*… загнанный *(англ.)*.

131

Литератор *(франц.)*.

Литература *(франц.)*.

133

Тетушек *(франц.)*.

Несомненная удача *(франц.)*.

«Приступами», «увеселениями» *(франц.)*.

136

Юная шлюха *(франц.)*.

137

Изливать чувства, разглагольствовать… извергать *(франц., англ.)*.

Здесь: хорош *(франц.)*.

139

Произошло между ними *(франц.)*.

Посвящение *(франц.)*.

141

«Он человек сомнительной безнравственности» (*франц.)*.

142

«Под ним, внизу, река цвета шафрана и индиго, которая превращает этот квартал Руана в нечто вроде непритязательной Венеции, текла под маленькими, накрывающими ее мостами» *(франц.)*.

143

«Под ним, между мостами, между решетчатыми оградами набережных, текла превращавшая эту часть Руана в маленькую неприглядную Венецию то желтая, то лиловая, то голубая река» *(франц.)*. Перевод Н. Любимова.

Это уже смешно *(франц.)*.

145

Своим собственным жалким стилем *(франц.)*.

«Мнемозина, говори»… «Обод радуги» *(англ.)*.

147

В русских переводах: «Граненая оправа» (перевод А. Горянина и М. Мейлаха); «Призматический фацет» (перевод С. Ильина); «Грань призмы» (Г. Барабтарло).

148

«Улики» *(англ.)*. Словом «Mothing» — в переводе С. Ильина «Брень» — заканчивается роман «Под знаком незаконнорожденных».

«Еврейка»{207} *(франц.)*.

Здесь: каким-то образом *(франц.)*.

151

В оригинале — «Classics and Commercials».

152

Обыгрывается латинское выражение «Habent sua fata libelli» — «Книги имеют свою судьбу».

153

Здесь: на мели *(франц.)*.

Здесь: встряхнусь *(франц.)*.

«Изгнание» *(англ.)*.

Это для детей *(франц.)*.

157

Безделушек… библиотекой *(франц.)*.

Paradise *(англ.)* — рай.

159

Вход, ворота *(англ.)*.

Здесь: с параллельным русским текстом *(франц.)*.

161

«Проникнутый тщеславием…» *(франц.)*.

Каламбуров *(франц.)*.

163

«В 1791 году… аристократическая партия ожидала русских в Гренобле… Они воскликнули: „О Россия, когда же я тебя увижу?“» *(франц., лат.)*

164

«Гражданская война в Женеве»… «О поисках истины»… «Письмо мсье Берка… члену Национальной Ассамблеи Франции» *(франц.)*.

165

Симпатичный *(франц.)*.

«Страдания юного Вертера» *(нем.)*.

Замке *(франц.)*.

168

«Американец? Он что, хочет дать мне денег? Он что, дает в долг?» *(франц.)*

169

В оригинале: «…when he gets the bitte in his teeth» — букв.: когда он берет в рот член; bitte *(франц.)* — член, пенис.

«В ожидании Годо» *(франц.)*.

«Литературная дружба», издательство «Ашетт» *(франц.)*.

172

Букв.: то, что у него от Мериме, то, чем он близок Мериме *(франц.)*.

173

Впрочем *(франц.)*.

174

Dear drug *(англ.)* — букв.: «дорогое лекарство»; игра слов: дорогое лекарство — дорогой друг.

175

В оригинале игра слов: hoarse (хриплый) — horse (лошадь).

(В) немного более углубленном исследовании… посвятить твоему творчеству *(франц.)*.

177

Букв.: бьют в ладоши… хлопают *(англ.)*.

178

Букв.: бить себя руками по бокам, чтобы согреться (англ.).

179

«Цыган похлопывает руками (от холода)» *(англ.)*.

Встрече *(франц.)*.

«Земля круглая» *(франц., искаж.).*

Fastidieux *(франц.)* — скучный, томительный; fastidious *(англ.)* — разборчивый, привередливый.

183

«Оба во цвете жизни, оба аркадийцы»… «Сюда ваши кормила сами приплывут испить» *(лат.)*. Вергилий. Эклога VII, 4, 11.

184

Полностью строка из стихотворения Ф. Шиллера «Смирение» звучит: «Auch ich war in Arkadien geboren» — «Я тоже рожден в Аркадии» *(нем.)*.

«Пастухи Аркадии» *(франц.)*.

Жил *(лат.)*.

187

Я жил *(франц.)*.

188

Я (лат.).

«Лавры срезаны» *(франц.)*.

Словечко *(франц.)*.

191

Так Набоков назвал свой английский перевод «Слова о полку Игореве»

«Зази в метро» *(франц.)*.

193

Edmund Wilson. Upstate. Records and Recollections of Northern New York. - N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1971.

Взъерошены *(франц.)*.

195

Стакан для вина… стакан с вином *(франц.)*.О» *(франц.)*.

Буквально: «Я накрасил губы своего живота» *(франц.)*.

Злорадства *(нем.)*.

198

New York Times Book Review. 1971. November 7, p. 49.

comments

Комментарии

1

Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) — историк, публицист, мемуарист, с 1949 по 1959 гг. — редактор нью-йоркского «Нового журнала». Знакомство с Набоковым состоялось в апреле 1932 г. в Праге, куда писатель приехал навестить свою мать. В дальнейшем оба поддерживали приятельские отношения: Карпович помог Набокову при переезде из Франции в Америку, а летом 1940 г. Набоков, тогда только прибывший в США и не имевший своего угла, провел несколько недель на вермонтской даче Карповича.

2

…двоюродный брат Николай. — Николай Дмитриевич Набоков (1903–1978), композитор, музыковед, мемуарист. В апреле 1919 г. покинул Россию; в 1920-е сотрудничал с Сергеем Дягилевым (специально для дягилевских «Русских сезонов» написал балет-ораторию «Ода» и балет «Жизнь Афродиты»); в 1933 г. переехал в США и в 1939 г. получил американское гражданство; в 1945 г. служил в американской армии офицером по культурным связям. В судьбе Владимира Набокова сыграл двойственную роль: с одной стороны, именно по его рекомендации Набоков списался с Эдмундом Уилсоном; с другой стороны, когда в октябре 1946 г. нуждавшийся в дополнительном заработке писатель обратился к нему с просьбой — помочь устроиться заведующим русским отделом новообразованной радиостанции «Голос Америки», — тот воспользовался случаем и сам занял вакантное место.

3

...рецензия на Руставели... — Свою литературную карьеру в Америке Набоков начал в качестве критика. Уилсон, временно занимавший должность литературного редактора леволиберального журнала «Нью рипаблик», заказал ему несколько рецензий на книги, так или иначе связанные с «русской темой». Среди них были: книга о духоборах Дж. Ф. Райта, написанная С. М. Лифарем биография Дягилева и перевод «Витязя в тигровой шкуре». Набоковские рецензии, поразившие Уилсона «своим великолепным качеством», появились на страницах «Нью рипаблик» в конце 1940 — начале 1941 гг. (Diaghilev and Disciple <Rec: Lifar S. Serge Diaghilev. An Intimate Biography> // New Republic. 1940. November 18, pp. 699–700; русский перевод см.: Набоков о Набокове. С. 425–427; Crystal and Ruby <Rec: The Knight in the Tiger's Skin>// New Republic. 1940. November 25, pp. 733–734; Homes of Dukhobors <Rec: Wright J. F. C Slava Bohy, The Story of the Dukhobor's>// New Republic. 1941. January 13, pp. 61–62.

4

…пожалуйста, воздержитесь от каламбуров… — В рецензии на «Николая Гоголя» Уилсон также неодобрительно отозвался о пристрастии Набокова к словесной игре: «Его каламбуры бывают просто ужасны» (Цит. по: Классик без ретуши. С. 243).

5

Гринберги — то есть бизнесмен и меценат Роман Николаевич Гринберг (1893–1969), приятель Набокова, вплоть до грандиозного коммерческого успеха «Лолиты» оказывавший ему материальную поддержку, и его супруга Софья Михайловна Гринберг (урожд. Кадинская).

6

Истмены — американский писатель, поэт, литературный критик и радикальный политический активист Макс Истмен (1883–1969) — в 1920-е рьяный сторонник большевизма; в 1930-е — ортодоксальный троцкист и антисталинист; в 1950-е, в эпоху маккартизма, — антикоммунист, дававший разоблачительные показания против своих бывших единомышленников, — и его жена Елена (урожденная Крыленко, сестра Н.В. Крыленко, члена Верховного революционного трибунала при ВЦИК, одного из организаторов сталинских репрессий).

7

Уикс Эдвард (1898–1989) — американский журналист, критик; с 1938 по 1966 гг. — редактор журнала «Атлантик». «С трогательной теплотой» Уикс принял перевод рассказа «Облако, озеро, башня».

8

Волконский Сергей Михайлович (1860–1937) — художественный критик, прозаик, мемуарист, внук декабриста С. Г. Волконского; дважды посетил США (в 1893 и 1896 гг.) и с огромным успехом прочел в ряде городов цикл лекций о русской культуре. В мемуарной книге «Мои воспоминания» Волконский назвал свое пребывание в Уэллсли-колледже, где примерно спустя полвека будет преподавать Набоков, «в числе самых радостных <…> впечатлений на жизненном пути»: «Я думаю, что какое бы счастье ни ожидало некоторых из этих девушек в будущем, самое счастливое в их жизни будет все-таки пребывание в этом удивительном Wellesley College. Какое восхитительное зрелище этих молодых девушек в радостном сочетании природы и науки. И всюду — в рощах, над озером, в высоких коридорах — раздается в звонких, свежих голосах клич Wellesley» (С. Волконский. Мои воспоминания. В 2 т. — М.: Искусство, 1992. Т. 1. С. 308).

9

…отправляюсь в театр к Чехову… — В конце 1940 г. Набоков списался со знаменитым актером и режиссером Михаилом Александровичем Чеховым (1891–1955), с 1939 г. проживавшим в США, и предложил ему инсценировать «Дон Кихота». Чехову идея понравилась, но встреча в конце марта 1941 г. выявила принципиальные разногласия двух художников по поводу будущей постановки, так что из этой затеи ничего не вышло.

10

Деннис Найджел (1912–1989) — английский писатель и литературный критик, с 1934 по 1950 гг. жил в США, сотрудничал в журналах «Нью рипаблик» и «Тайм». Заказанная Деннисом рецензия на книгу Фрейна Уильямса «Шекспир и „Глобус“» была опубликована в майском номере «Нью рипаблик» (New Republic, 1941, vol. 104, № 20 (May 19), p. 702; рус. перев. см.: Набоков о Набокове. С. 435–437); статья «Искусство перевода», позже вошедшая в посмертно изданный том «Лекций по русской литературе» (1981), появилась в августовском номере журнала (New Republic, 1941, August 4, pp. 160–162).

11

Манн Клаус (1906–1949) — немецкий писатель, старший сын Томаса Манна; в 1936 г. переехал в США, издавал журнал «Десижн», для которого Набоков собирался написать статью о советской литературе.

12

Венусберг — в немецком фольклоре название горы и скрытого под ней подземного мира любви и красоты, в котором обитала богиня Венера.

13

Лафлин Джеймс (1914–1997) — американский издатель, основатель издательства «Нью дирекшнз», в котором были опубликованы первые англоязычные сочинения Набокова: роман «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1941), «Николай Гоголь» (1944) и сборник рассказов «Девять историй»(1947).

14

Мои похвалы… — Речь идет о рекламной заметке Уилсона, помещенной на обложке романа «Истинная жизнь Себастьяна Найта»; в ней Набоков ставился на один уровень с Кафкой, Прустом, Гоголем и… Максом Бирбомом.

15

Бойл Кэй (1902–1992) — американская писательница, критик; высоко оценила первый англоязычный роман Набокова «Истинная жизнь Себастьяна Найта»: по ее мнению, история Себастьяна Найта «рассказана с блеском, утонченным изяществом и сдержанностью, с изысканно-ядовитым юмором, который доставляет наслаждение при чтении» (K. Boyle. The New Novels// New Republic, 1942. vol. 106, № 4 (January 26), p. 124).

16

«Смех во тьме»— англоязычная версия романа «Камера обскура» (Laughter in the Dark. Indianapolis & N. Y.: Bobbs-Merrill, 1938).

17

…явление онтогенетическое, а не филогенетическое. — Онтогенетический — относящийся к развитию отдельного существа; филогенетический — относящийся к процессу исторического развития мира живых организмов как в целом, так и отдельных групп — рода, народа, расы, человечества.

18

…на редкость непристойную фотографию хорошенькой русской балерины (по-моему, Тумановой)? — Набоков ошибся: на упомянутой фотографии (Life. 1942. April 20, p. 29) была запечатлена не балерина и киноактриса Тамара Владимировна Туманова (1919–1996), а танцовщица Вера Зорина (урожд. Ева Бригитта Гартвиг, 1917–2003), в то время — супруга знаменитого хореографа Джорджа Баланчина.

19

Максвелл Уильям (1908–2000) — американский писатель; на протяжении сорока лет, с 1936 по 1975 гг., был литературным редактором журнала «Нью-Йоркер».

20

Эзвелл Мэри Луиз (1902–1984) — американская писательница, редактор журнала «Харперс».

21

Мэри — Мэри Маккарти (1912–1989), третья жена Эдмунда Уилсона, американская писательница, критик, публицист; была лично знакома с Набоковым; написала хвалебную рецензию на «Бледный огонь» (рус. перев. см.: Классик без ретуши. С. 349–361), но, прочитав «Аду», нашла ее настолько слабой, что посчитала необходимым сделать полную переоценку писательской репутации Набокова (M. McCarthy. Exiles, Expatriates and Internal Emigres // Listener, 1971, vol. 86, № 2226. (November 25), pp. 707–708).

22

Прочел «Русалку» и Вашу концовку. — Написанная Набоковым заключительная сцена к незаконченной драме Пушкина «Русалка» была опубликована в «Новом журнале» (1942, № 2. с. 181–184).

23

Беннингтон звучит ужасно привлекательно. — В письме от 12 июня 1942 г. Уилсон сообщал, что в Беннингтонском университете нашлось вакантное место преподавателя русского языка и предлагал Набокову связаться с деканом Льюисом Джонсоном.

24

…секретарь одного писателя… — Эрскина Колдуэлла (1903–1987), среди прочего, автора романа о бедняках Юга «Табачная дорога» (1938). После нападения Германии на СССР Колдуэлл стал корреспондентом журнала «Лайф» в Москве, побывал на фронте, о чем написал книгу «Дорога на Смоленск» (All-Out on the Road to Smolensk, 1942); в 1942 г. вышел его роман о советских партизанах «Всю ночь напролет» (All Night Long, 1942).

25

Пирс Чарльз — редактор поэтического отдела журнала «Нью-Йоркер».

26

Чавчавадзе (урожд. Романова) Нина Георгиевна (1901–1974) — старшая дочь Великого князя Георгия Михайловича, жена князя Павла Александровича Чавчавадзе (1899–1971); в 1927 г. супруги Чавчавадзе переехали в США; с 1939 г. жили в Уэллфлите по соседству с Эдмундом Уилсоном.

27

Мирский Дмитрий Петрович (Святополк-Мирский, 1890–1939) — критик, литературовед, участник Белого движения; с 1920 г. в эмиграции; с 1922 по 1932 гг. преподавал русскую литературу в Школе славяноведения при Лондонском университете и Королевском колледже, одновременно печатался в эмигрантских изданиях. В середине 1920-х Мирский (потомок Рюриковичей, сын царского министра!) увлекся марксизмом и в 1931 г. вступил в Британскую коммунистическую партию; в сентябре 1932 г., при посредничестве Максима Горького, вернулся в СССР, где активно включился в литературную жизнь. Во время своего паломничества в Советский Союз (май — октябрь 1935 г.) с ним встретился Э. Уилсон, и именно «товарищ князь» привлек его внимание к творчеству Пушкина. Набоков, как и полагалось «белоэмигранту», критически относился к «мерзкому Мирскому» и даже кольнул его в эпиграмме, сочиненной после известия о том, что Глеб Струве получил место преподавателя в Лондонском университете: «Из Глеба выйдет больше толка,/ чем из дурного Святополка!» (Цит. по: Звезда, 2003, № 11. С. 148). Однако позже, всерьез занявшись исследованием русской литературы, Набоков высоко оценил главный литературоведческий труд Мирского, фундаментальную «Историю русской литературы» (1926), (едва ли не единственный источник, на который он сослался в «Николае Гоголе»). В письме редактору издательства «Кнопф» от 9 апреля 1949 г. Набоков объявил себя почитателем книги Мирского и назвал ее «лучшей историей русской литературы, написанной на каком-либо языке, включая русский», однако, не зная, что Мирский был репрессирован в годы Большого террора и погиб в колымском концлагере, отказался от предложения написать к ней рекламную аннотацию, «поскольку бедняга сейчас в России и комплименты от такого антисоветского писателя, как я, могут принести ему большие неприятности» (V. Nabokov. Selected Letters. 1940–1977 / Ed. by D. Nabokov and Matthew J. Bruccoli. — N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark Layman, 1989, p. 91).

28

Фэдимен Клифтон (1904–1999) — американский журналист (с 1933 по 1943 гг. возглавлял отдел рецензий в журнале «Нью-Йоркер»), позже — популярный радио- и телеведущий.

29

Мучник Элен (Елена Львовна, 1903—?) — американский литературовед русско-еврейского происхождения (дочь прогоревшего одесского коммерсанта, в 1911 г. вместе с семьей переехала сначала в Бельгию, а спустя три года — в США); близкая приятельница Э. Уилсона, которую он безуспешно прочил Набокову в переводчицы.

30

Для Гуггенхайма это может иметь значение. — В 1942 г. Набоков, собираясь писать роман, подал заявку в фонд Гуггенхайма на получение стипендии в номинации «Творческая деятельность»; в 1943 г., благодаря содействию Уилсона, он получил грант в 2500 долларов.

31

…*отрывок в «Атлантике»*… — То есть мемуарный очерк «Mademoiselle 0», опубликованный в январском номере журнала «Атлантик» за 1943 г. и позже вошедший в «Другие берега» (в англоязычных версиях — «Убедительное доказательство» и «Память, говори»).

32

Кунина (в замужестве Александер) Ирина Ефимовна (1900–2003) — писательница; во время Гражданской войны вышла замуж за белого офицера и вместе с ним эмигрировала в Югославию; в начале 20-х, разведясь с мужем, вернулась в Советскую Россию, снималась в кино, писала киносценарии, работала корреспондентом «Правды»; в 1926 г. вышла замуж за Божидара Александера, одного из самых богатых людей в Хорватии, и обосновалась в Загребе, где стала хозяйкой салона, в котором собирались ведущие хорватские художники и писатели; в 1941 г. супруги Александер, спасаясь от фашистов, бежали в США; в Америке Кунина-Александер активно сотрудничала в русских эмигрантских изданиях (в том числе и в журнале «Новоселье») и издала в переводе на английский свой роман «Набегающая волна» (The Running Tide, 1943). В письме к З.А. Шаховской Набоков дал кисло-сладкий отзыв о другом романе Куниной — «Только факты, сэр» (1933): «…далеко не бездарна, но пишет так, словно моет пол à grand'eur [с большим количеством воды *(франц.)*], шумно выжимая — дочерна мокрую — половую тряпку в ведро, из которого затем поит читателя; в общем книга скучная и кривая» (Итоги, 1996, № 20 (24 сентября), с. 69).

33

Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — публицист, общественный деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии; близкий друг отца писателя, В. Д. Набокова, вместе с которым в эмиграции издавал газету «Руль»; в Берлине организовал издательство «Слово», где вышли многие произведения В. Набокова: романы «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», сборник стихов и рассказов «Возвращение Чорба». В мемуарной книге «Годы изгнания: Жизненный отчет» (Париж, 1979) оставил исполненный приязни портрет В. Набокова (Сирина). Как и Набоков, Гессен покинул Германию после прихода к власти нацистов и обосновался в Париже; в июне 1940 г. перед вступлением немецких войск в Париж бежал на юг Франции, в неоккупированную зону; в 1942 г. перебрался в Америку. Набоковский некролог «Памяти И. В. Гессена» был опубликован в нью-йоркской газете «Новое русское слово» (1943. 31 марта).

34

…последний («русский») «Лайф»? — То есть мартовский номер журнала «Лайф» (1943. March 29), целиком посвященный СССР. Помимо парадной фотографии Сталина на обложке и панегирического очерка о Ленине, который был назван «величайшим человеком современности», «белого эмигранта» Набокова не могла не покоробить лаконичная подпись под портретом Пушкина: «Пушкин, поэт-аристократ, присоединился к заговору офицеров против царя, был сослан на Кавказ и убит на дуэли», — равно как и фотография отъявленного советофила Джозефа Эндрюса Дэвиса (1876–1958), с 1936 по 1938 гг. — посла в СССР, позже — организатора и почетного председателя Национального совета Общества американско-советской дружбы, автора пропагандистской книги «Миссия в Москву» (1942), в которой обелялся Сталин и его тоталитарный режим (переведенная на тринадцать языков, она стала бестселлером и была распродана в количестве семисот тысяч экземпляров). На фотографии Дэвис был запечатлен с книгой в руках, на фоне антикварных ценностей, приобретенных им в Советской России.

35

…она вышла в одном номере с твоим рассказом. — Первая статья Уилсона из его «Заметок о русской литературе», позже вошедших в сборник «Окно в Россию» (A Window on Russia, 1973), появилась в ноябрьском номере «Атлантика» за 1943 г., где был напечатан и набоковский рассказ «Что как-то раз в Алеппо…»

36

…мой перевод «Ты волна моя волна» никуда не годится. — В пушкинском разделе «Заметок о русской литературе» Уилсон предложил свой перевод строчек из «Сказки о царе Салтане» «Ты волна моя, волна! / Ты гульлива и вольна…»: «O thou, my sea, my sea / So indolent and free». Ознакомившись с корректурой статьи, в письме от 9 ноября 1943 г. Набоков раскритиковал уилсоновский перевод и предложил два своих варианта: «Seawave, o seawave, o you wave, / ever a rover and nobody's slave» и «O my seawave, roving wave, / you that nothing can enslave» (NWL, p. 119).

37

«Вкус меда» (1941) — роман английского писателя и философа Джералда (Генри Фицджеральда) Хёрда (1889–1971).

38

…пометки на полях твоей корректуры… — То есть пометки на корректуре уилсоновской статьи «Тютчев», завершавшей цикл «Заметки о русской литературе».

39

…отказать в публикации книги Фицджеральда… — Речь идет о сборнике писем и эссе «Крах» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, подготовленного Уилсоном. Опасения Уилсона оказались напрасными: в 1945 г. книга была выпущена издательством Лафлина «Нью дирекшнз» (Crack-Up, 1945).

40

В одном из них… — В статье «Петербургские повести Пушкина» (1915).

41

…письмо из «Нью рипаблик» с просьбой отрецензировать пару книг. — Двойная рецензия на антологии Джона Курноса (A Treasury of Russian Life and Humor. — N. Y.: Coward-McCann, 1943) и Бернарда Гилберта Герни (A Treasury of Russian Literature. — N. Y.: Vanguard Press, 1943) появилась в январском номере «Нью рипаблик» за 1944 г. (Cabbage Soup and Caviar// New Republic. 1944. Vol. 110. № 3 (January 17), pp. 92–93; рус. перев. см.: Набоков о Набокове. С. 481–486).

42

«Окно Иуды» (The Judas Window, 1938) — название детективного романа англо-американского писателя Джона Диксона Карра (1906–1977), печатавшегося под псевдонимом Картер Диксон.

43

…серьезный разговор относительно моего романа. — Речь идет о начатом в декабре 1941 г. романе «Под знаком незаконнорожденных» (рабочее заглавие — «Человек из Порлока»).

44

…большое стихотворение… — «Парижская поэма», впервые опубликованная в «Новом журнале» (1944. № 7).

45

Мо Генри Аллен (1894–1975) — американский общественный деятель, президент Американского философского общества, с 1925 по 1963 гг. — секретарь мемориального фонда Джона Саймона Гуггенхайма.

46

Элдер Доналд (1913–1965) — редактор издательства «Даблдей».

47

Маркуэнд Джон Филипс (1893–1960) — популярный в 1930—1950-е гг. американский беллетрист, лауреат Пулитцеровской премии (1938), создатель серии «формульных» шпионских романов о секретном агенте японской разведки мистере Мотто; его произведения не принимались во внимание серьезными критиками, но пользовались успехом у массового читателя и неоднократно экранизировались в Голливуде.

48

…*статья о магии*… — очерк «Джон Малхолланд и искусство иллюзии» («John Mulholland and the Art of Illusion», New Yorker, 1944, March 11).

49

…стихотворение о снеге и Шерлоке Холмсе. — Стихотворение американского поэта Кеннета Фиринга (Fearing) было напечатано в том же номере «Нью-Йоркера», что и уилсоновская статья о магии (Sherlock Spends a Day in the Country// New Yorker, 1944, March 11).

50

Джоан — американская актриса Джоан Берри (1920–1996), короткое время была любовницей Чарли Чаплина (обещавшего ей роль в своем фильме). В 1943 г. Берри подала против Чаплина иск о признании им отцовства ее ребенка; скандальная судебная тяжба, раздуваемая желтой прессой, затянулась на несколько лет и завершилась неблагоприятным для Чаплина приговором. Во время одного из судебных разбирательств всплыл трагикомичный эпизод, когда экс-возлюбленная ворвалась к Чаплину и, угрожая пистолетом, вынудила его переспать с ней.

51

…скромный поэтический экспромт… — Стихотворение «Каким бы полотном батальным ни являлась…» (Впервые опубликовано в журнале «Социалистический вестник», 1944, № 5–6).

52

«Книга и чаша» — дискуссионный клуб, основанный в 1907 г. профессором Корнеллского университета Эвереттом Уордом Олмстедом; замышлялся как своеобразный форум, на котором университетские преподаватели могли бы встречаться друг с другом и со студентами (главным образом, старшекурсниками) и обсуждать различные темы, касающиеся искусства и литературы.

53

Уайт Кэтрин (1892–1972) — с 1925 по 1960 гг. возглавляла отдел прозы «Нью-Йоркера», на страницах которого было напечатано несколько произведений Набокова.

54

…с *восторгом схватил у меня мой рассказ.* — Скорее всего, рассказ «Забытый поэт» (Atlantic, 1944, October).

55

Льюис Перси Уиндэм (1882–1957) — английский художник и писатель, теоретик и практик вортисизма.

56

Я написал на твоего «Гоголя» рецензию в «Нью-Йоркер»… — В целом доброжелательная рецензия Уилсона на набоковского «Николая Гоголя», вышедшего в издательстве «Нью дирекшнз», где наряду с похвалами имелись и серьезные критические замечания по части содержания и стиля (New Yorker, 1944, Vol. 20. September 9, pp. 72–72; рус. перев. см.: Классик без ретуши. С. 241–243).

57

Челищев Павел Федорович (1898–1957) — русский художник; в эмиграции с 1920 г.; с 1934 по 1949 гг. жил в США.

58

…статья о детективах… — Имеется в виду эссе Уилсона «Почему люди читают детективы?» (Why Do People Read Detective Stories? // New Yorker, 1944, October 14).

59

Сэйерс Дороти (1893–1957) — английская писательница и переводчица, создательница серии детективных романов, объединенных фигурой сыщика-любителя лорда Питера Уимзи. Набоков немного искажает название одного из романов Сэйерс: «Crime Advertises» вместо «Murder Must Advertise» («Убийству нужна реклама», 1933).

60

…вернул Лафлину корректуру Пушкина-Лермонтова-Тютчева. — Речь идет о корректуре книги переводов «Три русских поэта», подготовленной Набоковым для издательства «Нью дирекшнз». Книга вышла в 1945 г. (Three Russian Poets. — Norfolk, Conn.: New Directions, 1945).

61

«Превратности времен» — рассказ, написанный в сентябре 1944 г., был напечатан в январском номере «Атлантика» за 1945 г.

62

Пиотровский (Корвин-Пиотровский) Владимир Львович (1891–1966) — поэт, участник Белого движения; с 1920 г. — в эмиграции; в Берлине работал таксистом; вместе с Набоковым входил в литературный кружок при журнале «Веретено» и кружок Айхенвальда — Татариновой.

63

…всю вину в Греции старикан возложил на троцкистов? — Речь идет о коммунистическом восстании в Афинах (декабрь 1944 г.), ставшем кровавой прелюдией к гражданской войне 1946–1949 гг. и жестоко подавленном британскими войсками. Вопреки предположениям Набокова, «старикан», то есть Иосиф Сталин, воздержался от помощи греческим коммунистам и «придерживался договора с Черчиллем, <…> в соответствии с которым Греция находилась в сфере английского влияния. 15 января 1945 года Черчилль объявил, что он заручился „устным согласием Сталина“ на то, чтобы британские войска „освобождали Афины“. Он был доволен тем, что в ходе боев на афинских улицах с греческими коммунистами „в „Правде“ и „Известиях“ не было опубликовано ни одного слова упрека“. Позднее Черчилль подчеркивал, что советский лидер в этом вопросе был лояльнее, чем британская оппозиция в палате общин» (М. Ристович. Тито, Сталин и греческий кризис// Родина, 2003, № 10).

Прац Марио (1896–1982) — итальянский писатель, переводчик, журналист, историк литературы и искусства.

65

«Адриатические волны… О Брента!..»— Евгений Онегин. Гл. 1. XLIX.

66

…пристроил в «Нью-Йоркер» один свой рассказ… — «Двуличный разговор» (New Yorker, 1945, June 23), при переиздании получивший заглавие «Групповой портрет, 1945».

67

Росс Гаролд (1892–1951) — американский журналист, основатель и главный редактор журнала «Нью-Йоркер».

68

…стало известно о твоих домашних делах… — То есть о разводе с Мэри Маккарти.

69

Из двух моих европейских братьев младший… — Кирилл Владимирович Набоков (1911–1964).

70

Другой же мой брат… — Сергей Владимирович Набоков (1900–1945). Во время войны жил возле Инсбрука в замке своего любовника Германа Тиме (Hermann Thieme); в 1943 г. во время кратковременного визита в Берлин Сергея арестовали по обвинению в гомосексуализме, но благодаря хлопотам кузины Софьи вскоре выпустили на свободу, после чего он устроился на работу в Праге, где по доносу сослуживцев был арестован вторично; умер от истощения в нацистском концлагере Нейенгам.

71

Книга Симонова… — Вероятно, речь идет о повести К. М. Симонова «Дни и ночи»(1944).

72

…спасибо за твои замечания… — В письме от 14 января 1946 г. (NWL, p. 181) Уилсон заметил, что переводы стихотворений Лермонтова удались Набокову хуже, чем переводы из Пушкина и Тютчева, и раскритиковал перевод «Ангела», особенно фразу «world of sorrow and strife» («мир печали и слез»).

73

Симмонс Эрнест (1903–1972) — американский славист, до Набокова занимавший пост преподавателя русской литературы в Корнеллском университете.

74

…*статья о Чайковском*… — рецензия на издание дневников П.И. Чайковского, в которой затрагивался вопрос о соотношении либретто оперы «Пиковая дама» и пушкинской повести (Mice, Headaches, Rehearsals: Tchaikovsky's Diaries // New Yorker, 1946, January 19).

75

…тебе досталось от какого-то господина. — Речь идет о полемической заметке писателя-детективщика Говарда Хэкрафта (Speaking of Crime // Ellery Queen's Mystery Magazine. 1946. February), отреагировавшего на очередную «антидетективную» статью Уилсона «Кого волнует, кто убил Роджера Акройда?» (Who Cares Who Killed Roger Ackroyd? // New Yorker, 1945, January 20).

76

Галеви Людовик (1834–1908) — французский либреттист, автор либретто оперы Жоржа Бизе «Кармен» (1874); использовал фрагмент песни Земфиры из пушкинских «Цыган» («Старый муж, грозный муж, / Режь меня, жги меня…») для арии Кармен из первого акта («Coupe-moi, brûle-moi, je ne te dirai rien…»).

77

«Знатный холостяк»— рассказ Артура Конан Дойла из сборника «Приключения Шерлока Холмса» (1892).

78

…в разговоре с Оденом… — Приехав в Нью-Йорк для записи программы о «Ревизоре» для Си-би-эс, Набоков остановился у Э. Уилсона, который познакомил его с англо-американским поэтом Уистеном Хью Оденом (1907–1973).

Айкен Конрад (1889–1973) — американский поэт.

80

…не смогу побывать в Принстоне и встретиться с твоим другом. — Речь идет о декане Принстонского университета Кристиане Госсе (1878–1951), друге и наставнике Уилсона, к которому в письме (от 12 февраля 1946 г.) он в очередной раз обратился с просьбой — подыскать место для Набокова в Принстоне:

> Дорогой Кристиан,
>
> кажется, я уже рассказывал тебе два или три года тому назад о моем друге Владимире Набокове. Он славный малый, поэт и романист, сочиняющий на русском и английском, а еще специалист по бабочкам, пишущий на энтомологические темы. Живет он в Кембридже; часть недели работает в отделе бабочек Музея Пибоди, другую — в Уэллсли колледж, где преподает русский язык, за что получает 2000 долларов (за первую работу гораздо меньше). Поскольку ему трудно содержать семью, он ищет чего-нибудь получше. Он сообщил мне, что до него дошли смутные слухи об открывшейся в Принстоне вакансии преподавателя русского языка и литературы, и спросил, знаю ли я что-нибудь об этом. Мне бы очень хотелось, чтобы он устроился на хорошее место. Со времени прибытия в Соединенные Штаты он стал одним из моих близких друзей, и я чрезвычайно высокого мнения о его дарованиях. Говорят, он превосходный преподаватель и лектор. Думаю, в некоторых учебных заведениях сделать карьеру ему мешали политические взгляды. Он сын того Набокова, который в Думе был лидером кадетов (конституционных демократов) и считался bête noire [предметом особой ненависти *(франц.)*] Ленина. Кадеты были либералами, желавшими установить конституционную монархию по английской модели, и были в равной степени проклятием для большевиков и реакционеров. Набоков-старший был застрелен в Германии — на вечере, во время которого черносотенцы, мстившие за революцию, пытались убить Милюкова. Таким образом, Владимир одновременно и антисоветчик, и антимонархист. Учился он в Англии, в Кембридже.

(The Papers of Christian Gauss. — N. Y., 1957, p. 347).

В ответном письме (15 февраля 1946) Госс сообщал, что в университете имеется всего лишь шестнадцать студентов, посещающих начальные курсы русского языка; что на место преподавателя уже взят американец, несколько лет живший в России; что вряд ли для Набокова найдется место и на следующий учебный год, однако он не теряет надежды на будущее и будет рад встретиться с ним в Нью-Йорке.

81

Один из переводов Лермонтова… — Перевод стихотворения «Благодарность» (1840) был опубликован в ноябрьском номере «Атлантика» за 1946 г.

82

…*стихотворение-кошмар*… — Стихотворение Набокова «Dream» было опубликовано в сентябрьском номере «Атлантика» за 1946 г.

83

…переводы Лермонтова отправлены в «Русское обозрение». — Переводы стихотворений М.Ю. Лермонтова «Парус», «Сосна» и «Родина» были опубликованы во втором номере «Русского обозрения» за 1946 г. (Russian Review, 1946, vol. 5, № 2 (Spring)).

84

Твоя книга… — То есть сборник новелл, объединенных фигурой рассказчика, «Воспоминания об округе Геката» (Memoirs of Hecate County. — N. Y.: Doubleday, 1946). В июле 1946 г. Нью-Йоркское общество по борьбе с безнравственностью подало в суд на автора и издательство, в результате чего успешно продававшаяся книга попала под запрет и была изъята из продажи.

85

…рецензия на Троцкого… — Речь идет о рецензии на книгу Льва Троцкого «Сталин» (New Yorker. 1946. May 4).

86

«Себастьян», благодаря твоим безудержным похвалам, пользуется в Англии успехом. — В 1945 г. вышло лондонское издание «Истинной жизни Себастьяна Найта».

87

Яновский Василий Семенович (1906–1989) — прозаик, мемуарист, представитель «младшего» поколения эмигрантских писателей; в 1942 г. переехал в США. Примечательно, что Набоков, мирно игравший с Яновским в шахматы, в свое время написал разгромную рецензию на его роман «Мир» (Волк, волк! // Наш век, 1932, 31 января), а в письме Уилсону от 15 июля 1943 г. дал ему нелестную аттестацию: «Он мужлан. <…> Он не умеет писать» (NWL, p. 116).

88

Маккормик Кеннет (1906–1997) — редактор издательства «Даблдей».

89

Тейт Джон Аллен (1899–1979) — американский поэт, критик и эссеист.

90

Мальро Андре (1901–1976) — французский писатель, искусствовед, общественный и государственный деятель. Во время Второй мировой войны попал в плен к немцам, бежал, после чего включился в Сопротивление и возглавил партизанское соединение. После войны Мальро целиком посвятил себя политике, занимал министерские посты в правительстве генерала де Голля.

91

Торнтон Елена (в девичестве — Мамм фон Шварценштейн; 1906–1979) — четвертая жена Э. Уилсона, дочь Питера Арнольда Готлиба Мамм фон Шварценштейна и Ольги Струве, дочери Карла Струве, посла Российской империи в США.

92

Уолпол Хью Сеймур (1884–1941) — популярный в 1910—1920-е гг. английский писатель.

93

Каляев Иван Платонович (1877–1905) — знаменитый русский террорист, член партии социалистов-революционеров, убивший великого князя Сергея Александровича и, после отказа подписать прошение о помиловании, повешенный в Шлиссельбургской крепости.

«Южный ветер» (1917) — роман английского писателя Нормана Дугласа (1863–1952), высоко ценимый Набоковым: «… это моя старая любовь, которую всегда хотел иметь и теперь перечитываю с наслаждением» (из письма Глебу Струве от 29 декабря 1935 г. Цит. по: Звезда, 2004, № 4, с. 162) Позже, в интервью Олвину Тофлеру (март 1963) Набоков назвал Дугласа одним из своих любимых писателей (Набоков о Набокове. С. 154). Примечательно, что «Южный ветер» упоминается в числе любимых книг Себастьяна Найта, главного героя первого англоязычного романа Набокова (см. гл. 5). Уилсон, напротив, весьма кисло отозвался о романе Дугласа в книге «Европа без Бедекера» (Europe Without Baedeker. Sketches Among the Ruins of Italy, Greece and England. — Garden City: Doubleday. 1947, pp. 212–214).

95

Силоне Игньяцио — псевдоним итальянского писателя Сегондино Транквилли (1900–1978), переболевшего, как и Уилсон, коммунизмом (в 1921 г. он был одним из основателей Итальянской коммунистической партии; в СССР был издан его антифашистский роман «Фонтамара», который был высоко оценен и Львом Троцким), но уже во время войны ставшего агентом американской разведки и антисталинистом.

Розалинда (р. 1923) — старшая дочь Э. Уилсона.

97

…познакомился с твоим кембриджским соседом по комнате К… — Имеется в виду Михаил Калашников (1901—?), двоюродный брат Светланы Зиверт, возлюбленной юного Набокова; с 1919 по 1921 гг. Калашников изучал историю в Кембридже и был соседом Набокова по квартире на Тринити-лейн. Подробнее об их взаимоотношениях см. Б. Бойд. Владимир Набоков. Русские годы. — М.: Издательство Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001, с. 200, 205–206, 208–209, 212–214, 216–219.

Фаррер Клод (наст. имя Фредерик Шарль Эдуар Баргон, 1876–1957) — французский писатель, автор популярных в свое время «колониальных романов».

99

Пейтер (Патер) Уолтер (1839–1894) — английский писатель, критик, искусствовед, идеолог эстетизма; его незаконченный роман «Гастон де Лятур» был издан посмертно в 1896 г.

100

Бассо Гамильтон (1904–1964) — американский писатель, журналист, критик, около двадцати лет сотрудничал с журналом «Нью-Йоркер», на страницах которого откликнулся на выход романа «Под знаком незаконнорожденных» (Hands Across the Sea // New Yorker, 1947, vol. XXIII, June 14, pp. 86–87).

101

Гессен Георгий Иосифович (1902–1971) — младший сын И.В. Гессена, юношеский приятель Набокова. В 1942 г. вместе с отцом перебрался из Европы в Америку, работал переводчиком в штаб-квартире ООН.

«Королевство у моря» — рабочее заглавие «Лолиты».

103

…закончил свою основную энтомологическую работу… — Речь идет о монографии «Неарктические члены рода Lycaedides Hubner», которая вышла отдельным номером «Бюллетеня Музея сравнительной зоологии» (Bulletin of the Museum of Comparative Zoology of Harvard College, 1949, vol. 101, № 4).

104

Хеллман Джеффри (1907—?) — американский журналист, сотрудник «Нью-Йоркера».

105

В своем интересном списке… — В хвалебной рецензии на книгу Элен Мучник «Введение в русскую литературу» (An Introduction to Russian literature. — N. Y.: Doubleday, 1947) Уилсон обращал внимание американских читателей на современных русских писателей: Троцкого, Шолохова, Симонова, Алданова, Набокова и Пастернака (Helen Muchnic: A Teacher Turned Critic // New Yorker, 1947, June 21).

106

…небольшой очерк про тебя… — Жан-Поль Сартр написал отрицательный отзыв на французский перевод «Отчаяния» еще в 1939 г. (Europe. 1939. № 198, pp. 240–249; рус. перев. см.: Классик без ретуши. С. 128–130); прямолинейно отождествляя героя-повествователя и автора, он обвинял Набокова в гипертрофированной литературной рефлексии, разрушающей, с его точки зрения, роман и превращающей его в «набор обветшалых штампов». В 1949 г. Набоков напишет разносную рецензию на перевод сартровского романа «Тошнота» (Sartre's First Try // New York Times Book Review, 1949, April 24, pp. 3, 19; рус. перев. см.: Набоков о Набокове. С. 487–491).

107

Was в последней строчке «Паруса»… — В набоковском переводе «Паруса» последняя строчка выглядит так: «As if in tempests there was peace».

108

Бэринг Морис (1847–1945) — английский писатель, переводчик, журналист; среди прочего, автор исторического романа «Роберт Пекэм» (1930); с 1905 по 1912 гг. жил в России, написал о ней несколько книг.

109

…Коннолли написал какую-то чудовищную фрейдистскую чушь… — Недовольство Набокова вызвала статья английского писателя и критика Сирила Коннолли (1903–1974) «Романист как критик» (The Novelist as Critic // New Yorker, 1948, April 10).

110

…пишу рецензию на книгу воспоминаний свояченицы Толстого… — Речь идет о рецензии на американское издание мемуарной книги Татьяны Андреевны Берс-Кузьминской (1846–1925) «Моя жизнь дома и в Ясной поляне» (The Original of Tolstoy's Natasha // New Yorker, 1948, August 28).

111

…две книги Бишопа… — Речь идет о посмертно изданных книгах уилсоновского приятеля и однокашника Джона Пила Бишопа (1892–1944) «Избранные стихотворения» (The Collected Poems of John Peale Bishop. Edited with preface and personal memoir by Allen Tate) и «Избранные эссе» (The Collected Essays of John Peale Bishop. Edited with an introduction by Edmund Wilson).

112

Увлекся твоим Тэнглвудом… — Имеется в виду уилсоновская статья о дирижере Сергее Александровиче Кусевицком (1874–1951), с 1924 по 1949 гг. руководившем Бостонским симфоническим оркестром (Koussevitzky at Tanglewood // New Yorker, 1948, September 4).

113

…не уверен, что Россу он понравится. — Предчувствие не обмануло Набокова: очерк «Первое стихотворение», позже составивший одиннадцатую главу «Убедительного доказательства», был отвергнут редактором «Нью-Йоркера» и впервые был опубликован в журнале «Партизэн ревью» (Partisan Review, 1949, September).

114

Хайман Стенли Эдгар (1919–1970) — американский критик и литературовед, автор нескольких статей о набоковском творчестве. В книге «Вооруженным глазом. Методы современной литературной критики» (The Armed Vision. A Study in Methods of Modern Literary Criticism. — N. Y.: Knopf, 1948, pp. 21–22) с укоризной писал о том, что Уилсон в своих статьях о русской литературе без каких-либо ссылок использует находки других авторов: Мельхиора де Вогюэ, Дмитрия Мирского, Владимира Набокова.

115

В другой своей публикации… — В статье, посвященной тогдашней американской критике (Accent, 1948, Spring), Хайман обвинял многих критиков в чрезмерной субъективности, приводящей к подмене интенций автора домыслами интерпретатора. В качестве яркого примера подобной подмены Хайман приводил «Николая Гоголя» «сюрреалиста» и «царисата-либерала» Владимира Набокова.

116

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) — общественный и политический деятель, член партии социалистов-революционеров, неоднократно арестовывался полицией; в ноябре 1917 г. был избран депутатом Учредительного собрания, затем вошел в состав Комуча (Комитет членов Всероссийского учредительного собрания); в ноябре 1918 г. после военного переворота в Омске и установления власти адмирала Колчака выслан в Китай; оттуда перебрался в Париж, где занялся журналистской и литературной деятельностью: вместе с товарищами по партии организовал «толстый» журнал «Современные записки», в котором были опубликованы многие русскоязычные произведения В. Набокова (Сирина). С Набоковым у Зензинова сложились приятельские отношения, которые они поддерживали, оказавшись в Америке (Зензинов прибыл туда в октябре 1940 г.). Подробнее о взаимоотношениях Набокова и Зензинова см.: Г. Глушанок. «Дорогой и милый Одиссей…» Переписка В. В. Набокова и В. М. Зензинова// Наше наследие, 2000, № 53, с. 76—115.

Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) — журналист, с 1914 г. — сотрудник, а с 1923 г. — главный редактор нью-йоркской газеты «Новое русское слово».

117

…мы с тобой оба отличились в последнем «Нью-Йоркере». — В сентябрьском номере «Нью-Йоркера» за 1948 г. были опубликованы: очерк Набокова «Мое русское образование», впоследствии вошедший в мемуарную книгу «Убедительное доказательство» («Другие берега»), и статья Уилсона (Francis Grierson: Long House and Salon // New Yorker, 1948, September 18).

118

…статью в «Атлантике» про музей Толстого… — Имеется в виду разоблачительная статья «невозвращенца» Михаила Михайловича Корякова (1911–1977) «Толстой в руках Советов», напечатанная в октябрьском номере «Атлантика» за 1948 г.

119

…письмо о Фолкнере? — В письме от 1 ноября 1948 г. Набоков сообщил Уилсону о том, что отправил ему «великолепную критику Фолкнера». По-видимому, письмо не дошло до адресата, поскольку 21 ноября Набоков послал копию своего «антифолкнеровского» послания, в котором назвал «Свет в августе» «одним из банальнейших и скучнейших примеров банального и скучного жанра» (NWL, p. 236–237; см. рус. перев. письма: Звезда, 1996, № 11, с. 122–123).

120

…пришлю тебе свою книгу… — исправленное и дополненное издание «Трех мыслителей» (1938).

121

…«La Geste du Prince Igor», изданный в Нью-Йорке École Libre de Hautes Études под редакцией Якобсона… — Набоков написал пространное эссе-рецензию на французское издание «Слова о полку Игореве», подготовленное именитым филологом, профессором Гарвардского университета Романом Осиповичем Якобсоном (1896–1982) и преподавателем Корнеллского университета Марком Юрьевичем Шефтелем (1902–1985). После неудачи с публикацией статьи Набоков списался с Якобсоном и тот предложил напечатать «Слово» вместе с набоковским переводом на английский и комментариями Шефтеля. Совместный проект не был осуществлен: Набоков и Якобсон поссорились, а Шефтель из солидарности с Якобсоном отказался от сотрудничества.

122

Вернадский Георгий Владимирович (1888–1973) — историк; в 1920 г. эмигрировал из России; жил и работал в Константинополе, Афинах и Праге; в 1926 г. переехал в США и стал научным сотрудником, а с 1946 г. — профессором Йельского университета.

123

…просветил меня относительно дуэли в «Евгении Онегине»… — В письме от 4 января 1949 г. Набоков заметил «ужасную ошибку», допущенную Уилсоном в статье «Памяти Пушкина»: «Интересно, с чего ты взял, что они сходились, пятясь, затем поворачивались друг к другу лицом и стреляли, то есть вели себя как герои популярных фильмов или комиксов? Такого рода поединка в пушкинской России не существовало. Дуэль, описанная в „Онегине“, является классической duel à volonté в точном соответствии с французским Кодексом чести…» (NWL, p. 245; цит. по: Звезда, 1996, № 11, с. 124). Уилсон учел набоковскую критику и внес соответствующие изменения в переиздание «Трех мыслителей».

124

…очерк про индейцев… — «Корреспондент в Нью-Мехико: Шалако» (New Yorker. 1949. April 9; April 16), позже вошедший в книгу «Краснокожие, черные, белые и смуглые» (Red, Black, Blond and Olive: Studies in Four Civilizations: Zuni; Hainti; Soviet Russia; Israel. London: W. H. Allen, 1956).

125

Ты видел, что написал в «Лайфе» про чету Перонов Дос Пассос? — Очерк Джона Дос Пассоса «Визит к Эвите» (Life, 1949, April 11), посвященный первой леди Аргентины, харизматичной Эвите Перон (Марии Эве Дуарте де Перон, 1919–1952), жене президента Хуана Перона (1895–1974).

126

амфисбена — мифологическое чудище: гигантская двухголовая змея, вторая голова которой находится на месте хвоста.

127

Водрин Филип — в описываемый период — редактор издательства «Oxford University Press».

128

Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — историк, политический деятель, в 1903–1906 гг. член большевистской, а затем меньшевистской партии; в 1922 г. выслан из Советской России; с 1940 г. жил в США.

Церетелли Ираклий Георгиевич (1881–1959) — политический деятель, один из лидеров меньшевистской партии, председатель социал-демократической фракции Государственной думы второго созыва; после Февральской революции — член исполкома Петроградского совета, затем — министр почт и телеграфов Временного правительства; после захвата власти большевиками уехал в Грузию и стал одним из лидеров независимой республики; с 1921 г. — в эмиграции: сначала во Франции, а с 1940 г. — в США.

129

…дописал пьесу… — «Синий огонечек».

130

…собрал сборник статей, написанных мною еще в 20-е годы. — «Брега Лучезарные. Литературная хроника двадцатых и тридцатых» (Shores of Light: A Literary Chronicle of the Twenties and Thirties. — N. Y.: Farrar, Straus and Young, 1952), куда вошли критические статьи Уилсона о ведущих англо-американских писателях 20-х и 30-х гг.: Ф. Скотте Фицджеральде, Э. Хемингуэе, Т.С. Элиоте, Э. Паунде, Вирджинии Вулф и др.

131

Струве Глеб Петрович (1898–1985) — литературовед, переводчик, критик, в 1920—1930-е гг. поддерживавший приятельские отношения с Набоковым и много сделавший для пропаганды его творчества (Струве написал о набоковских произведениях несколько статей и рецензий на русском, английском и французском языках, а также перевел на английский рассказы «Возвращение Чорба» и «Пассажир»). К середине 50-х гг., времени написания его главного литературоведческого труда, «Русская литература в изгнании» (1956), Струве заметно охладел к творчеству Набокова, о чем можно судить и по «набоковской» главе «Русской литературы в изгнании» (где настойчиво проводится тезис о «нерусскости» писателя), и по многочисленным признаниям, сделанным в письмах. Например, в письме от 29 июля 1952 г. В. Маркову Струве вполне определенно заявил о том, что его отношение к творчеству Набокова с годами изменилось к худшему: «…есть в его таланте какая-то исконная порочность. Я в свое время много писал о его ранних вещах (я был в русской критике одним из первых его пропагандистов), но писал больше в положительном смысле, а сейчас меня позывает написать по-иному, но я должен сначала для себя это осмыслить» (Цит. по: Классик без ретуши. С. 612).

132

«Герцогиня Мальфийская» (1614) — трагедия английского драматурга Джона Вебстера (1578–1634).

133

Рассказ о моем первом любовном приключении… — «Тамара» (New Yorker. 1949. December 10), впоследствии — одиннадцатая глава «Других берегов».

134

…другой отрывок… — Забракованный редакторами «Нью-Йоркера» очерк «Мое английское образование» (двенадцатая глава «Других берегов») был опубликован в январском номере «Харперс мэгэзин» за 1951 г. под заглавием «Квартирка в Тринити-лейн».

135

…невинные вещи, которые я когда-то писал тебе про американских радикалов… — Речь идет о письме от 23 февраля 1948 г., в котором Набоков попытался развеять розовые иллюзии Уилсона и других американских интеллектуалов относительно тоталитарного советского режима (NWL, p. 221–223; рус. перев. см.: Звезда, 1996, № 11, с. 120–121).

136

В тот вечер было столько неприятных сцен… — Об одной из подобных сцен, разыгравшихся на вечере в честь двадцатипятилетия «Нью-Йоркера», Уилсон рассказал в письме Мортону Зейбелю от 28 апреля 1950 г.: «…вечер был самой настоящей катастрофой, так что кто-то предложил „Нью-Йоркеру“ описать его в стиле „Хиросимы“ Херси. <…> Владимир Набоков, который по случаю прибыл из Корнелла, узнав, что здесь присутствует Стенли Эдгар Хайман, подошел к нему и спросил, что он имел в виду, назвав его отца „царским либералом“. Хайман, вероятно, испугался, что Набоков прибегнет к рукоприкладству, и пролепетал: „О, я считаю вас великим писателем! Я восхищаюсь вашими произведениями!“ Набоков вернулся с острой невралгией и долгое время провел в больнице» (E. Wilson. Letters on Literature and Politics, 1912–1972. — N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1977, p. 482).

137

Херси Джон (1914–1993) — американский писатель и журналист. Его документальный репортаж о первой атомной бомбардировке, впервые опубликованный в журнале «Нью-Йоркер» в 1945 г. и вскоре вышедший отдельным изданием («Хиросима», 1946), вызвал большой резонанс в Америке.

138

Пишу последнюю (16-ю) главу книги. — «От третьего лица», которая, по замыслу Набокова, должна была представлять собой авторецензию, раскрывавшую основной композиционный принцип будущей книги. (Нечто похожее уже делалось Набоковым в его русских романах, например, в «Даре», содержащем критические разборы произведений Годунова-Чердынцева.) По ходу дела глава приобрела пародийный оттенок: высмеивая распространенный в американской периодике жанр «двойных» рецензий (и выдумав для этой цели некую «мисс Браун», автора сентиментальных мемуаров «Когда сирень не вянет»), Набоков наградил собственную книгу неумеренно-щедрыми комплиментами, словно вознамерившись перещеголять нарциссические самовосхваления безумного Германа Карловича, главного героя «Отчаяния». Закончив авторецензию 14 мая 1950 г., Набоков понял, что она не вписывается в структуру книги и не соответствует общей элегической тональности. Выпав из состава набоковской автобиографии, глава была опубликована уже после смерти писателя (New Yorker, 1998, December 28 — 1999, January 4, pp. 124, 126–130, 132–133; рус. перев. см.: Набоков о Набокове. С. 493–513).

139

…глава, довольно замысловатая, о детстве моего сына… — Очерк «Сады и парки» (New Yorker, 1950, June 17), ставший четырнадцатой главой «Других берегов» (и, соответственно, пятнадцатой главой англоязычной версии набоковских мемуаров).

140

…глава напечатана в «Партизан»… — «Изгнание» (Partisan Review. 1951. January-February), четырнадцатая глава «Убедительного доказательства» (и, соответственно, тринадцатая глава «Других берегов»).

141

…стих про «пифку-пафку»… — Речь идет о шуточном стихотворении Уилсона «Столпотворение на парковке» (The Mass in the Parking Lot// Furioso, 1949, vol. 4, № 3), в частности, о следующих строчках:

> With a rumble-de bum and a pifka-pafka
> Came the fife and drum corps parading for Kafka

142

Генри — Генри Герман Мамм Торнтон (р. 1932) — приемный сын Э. Уилсона (сын Елены Торнтон от первого брака).

143

«Галахад» — рассказ Э. Уилсона, опубликованный в антологии «Американский караван» (The American Caravan: A Yearbook of American Literature. — N. Y.: Literary Guild of America, 1927).

144

В метаморфозах Садовника есть что-то «сириническое». — В конце уилсоновской пьесы «Синий огонечек» один из персонажей, таинственный Садовник, оказывается Агасфером, то есть Вечным Жидом, что не могло не напомнить Набокову о его драматическом монологе «Агасфер», опубликованном под псевдонимом В. Сирин в берлинской газете «Руль» 2 декабря 1923 г.

145

«В открытую дверь было видно и улицу, тихую, пустынную, и самую луну, которая плыла по небу». — Цитата из шестой главы повести А. П. Чехова «Мужики».

146

Руэл (р. 1938) — сын Эдмунда Уилсона и Мэри Маккарти.

147

англичанка — англо-американская актриса Джессика Тэнди (1909–1994).

148

…беседовал с отцом Джеффри Хеллмана… — То есть с американским критиком, коллекционером и букинистом Джорджем Сидни Хеллманом (1878–1958), среди прочего автором книги «Подлинный Стивенсон» (True Stevenson. A Study in Clarification. — Boston: Little Brown, 1925).

149

…выдалась минута поблагодарить тебя за твою книгу… — Сборник критических статей «Классики и реклама. Литературная хроника сороковых» (Classics and Commercials. A Literary Chronicle of the Forties. — N. Y.: Farrar, Straus and C°., 1950).

150

Последняя строчка вызывает у меня протест. — В книжный вариант рецензии на «Николая Гоголя», получившей заглавие «Владимир Набоков о Гоголе», была добавлена фраза, в которой Набоков сравнивался с английским писателем польского происхождения Джозефом Конрадом (1857–1924). «Лестное» для Набокова сравнение с Конрадом вскоре перекочевало и в статьи других англоязычных критиков, что вызывало вполне обоснованные возражения у жертвы легковесных компаративистских сличений: «Меня слегка раздражают сравнения с Конрадом. Не то чтобы я был недоволен в литературном плане, я не это имею в виду. Суть в том, что Конрад никогда не был польским писателем. Он сразу стал английским писателем» (H. Breit. Talk With Mr. Nabokov // New York Times Book Review. 1951. July 1, p. 17). В многочисленных интервью «швейцарского периода» Набоков периодически весьма неприязненно отзывался о Джозефе Конраде: «…не выношу стиль Конрада, напоминающий сувенирную лавку с кораблями в бутылках, бусами из ракушек и всякими романтическими атрибутами» (из интервью журналу «Плейбой»; цит. по: Набоков о Набокове. С. 154); «…мое отличие от Джозефа Конрадикально. Во-первых, он не писал на своем родном языке, прежде чем стать английским писателем, и, во-вторых, сегодня я уже не переношу его полированные клише и примитивные конфликты». (Из телеинтервью Р. Хьюзу; Цит. по: Набоков о Набокове. С. 171); «…я не люблю его книги, они мне ничего не говорят. Когда я был ребенком, я читал их, потому что это книги для детей. Они полны клише и неуемной романтики…» (Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом // Звезда, 1996, № 11, с. 62).

151

…письмо о твоем скверном русском стихотворении… — В письме от 10 января 1951 г. (NWL, p. 284) Уилсон одарил Набокова стихотворением, написанным, как он считал, по-русски:

Лев Толстой
Был писатель большой;
Но когда хотел крестьянином считаться,
Он только слыл безумным дворянином;
Когда притворется христианином,
Он просто злючкой казатся.

152

…твое письмо вызвало у меня острый приступ удовольствия. — В письме от 19 марта 1951 г. (NWL, p. 287) Уилсон расхвалил «Убедительное доказательство», забраковав лишь заглавие.

153

Голланц Виктор — английский издатель (1893–1967); по его просьбе Набоков дал новое название английскому изданию своей мемуарной книги: «Память, говори».

154

Грин Генри (1905–1973) — английский писатель; большинство его романов и впрямь озаглавлены одним словом: «Blindness» (1926), «Living» (1929), «Loving» (1945), «Nothing» (1950) и т. п.

155

…мне надоело, что мои книги погружены в тишину… — В целом набоковские мемуары получили хорошую прессу в англо-американской периодике, хотя количество отзывов было относительно невелико, да и продавалась книга вяло — вопреки ожиданиям автора.

156

«Нью-Йоркер» отказывается печатать лучший рассказ из всех, мною написанных… — «Сестры Вейн», законченный 15 марта 1951 г.

157

Колетт Сидони Габриэль (1873–1954) — французская писательница; в 1945 г. была избрана членом Гонкуровской академии, а с 1949 г. стала ее председателем. «Шери» (1920) — один из самых популярных романов Колетт (в 1950-м он был экранизирован в Голливуде).

158

Николсон Гарольд (1886–1968) — английский дипломат, публицист, прозаик; входил в кружок блумсберийцев. Набоков высоко оценил его книгу «Какие-то люди» (1926) в письме Уилсону от 7 января 1944 г. (см.: NWL, p. 134), а позже — в беседе со своим первым биографом Эндрю Филдом (A. Field. Nabokov: His Life in Part. — London: Hamish Hamilton, 1977). В ворчливой рецензии на «Память, говори» Николсон сетовал на то, что автор слишком много внимания уделяет мотылькам, бабочкам, разного рода детским впечатлениям и воспоминаниям — в ущерб рассказу о социально-политических реалиях дореволюционной России. В письме от 22 января 1952 г. (NWL, p. 299) Уилсон обратил внимание Набокова на последний абзац николсоновской рецензии: «Г-н Набоков не производит впечатление личности уживчивой. Странно, что человеку с таким безупречным вкусом может быть скучно в Кембридже и так замечательно в Соединенных Штатах» (H. Nicolson. Dead Butterflies // Observer, 1951, November 4, p. 4).

159

…еще одну в «Нью-Йоркере». — Речь идет о крохотной заметке в разделе «Коротко о книгах», сообщавшей о выходе «Убедительного доказательства» (New Yorker, 1951, vol. XXVIII, February 17, p. 115).

160

…место, где упоминаетесь ты и Елена. — Вероятно, имеется в виду фраза, завершающая первую главку рассказа «Ланс»: «Мы все здесь друзья — Брауны, Бэнсоны, Байты и Вильсоны» (перевод С. Ильина).

161

…предупредил меня, что не будешь участвовать в этой унылой гоголевской истории. — То есть в симпозиуме, приуроченном к столетию со дня смерти Н.В. Гоголя, который должен был пройти 6 марта 1952 г. при Колумбийском университете.

162

Гарри — то есть Гарри Левин (1912–1994), американский литературовед и критик, преподаватель, а затем и профессор Гарвардского университета, приятель В. Набокова.

163

…«это все пустое» (как заметили Татьяна Ларина и Фанни Прайс). — В комментарии к «Евгению Онегину» Набоков, разбирая письмо Татьяны, указывал на сходство выражений «это все пустое» и «tis nonsense all», которое Джейн Остин вложила в уста Фанни Прайс («Мэнсфилд-парк», ч. III, гл. 13).

164

Сестры Фокс — Кейт (1837–1892), Ли (1814–1890) и Маргарет (1833–1893) — основательницы спиритуализма; прославились тем, что 31 марта 1848 г. вступили в общение с духом торговца-разносчика, которого (как было установлено в 1904 г.) действительно убили бывшие владельцы дома и захоронили в подвале.

165

…*два стихотворения.* — «Lines Written in Oregon» («Строки, написанные в Орегоне») и «The Poplar» («Тополь»).

166

…*сборник пьес.* — «Пять пьес» (1954), куда вошла и «дьявольская пьеса» «Распутная молитва» (Cyprian's Prayer).

167

библейское эссе — «О первом чтении Книги Бытия» (New Yorker, 1954, May 15).

168

…издания на английском языке «Анны Карениной» с моими примечаниями, комментариями, вступлением и т. д. — Проект не был осуществлен, однако набоковский комментарий к «Анне Карениной» вошел в посмертно опубликованный том «Лекции по русской литературе» (1981).

169

Ковичи Паскаль (1888–1964) — американский издатель, с 1938 г. сотрудник, а затем — главный редактор издательства «Вайкинг пресс».

170

Страус Роджер Уильям-младший (1917–2004) — основатель и совладелец издательства «Farrar, Straus and Giroux». Ознакомившись с рукописью «Лолиты», он наотрез отказался печатать роман.

171

Кис Уэлдон (1914–1955) — американский поэт, прозаик, критик.

172

Рассказ, из которого вырос роман… — «Волшебник», написанный осенью 1939 г. в Париже и опубликованный уже после смерти писателя.

173

…*палестинское эссе*. — «Израиль» (New Yorker, 1954, Decemder 4), позже вошедшее в книгу «Краснокожие, черные, белые и смуглые» (Red, Black, Blond and Olive: Studies in Four Civilizations: Zuni; Hainti; Soviet Russia; Israel. London: W. H. Allen, 1956).

174

Казан Элиа (1909–2003) — американский режиссер, сценарист и продюсер греческого происхождения.

175

…книгу еще предстоит выбрать. — В конечном счете выбор пал на «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

176

Кончил читать твою очередную книгу… — Имеется в виду переиздание антологии «Шок узнавания», вышедшей под редакцией Уилсона в 1943 г.

177

Андерсон Шервуд (1876–1941) — американский писатель.

178

Элен Миранда Уилсон (р. 1948) — дочь Эдмунда и Елены Уилсон.

179

Спендер Стивен (1909–1995) — английский поэт и критик.

180

В Германии сходят с ума от пьесы Томаса Вулфа… — Пьеса «Мэннерхаус» американского писателя Томаса Вулфа (1900–1938), переведенная Петером Сэндбергом, впервые была поставлена в ФРГ в 1953 г.

181

Дюпи Фредерик Уилкокс (1904–1979) — американский критик и литературовед, профессор Колумбийского университета, автор статьи «„Лолита“ в Америке: письмо из Нью-Йорка» (рус. перев. см.: Классик без ретуши. С. 271–280), опубликованной в июньском номере журнала «Энкор ревью» за 1957 г.; здесь же, предваряя американское издание «Лолиты», были напечатаны эссе Набокова «О книге, озаглавленной „Лолита“» и несколько глав романа.

182

…*благодарю тебя за твою книгу*… — «Крупица моего ума» (A Piece of My Mind: Reflections at Sixty. — N. Y.: Farrar, Straus and Cudahy, 1956).

183

«Человек с огоньком» («Ginger Man») — роман американо-ирландского прозаика Джеймса Патрика Донливи (р. 1926), впервые был опубликован парижским издательством «Олимпия-пресс», выпустившим в свет и набоковскую «Лолиту».

184

«Марджори Морнингстар» (1955) — ставший бестселлером роман американского писателя Германа Вука (р. 1915).

185

Джордж Манн — двоюродный племянник Э. Уилсона, вместе с ним гостивший у Набоковых 25 мая 1957 г.

186

Солсбери Гаррисон Эванс (1908–1993) — американский журналист, историк и публицист, лауреат Пулитцеровской премии; после войны был корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Москве; написал несколько книг о Советском Союзе, в которых любил щеголять русскими словечками и поговорками (порой употребляя их не к месту и с ошибками).

187

Штегмюллер Фрэнсис (1906–1994) — американский прозаик, литературовед; активно сотрудничал с журналом «Нью-Йоркер».

188

Дюжарден Эдуард (1861–1949) — французский писатель, одним из первых в европейской литературе использовал «поток сознания» — в романе «Лавры срезаны» (Les lauriers sont coupés, 1888).

189

…прислать тебе свою новую книгу. — «Американское землетрясение» (The American Earthquake: A Documentary of the Twenties and Thirties (A Documentary of the Jazz Age, the Great Depression, and the New Deal). — Garden City, N. Y.: Doubleday, 1958.

190

…пытаюсь дописать Гражданскую войну… — То есть книгу «Запекшаяся кровь патриотов: литература времен Гражданской войны» (Patriotic Gore: Studies in the Literature of the American Civil War. — N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1962).

191

Что же до хамелеоновых перемен цвета лица… — В предисловии к переводу «Героя нашего времени» (порой напоминающем разносную рецензию) Набоков укорял Лермонтова и других русских писателей XIX века в «небрежении точными оттенками цветового спектра»: «…так на страницах „Героя нашего времени“ лица различных персонажей то и дело багровеют, краснеют, розовеют, желтеют, зеленеют и синеют» (Цит. по: В. Набоков. Лекции по русской литературе. — М.: Издательство Независимая Газета, 1996. С. 431–432).

192

Пегги Вейкон (1895–1987) — американская художница.

193

…очерк о Тоилэ, Т.С. … — Имеется в виду эссе «Т.С. Элиот и англиканская церковь» (New Republic, 1929, vol. 58, April 24), вошедшее в книгу Уилсона «Брега Лучезарные. Литературная хроника двадцатых и тридцатых».

194

Голд Герберт (р. 1924) — американский писатель; в 1960 г. сменил Набокова на посту преподавателя литературы в Корнеллском университете; в сентябре 1966 г. вместе с Джорджем Плимптоном взял у Набокова интервью для журнала «Paris Review», впоследствии вошедшее в книгу «Твердые суждения» (рус. перев. см.: Набоков о Набокове. С. 211–229); свои впечатления от встречи с писателем в Монтрё Голд изложил в эссе «Художник в погоне за бабочками» (The Artist in Pursuit of Butterflies // Saturday Evening Post, 1967, vol. 240, № 3 (February 11), pp. 81–85). Отследив публикацию и найдя в ней ошибки, Набоков оперативно откликнулся письмом в редакцию журнала (Saturday Evening Post, 1967, vol. 240, № 6 (March 25), p. 6). В «Юбилейных заметках», венчающих набоковский «фестшрифт» (Triquarterly. 1970. № 17), юбиляр благодушно отозвался о статье Голда (см.: Набоков о Набокове. С. 602), а позже, в эссе «Вдохновение» (1973), включил его рассказ «Смерть в Майами-Бич» в «полудюжину своих фаворитов» — наряду с рассказами Апдайка, Джона Барта, Сэлинджера, Чивера и Делмора Шварца (там же. С. 621).

195

…древние парапеты Европы. — Реминисценция из стихотворения Артюра Рембо «Пьяный корабль» (1883), в 1928 г. переведенного Набоковым на русский язык: «…о, Европа, твой древний парапет запомнил я навек!» (В оригинале: «…Je regrette l'Europe aux anciens parapets!»)

196

…совершенно неприемлемый пункт договора… — Получив рукопись комментированного «Евгения Онегина» и рассчитывая хоть как-то покрыть будущие убытки от явно некоммерческого издания, руководство издательства «Корнелл юниверсити пресс» предложило Набокову отказаться от гонорара.

197

…о *прекомичнейших похождениях «Лолиты» в Англии.* — Во многом своей славой «Лолита» была обязана скандалу, вспыхнувшему в Англии после того, как Грэм Грин рекомендовал ее в качестве лучшей книги 1955 г. (G. Green. Books of the Year 1 // Sunday Times, 1955, December 25, p. 4), а журналист Джон Гордон разразился по этому поводу гневной филиппикой, в которой назвал роман «отъявленной и неприкрытой порнографией», добавив при этом: «Всякий, кто осмелился бы напечатать или продать ее в нашей стране, несомненно, отправился бы за решетку» (J. Gordon. Current Events // Sunday Express, 1956, January 29, p. 16). Грэм Грин ответил ироничным письмом в «Спектейтор», предлагая организовать «Общество цензоров Джона Гордона», которое будет «проверять и при необходимости запрещать все неприличные книги, пьесы, живописные полотна и керамические изделия» (Spectator, 1956, February 10, p. 182). В конце декабря 1956 г., когда в европейской прессе бурно обсуждалось «аскетически строгое создание» Набокова, министерство внутренних дел Франции по личной просьбе британского министра внутренних дел наложило арест на книжную продукцию «Олимпии-пресс», в том числе и на «Лолиту», которая стала предметом обсуждения в английском парламенте в связи с новым законом о порнографии и преступлениях против нравственности. Найджел Николсон (1917–2004), член парламента от партии консерваторов и совладелец издательства, готовившегося опубликовать «Лолиту» в Англии, всячески защищал роман от обвинений в непристойности, за что подвергся ожесточенной критике записных моралистов, среди которых были и его товарищи по партии. Более того, родители издателя, известные в то время литераторы Гарольд Николсон и Виктория Сэквилл-Уэст, всячески отговаривали его от публикации романа, поскольку это могло повредить его политической карьере. Так и случилось: в феврале 1959 г. Николсон, до того вопреки «партийной линии» осудивший действия британского правительства во время Суэцкого кризиса (октябрь 1956 — март 1957), испортил репутацию в своем избирательном округе (он избирался от Борнмута) и в результате лишился места в парламенте, провалившись на октябрьских выборах 1959 г.

198

Комптон Маккензи Эдвард (1883–1972) — английский писатель.

199

…моя сестра… — Елена Владимировна Набокова (в замужестве Сикорская, 1906–2000). В 1919 году вместе с родителями эмигрировала за границу; в 1922 г. после убийства отца, Владимира Дмитриевича Набокова, вместе с матерью, сестрой Ольгой и братом Кириллом переехала в Прагу, жила там до 1947 г., а затем вместе с мужем и сыном перебралась в Женеву, где поступила на службу в библиотеку ООН.

200

…экземпляр «Приглашения на казнь»… — Осенью 1959 г. вышел английский перевод романа, выполненный Набоковым и его сыном Дмитрием.

201

Занят в основном сценарием… — С марта по сентябрь 1960 г. Набоков работал над киносценарием по роману «Лолита». В интервью своему бывшему студенту Альфреду Аппелю (сентябрь 1966) писатель заявил: «Самым же тщеславным моим предприятием в области драматургии был мой сценарий по „Лолите“. Я его написал для Кубрика, который, когда делал свой вообще-то превосходный фильм, оставил от него рожки да ножки» (Цит. по: Набоков о Набокове. С. 207).

202

…от «Zazie dans te Metro» я в восторге. — В свой «швейцарский период» Набоков неоднократно публично одаривал похвалами роман «Зази в метро» и другие произведения французского писателя Раймона Кено (см.: Набоков о Набокове. С. 308–309).

203

Уилсон Колин Генри (р. 1931) — английский писатель, снискавший успех у массового читателя фантастической сагой «Мир пауков» (1987).

204

…перепутал дату письма, в котором Чехов говорит о встрече с твоей родственницей. — В третьей главе третьего извода набоковской автобиографии («Память, говори») письмо А. П. Чехова за 22–23 июля 1888 г. датируется 3 августа (в соответствии с григорианским календарем); в этом письме Чехов, к неудовольствию Набокова, нелестно отзывается о его тетушке, П. Н. Тарновской: «Между прочим, на обеде познакомился я с женщиной-врачом Тарновской, женою известного профессора. Это толстый, ожиревший комок мяса. Если ее раздеть голой и выкрасить в зеленую краску, то получится болотная лягушка. Поговоривши с ней, я мысленно вычеркнул ее из списка врачей…»

205

«История О» — эротический роман, опубликованный в 1954 г. под псевдонимом Полин Реаж. Лишь в 1994 г. в авторстве скандально нашумевшего романа призналась писательница и переводчица Доминик Ори (наст. имя Анна Декло; 1907–1998).

partizan — Nazitrap — перевертыш из стихотворения, посланного Уилсону 6 февраля 1949 г.:

> Do you still work upon such sets
> As for example «step» and «pets»,
> As «Nazitrap» and «partizan»,
> «Red Wop» and «powder», «nab» and «ban»?

207

«La Juive» (1835) — опера французского композитора Жака Фроменталя Эли Галеви (1799–1862).